84.2(0)
С 42

СКАЗКИ НАРОДОВ ВОСТОКА

628627

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

С87
84.2(0)

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

С92

сказки народов востока

Издательство Академии Наук СССР
Москва · 1938 · Ленинград

Ответственный редактор А. К. Боровков
Технический редактор Д. С. Бабкин
Ученый корректор А. В. Сорокина

*

Рисунок обложки и орнаментация книги
худ. А. А. Ушина

*

Сдано в набор 28 июня 1937 г. Подписано к печати 7 декабря 1937 г. — 187 стр. Формат бум. 82 × 110 см. — 12 печ. л. 33408 тип. зн. в 1 печ. л. — 8 уч.-авт. л. Тираж 10225. — Ленгорлит № 5650. — АНИ № 161. — Заказ № 895.

Типография Академии Наук СССР.
Ленинград, В. О., 9 линия, 12

628627/2 хх-музей
Российская государственная
детская библиотека

«ТРУДЯЩИЕСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ВЫПОЛНЯЮТ ЛИШЬ СВОЙ ДОЛГ, ОКАЗЫВАЯ ПОСИЛЬНУЮ ПОМОЩЬ РЕВОЛЮЦИОННЫМ МАССАМ ИСПАНИИ. ОНИ ОТДАЮТ СЕБЕ ОТЧЕТ, ЧТО ОСВОБОЖДЕНИЕ ИСПАНИИ ОТ ГНЕТА ФАШИСТСКИХ РЕАКЦИОНЕРОВ НЕ ЕСТЬ ЧАСТНОЕ ДЕЛО ИСПАНЦЕВ, А ОБЩЕЕ ДЕЛО ВСЕГО ПЕРЕДОВОГО И ПРОГРЕССИВНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА».

И. В. СТАЛИН

Героическая борьба испанского народа за свою независимость, свободу и великую национальную культуру против фашистов и интервентов,— врагов свободы и культуры, вызывает сочувствие и восхищение всех народов Советского Союза. Все трудящиеся нашей страны бескорыстно помогают испанским братьям, их женам и детям в переживаемых ими ужасах нашествия варваров.

Группа советских востоковедов решила издать сборник сказок народностей Востока с тем, чтобы весь полученный гонорар передать в фонд помощи женщинам и детям героических испанских трудящихся. Каждый из участников этого сборника старался дать то, что можно было приготовить в кратчайший срок. Составители стремились при этом дать читателям собрание самых разнообразных и по содержанию и по национальной принадлежности сказок и подобрать свежие подлинные сюжеты. Все сказки переведены на русский язык впервые.

Мысль о составлении такого сборника была горячо принята коллективом сотрудников Института Востоковедения Академии Наук СССР и ра-

бота над ним протекала в атмосфере постоянной заинтересованности всех его участников. В свою очередь работники издательства Академии Наук СССР и художник А. А. Ушин всеми мерами поддержали инициативу составителей и решили свой труд, бесплатно подготовив сборник к изданию, также вложить в общее дело помощи женщинам и детям трудящихся Испании.

СОЛОВЕЙ

(Крымско-татарская сказка [1])

Когда-то жил купец. В доме у этого купца сидел в клетке красивый соловей.

Однажды купец собрался ехать в чужеземную страну. Соловей узнал об отъезде купца и говорит ему:

— Ты едешь как раз в ту страну, где живут мои родственники, передай им от меня привет.

Купец сказал:

— Хорошо, передам.

— Моя семья живет в этой стране, в таком-то саду. Ты разыщи их там, — и соловей объяснил купцу, как найти родных.

Купец отправился в путь. Направился он в эту страну и приехал туда. Кончил он свои дела и разыскал сад, о котором ему говорил соловей. В саду росли кусты роз и гранатовые деревья. Купец увидел на кустах соловьев, они пели и щебетали на все лады. На одном из кустов сидел соловей и рассыпался в трелях лучше всех остальных. Купец сказал ему:

— Эй, соловей! Один из твоих братьев живет у меня в клетке. От него я привез вам многое-множество приветов.

---

[1] Из сб. крымско-татарского фольклора: „Masallar", II, Крымгиз, 1936.

Соловей, услышав это, замертво упал с верхушки куста.

„Если бы я знал, не стал бы передавать привета, — подумал купец и взял в руки мертвую птицу. — „Птица и на самом деле умерла", — сказал он и бросил ее на землю.

Но птица вовсе не была мертвой. Когда купец бросил ее на землю, она снова ожила, вспорхнула и улетела.

Купец вернулся домой. Роздал своим братьям привезенные подарки. Соловей из клетки спросил его:

— Эй, купец! Передал ли ты мой привет?

Купец сказал:

— Если бы я знал, не стал бы говорить. Я передал твой привет соловью, который сидел на ветке. Он свалился на землю и умер. Я взял его в руки. Посмотрел. Но когда я его бросил на землю, он вновь ожил, вспорхнул и улетел.

В этот день соловей ничего не ел. На утро глянули — птица умерла.

Пришли к купцу и сообщили ему, что наша птица, мол, умерла.

Купец сказал:

— Принесите я посмотрю!

Соловья принесли. Купец взял птицу и видит — мертвая.

— Пойдите, бросьте ее подальше, — сказал он.

Птицу выбросили. Но она не была мертвой, — вспорхнула и улетела на свою родину.

Перевод О. Шацкой

КТО ХИТРЕЕ?

(Узбекская сказка)

В одной стране жили лисица, черепаха и клещ. Задумали они посеять втроем пшеницу. Весной они так и сделали.

Черепаха оказалась очень трудолюбивой: она всегда заботилась о пшенице, поливала ее, очищала от сорных трав, прогоняла с поля скот и так старалась, что даже похудела. Лисица же и клещ сидели сложа руки.

Наступило время жатвы. Черепаха сжала пшеницу, построила гумно и обмолотила ее. Очень устала бедняга! Осталось только свезти обмолоченную пшеницу домой в амбар, а тогда можно и отдохнуть!

Вдруг, откуда ни возьмись, появляются лисица и клещ.

— Салям, — говорят они.

— Салям, — отвечает черепаха. — Зачем вы пришли?

— Как зачем? Мы пришли, чтобы получить нашу пшеницу.

— А вы приходили, когда надо было поливать, снимать урожай и молотить? — сердито сказала она. — Чего же вам теперь нужно от меня?!

Они же продолжали твердить:

— Мы хотим получить нашу долю, мы ведь вместе сеяли.

Но черепаха все же не согласилась на это.

Тогда хитрая лисица, надеясь на свои ноги, предложила:

— Заберемся вместе на высокую гору и кто скорее добежит оттуда до гумна, — тот и получит всю пшеницу. Пусть сама судьба разрешит наш спор!

Делать нечего, — пришлось черепахе с клещом согласиться.

Поднялись они на самую высокую гору и побежали оттуда вниз к гумну. Неуклюжая черепаха второпях оступилась и покатилась вниз так быстро, что панцырь ее разлетелся в куски, и она тут же подохла. А лисица тем временем добежала до гумна, стремглав влетела на гумно, боясь, чтобы кто-нибудь не опередил ее. Но тут услышала вдруг она тоненький голосок:

— Ой, не задави меня!

— Кто это пищит? — спросила лисица.

— Это я, клещ.

— Как же ты здесь очутился?

— А я раньше тебя прибежал.

Что же оказалось? Когда они все собрались бежать с горы, клещ незаметно присосался к передней лапе лисы. И когда она вбежала на гумно, то тотчас же слез с лапы и притворился, что прибежал первым на гумно. Так и пришлось лисице уступить клещу всю пшеницу.

Запись и перевод И. Алимова и О. Шацкой

ЛЕВ И ЗАЯЦ

(Перевод с табасаранского)

В лесу, скрытом от людей, журчали ручьи, росли травы. В этом лесу жили дикие звери. У них был царь, и это был лев. Он ежедневно охотился на диких зверей и поедал их. В то время как он охотился за одним и убивал его, пятеро других зверей околевало от страха.

Перепуганные звери собрались и стали совещаться между собою.

— Каждый день лев находит себе среди нас жертву и причиняет нам большой вред, — говорили они. — Когда он охотится за одним из нас, пятеро других околевают от страха. Одним словом, мы должны сообща решить — как нам быть?

И они решили: — Бросим жребий; кому выпадет жребий, тот пусть и будет добычей льва, мы же, остальные, будем спокойны.

Они сообщили об этом решении льву. Лев остался доволен их решением. Звери кинули жребий между собою. Жребий выпал зайцу. Заяц и говорит зверям:

— Не годится нам отдавать себя на съедение льву. Давайте устроим этому льву одну штуку.

Звери сказали зайцу:

— Ты самый маленький из всех нас, какую же штуку ты можешь сделать?

Заяц ответил им:

— Вы мне только разрешите, а уж я сумею устроить льву одну штуку.

Звери согласились. Заяц не спеша пустился в путь. Ему надо было явиться ко льву утром, а он и полдень провел в пути. Наконец, заяц притворился хромым и плача пришел ко льву. Разгневался лев:

— Почему ты опоздал? сказал он.

Заяц ответил льву:

— Я шел к тебе на обед, а другой заяц должен был притти на завтрак; в пути нам повстречался какой-то лев. Он скушал твой завтрак, а мне сказал: „Ты куда идешь?“ Я ответил: „Иду к нашему государю на съедение“. Он говорит: „Кто здесь государь помимо меня?“ Тут обругал он меня и поэтому-то я и опоздал.

Лев страшно рассердился и сказал зайцу:

— Не знаешь ли ты, где он сейчас?

Заяц ответил;

— Да, знаю.

Отправился заяц впереди, а лев следом за ним. Пришли они к глубокому колодцу. Заяц и говорит:

— Он в этом колодце.

Лев глянул туда и увидел в воде подобного себе льва. В ярости бросился он на льва в воде. Упал в воду лев и околел. Заяц спасся от съедения. Уцелевшие звери превозносили зайца.

Запись и перевод А. Генко

МЕСТЬ ВОРОБЬЯ

(Калмыцкая сказка)

Было это давно. Жил-был тогда воробей, сел он на камыш и укололо об этот камыш. Отправился он к козе просить ее, чтобы она съела камыш. Когда он пришел к ней, коза сказала:

— Я не буду есть твой камыш, я сама едва не умираю от страха перед волком.

Тогда воробей отправился к волку просить его съесть козу. Когда он пришел к волку, волк сказал:

— Я не буду есть твоей козы, я и сам едва не умираю со страху перед табунщиком.

Тогда воробей отправился к табунщику просить, чтобы тот убил волка. Когда он пришел к табунщику, тот сказал:

— Я не буду убивать твоего волка, я и сам едва не умираю со страху перед хозяином.

Тогда воробей отправился к хозяину просить проучить табунщика. Когда он пришел к хозяину, хозяин сказал:

— Я не могу проучить табунщика, потому что не могу подняться с места, так оброс жиром.

Тогда воробей отправился к мышам просить их, чтобы объели жир у хозяина. Когда он пришел к мышам, мыши сказали:

— Мы не будем есть жир твоего хозяина, мы и сами едва не умираем от страху перед кошкой.

Тогда воробей отправился к кошке просить, чтобы она съела мышей. Когда он пришел к кошке, кошка сказала:

— Я не буду есть твоих мышей, я и сама едва не умираю со страху перед детьми.

Тогда воробей отправился к детям просить детей побить кошку. Когда он пришел к детям, дети сказали:

— Мы не будем бить твою кошку, мы и сами едва не умираем со страху перед матерью.

Тогда воробей отправился к матери просить ее, чтобы она наказала своих детей. Когда он пришел к матери, мать сказала:

— Я не буду наказывать детей, я не могу сладить с шерстью и смертельно боюсь ветра.

Тогда воробей отправился к ветру и просил подуть на шерсть, которую сушила и трепала мать. Ветер согласился и подул, мать рассердилась и наказала детей, дети побили кошку, кошка бросилась на мышей, мыши объели жир у хозяина, хозяин проучил табунщика, табунщик пошел на волка, волк накинулся на козу, коза съела камыш. Так воробей отомстил за обиду.

Перевод Г. Румянцева

ДВА БРАТА

(Карачаевская сказка [1])

Жили были два брата. Один брат был скупой, другой добрый. Скупой брат был богат, у доброго же брата была всего на всего одна маленькая лошаденка.

Однажды скупой брат сказал доброму:

— Собирайся, пойдем в одно место!

Отправился добрый брат на своей лошаденке, а скупой пешком. Путем-дорогою скупой брат сел верхом на лошадь своего брата и уехал от него. Шел, шел добрый брат по его следам и остановился на ночь в какой-то пещере.

Ночью пришли в пещеру лиса, волк и медведь. Увидел их бедный брат да и спрятался в самый дальний угол пещеры. Тут медведь сказал лисе:

— Чем пробавляешься, лисичка?

Лисичка ответила:

— Днем я ловлю жуков, червей, а ночью у меня есть маленький золотой обруч, так я играю с ним.

Во второй раз спросил медведь волка:

— Волк, а ты как поживаешь?

Волк ответил:

— Да вот в одном месте есть слепой пастух, я хожу каждый день да ем у него по одной овце, пастух этот и не знает совсем, что у него есть серая овечка, а если бы ему

---

[1] По записи W. Pröhle.

зарезать ее да помазать ее салом глаза, они были бы у него здоровыми.

Тогда и медведь сказал:

— Да я тоже вот; в одном месте есть селенье, а вода-то от него далеко; каждый день, как женщины придут по-воду, я одну из них и съем. В селенье том и не знают вовсе, что посредине у них есть яма, а если бы они покопали ее, то вода появилась бы в ней.

Бедняк слышал все это, а как рассвело, поутру, и медведь и волк и лиса разошлись. Взял человек обруч лисы да отправился к пастуху и говорит ему:

— Пастух, что ты дашь мне, если я вылечу твои глаза?

Пастух сказал:

— Можешь взять половину моих овец.

Бедняк поймал пастухову серую овечку, зарезал, помазал ее салом глаза пастуху да и вылечил их. Пастух разделил свое стадо надвое и отдал ему половину. Забрал их бедняк да и погнал в то селение, где не было воды. Пришел он туда и говорит:

— Что вы мне дадите, если я добуду воду среди селения?

Народ сказал ему: „Сколько захочешь денег, столько и дадим".

Человек этот прокопал яму и вывел воду. И вот, получив много денег, погоняя свое стадо, да с золотым обручем пришел он к себе домой.

Когда он пришел домой, скупой брат спросил:

— Где ты нашел столько добра?

Бедняк сказал ему, что, мол, когда ты бросил меня, я шел, шел да и остановился на ночь в одной пещере. В пещеру пришли медведь, волк и лиса, да и стали друг другу рассказывать. Медведь сказал, что в одном селении, мол, вода далеко и мучаются там из-за этого, не зная совсем, что посредине у них есть яма, а если ее покопать,

то и вода появится. Волк сказал, что в одном месте есть-де слепой пастух, а не знает он вовсе, что у него есть серая овечка, а зарежь он ее и потри ее салом глаза, они и поправились бы. А лисичка прибавила, что и у нее, дескать, есть золотой обруч в пещере.

Когда скупой брат услышал об этом, то решил и сам отправиться в ту пещеру.

Ночью, когда он лежал в пещере, явились давешние медведь, волк и лиса. Лисичка сказала медведю:

— Медведь, кто-то украл мой золотой обруч.

Тут и волк заявил:

— А мой слепой пастух-то прозрел; когда я отправился, он погнался за мной с ружьем и прогнал.

А медведь говорит:

— И я тоже когда пошел, посреди селения вода оказалась, и никого не нашел я чтобы съесть.

Потом медведь сказал:

— Что же такое случилось, посмотри-ка ты лиса в пещере!

Лиса посмотрела и сказала:

— Ничего нет!

Тогда медведь сказал волку, а волк посмотрел и говорит:

— Что бы ни было, а что-то есть!

Встал медведь, посмотрел, увидел скупого брата и схватил его. Втроем они разорвали его на куски.

Перевод А. Боро кова

МЕРГЕН-ГУЛАЙ (МУДРЫЙ ЗАЯЦ)

(Монгольская сказка

Когда-то две овцы отправились на поклонение в монастырь Лобон-Ченбо.[1] По дороге повстречали они волка.

— Куда это вы направляетесь? — спросил он.

— Мы идем на поклонение в Лобон-Ченбо, — отвечали овцы.

— А, — сказал волк, — если вы такие благочестивые, то должны войти в мое положение и понять, что я голоден. Я вас съем!

— Да, батюшка волк, — отвечали овцы, — конечно, вы нас съедите. Но сперва мы сходим на поклонение в Лобон-Ченбо, а затем уж вы ешьте нас!

— Хорошо! — сказал волк и отпустил их.

Дошли они до Лобон-Ченбо, совершили поклонение и пошли обратно. Пришли они на то место, где расстались с волком и где условились с ним встретиться. Явился туда и этот скверный волк.

— Ну, — спросил он, — хорошо ли вы сходили?

— Хорошо, — отвечали овцы.

— Теперь я вас съем! — сказал волк.

---

[1] Лобон-Ченбо — монастырь в западной части Внутренней Монголии (теперь провинция Нин-ся), недалеко от южной границы Монгольской Народной Республики.

Пошли они втроем дальше. В это время мимо бежал заяц, и овцы обратились к нему с такими словами:

— С искренним благоговением ходили мы на поклонение в Лобон-Ченбо, а тут этот волк идет за нами, не отстает и хочет нас съесть. Поэтому решили мы спросить совета у батюшки-зайца, как нам быть?

— Конечно, вас съедят, — отвечал молодец-заяц, — но все-таки вы остановитесь и подождите здесь немного!

Оставив всех трех — овец и волка ожидать на дороге, заяц помчался вскачь. Прибежал он к покинутому стойбищу и нашел там барюль[1] для котла и красную бумагу от чайной обертки. Схватил их и прибежал обратно. Положил молодец-заяц барюль сажей вниз, уселся на нем, как на олбоке,[2] и объявил, что будет читать указ манчжурского хана. Чтобы напугать волка, взял он красную бумагу, сочинил и прочел такие слова:

— Повелел хан сшить доху из семидесяти двух волчьих шкур. Ныне не достает только одной шкуры. Вот что говорится в ханском указе, — сказал заяц; — сегодня я как раз и встретил волка; если с тебя содрать шкуру, то ханская доха будет готова!

Услышал это волк и как можно скорей, оглядываясь, побежал прочь.

А овцы благополучно вернулись домой.

Запись и перевод Л. С. Пучковского

---

[1] Барюль — два куска войлока, которыми снимают с огня котел для варки пищи и чая. Одна сторона барюля всегда в саже от котла.

[2] Олбок — войлочная подушка для сидения.

ТРИ ЖЕНИХА

(Древне-индийская сказка)

В Уджайини у царя Пуньясены был преданный и любимый министр по имени Харисвами. У этого брахмана от супруги, столь же добродетельной, как и он сам, родился добродетельный, достойный своих родителей сын по имени Девасвами. Через некоторое время у него родилась достойная этого рода дочь по имени Сомапрабха, прославленная за свою несравненную красоту и изящество.

Гордая своей замечательной красотой, эта добродетельная девица, достигнув брачного возраста, сказала отцу и брату устами своей матери:

— Выдайте меня замуж за храброго воина, либо за прорицателя, либо за волшебника. Не выдавайте ни за кого другого, если не хотите моей смерти.

Услышав это, ее отец Харисвами стал думать о столь редком женихе. Меж тем как он был занят этими заботами, неожиданно царь Пуньясена отправил его с посольством для заключения союза к владетелю Декана, начавшему войну.

Когда он выполнил данное ему поручение, к нему явился некий очень ученый брахман и стал свататься за его дочь. Харисвами сказал ему:

— Моя дочь не хочет иного мужа, кроме как волшебника, прорицателя или храброго воина. Благоволи же сказать, кто ты?

В ответ на эти слова брахман жених сказал:

— Я знаю науку.

— Так покажи свое знание, — сказал ему снова Харисвами, и волшебник своею силою создал колесницу, летающую по небу. В один миг посадив Харисвами на эту волшебную колесницу, он повез его и показал ему небо и другие миры. После этого он доставил обрадованного Харисвами обратно в стан деканского царя, куда он прибыл по делу. По возвращении в стан Харисвами обещал волшебнику выдать за него свою дочь. Свадьбу он назначил на седьмой день.

В то же самое время в Уджайини к его сыну Девасвами пришел другой брахман и посватался за его сестру. Когда Девасвами объявил ему, что его сестра не хочет иного супруга, кроме как прорицателя, волшебника или храброго воина, жених заявил, что он храбрый воин. Когда он показал свое дивное искусство владеть оружием, то Девасвами обещал храброму воину выдать за него свою младшую сестру. Приняв это решение без ведома матери, по указанию астрологов, он обещал устроить свадьбу в седьмой день.

В то же самое время к его матери, к супруге Харисвами, явился третий жених и стал свататься за ее дочь. Когда она сказала ему: „Наша дочь решила выйти замуж только за прорицателя или храброго воина или волшебника“, он в ответ на это объявил: „Мать, я — прорицатель“. Спросив у него прошедшее и будущее, она обещала прорицателю выдать за него свою дочь и назначила свадьбу также на седьмой день.

На другой день вернулся домой Харисвами и сообщил своей супруге и сыну, что он принял решение выдать дочь замуж. Каждый из них со своей стороны рассказал ему о том, что он сделал. Узнав о приглашении трех женихов, Харисвами пришел в сильное смущение.

И вот в день свадьбы в доме Харисвами оказалось три жениха — прорицатель, волшебник и храбрый воин.

И в это самое время та девушка-невеста Сомапрабха неожиданно непонятным образом куда-то исчезла и, несмотря на поиски, не нашлась.

Тогда Харисвами в большом смущении обратился к прорицателю:

— Прорицатель, скажи скорее, где находится теперь моя дочь.

Услышав это, прорицатель сказал.

— Ее похитил ракшас[1] Дхумашикха и увез ее в горы Виндхья в лес, в свое жилище.

Услышав эти слова прорицателя, испуганный Харисвами воскликнул:

— О, проклятие! Как вернуть ее? О, как же ее свадьба?

Услышав это, волшебник сказал:

— Будь тверд. Я немедленно доставлю вас туда, где, как говорит прорицатель, находится твоя дочь.

Промолвив это, он в одно мгновение создал волшебную колесницу. В ней было много всяческого оружия. Посадив на колесницу Харисвами, прорицателя и храброго воина, он в одно мгновение доставил их по воздуху в лес в горах Виндхья, к жилищу ракшаса, указанному прорицателем.

Узнав о происшедшем, ракшас в ярости вышел из своего дворца. Тогда храбрый воин, сопровождаемый Харисвами, вступил с ним в бой. И вот там произошел великий бой между человеком и демоном. Один сражался волшебством, другой оружием из-за женщины, как некогда сражались Рама[2] и Раван. Когда ракшас был опьянен

[1] Демон.

[2] Мифический герой древней Индии. Его супруга Сита была похищена демоном Раваном. Рама убил Равана и получил супругу обратно.

боем, храбрый воин в один миг отрезал ему голову своей стрелой, с острием, подобным половинной луне.

Когда ракшас был убит, из его дворца освободили Сомапрабху и на колеснице волшебника все вернулись обратно.

Когда женихи прибыли в дом Харисвами и наступил назначенный им день свадьбы, между прорицателем, волшебником и храбрым воином возник большой спор. Прорицатель воскликнул:

— Если бы я не узнал, где она, как могли найти эту девицу, находившуюся в неизвестном месте? Поэтому она должна быть выдана замуж за меня.

Волшебник же сказал:

— Если бы я не создал воздушную колесницу, то каким образом могли бы вы в одно мгновенье, как боги, слетать туда и обратно? Без колесницы как можно было бороться с ракшасом, находившимся на колеснице? Поэтому она должна достаться мне. Я заслужил ее руку.

Храбрый воин же сказал:

— Если бы я не убил того ракшаса в бою, то, несмотря на все ваши усилия, кто бы вернул эту девицу? Поэтому она должна достаться мне.

Меж тем как они вели такой спор, Харисвами некоторое время молчал, находясь в полном недоумении. Потом он обратился к царю со словами:

— Да благоволит царь, мой господин, сказать, за кого я должен выдать ее.

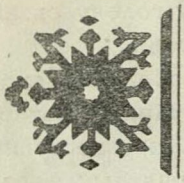
Услышав его вопрос, царь Тривикрамасена сказал:

— Ты должен выдать ее за храброго воина, который, рискуя своей жизнью, своей мужественной рукой завоевал ее, убив в бою ракшаса. Прорицатель и волшебник самим творцом созданы для того, чтобы работать на других. Разве не всегда к услугам других астролог?

Перевод с санскрита А. Баранникова

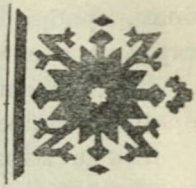
628627

Российская государственная детская библиотека



СКАЗКА О ГОРДОЙ КРАСАВИЦЕ

(Азербайджанская сказка)



В персидском царстве жил-был шах Аббас. Справедливость и правосудие были у него на первом плане, но, чтобы его не обманывали государственные чиновники, он любил переодеваться дервишем и со своим везирем Алла-Верди-ханом ходил по всей стране, сам наблюдая, где что делается.

Однажды он и его везирь шли мимо дома бедного дровосека. Вдруг из открытого окна они услышали разговор, который за шитьем вели между собой три дочери дровосека. Старшая девушка сказала:

— Ах, как бы я хотела стать женой сына везиря!

Средняя дочь была скромнее и добавила:

— Ну, а я довольна бы осталась, если бы меня хоть сын векиля взял замуж.[1]

Младшая же из сестер была красива, как луна в четырнадцатую ночь. Она рассмеялась и сказала:

— Ах, какие вы глупые, вы так мало хотите, разве трудно стать женой везиря или векиля! Нет, я бы хотела чтобы сам шах Аббас как слуга нес мое белье, когда я отправлюсь в баню.

Услыхал шах Аббас слова младшей из сестер, страшно рассердился, вернулся во дворец и тотчас же переоделся

---

[1] Везирь — министр, векиль — сановник.

во все красное — в знак сильного гнева. Затем он приказал сыну везиря жениться на старшей сестре, сыну векиля на средней, а младшую дочь дровосека, красавицу Зейнаб, велел немедленно казнить. В доказательство же того, что она действительно убита, приказал своему палачу принести во дворец ее окровавленную рубашку. На другой день палач повел девушку на казнь. По дороге он залюбовался на ее красоту, и ему стало жалко ее губить. А она, заметив это, стала так усиленно просить помиловать ее, так долго умоляла отпустить и так горько плакала, что палач сжалился над ней, освободил ее и просил уйти подальше из города. Но боясь гнева шаха Аббаса, он снял с девушки рубашку, убил ворону и вымазал вороньей кровью. После этого он вывел девушку за городские ворота, а шаху отдал окровавленную рубашку в доказательство смерти девушки. Шах остался очень доволен, думая, что гордая дочь дровосека получила по заслугам и щедро наградил палача.

Девушка же в это время шла и шла по дороге, сама не зная куда. К концу дня она очень устала и проголодалась. Вскоре она увидела какую-то жалкую полуразвалившуюся лачугу и стала просить хозяев пустить ее переночевать. Хозяева лачуги были бедняки, но, узнав о ее тяжелом положении, сжалились над ней и оставили у себя жить. В скором времени к ним зашел странствующий дервиш. Он с первого же взгляда был поражен красотой девушки и узнав о том, что она чужая хозяевам, повадился часто ходить к ним. Каждый раз он приносил хозяевам много всякого золота, прося сохранить. Но когда этого золота скопилось такое большое количество, что им оказался набит целый мешок, хозяин сказал дервишу:

— Ты лучше его забери, а то я боюсь хранить такую уйму чужого добра.

Дервиш ответил:

— Пусть это золото станет твоим, только ты дай мне взамен девушку, которая у тебя живет.

Хозяин не сразу согласился на это: и он и его жена успели привыкнуть к Зейнаб и полюбить ее. Но соблазн был слишком велик; в конце концов они все же решились отдать девушку. В тот же день Зейнаб с горькими слезами должна была отправиться с незнакомым человеком в далекий путь.

Через несколько дней девушка и ее хозяин дервиш пришли в какой-то большой дворец, окруженный прекрасным садом. В этом дворце было сорок комнат, в каждую из них вела дверь прямо из сада. Вся посуда была там из чистого золота и драгоценных каменьев. Полы были устланы дорогими коврами. Этот дворец принадлежал, оказывается, дервишу, который на самом деле был злым волшебником. Девушка прожила в этом дворце в роскоши и довольстве несколько дней, не зная, что с ней будет дальше, и, наконец, решила спросить у своего хозяина, зачем он ее взял. Дервиш ответил, что она узнает об этом после. Вскоре он устроил большой пир и пригласил на него столько гостей, что в каждой из сорока комнат оказалось по сорок человек. Девушка заметила, что все гости были очень толстые. Когда приглашенные уселись за стол, хозяин стал угощать их пловом, обильно поливая маслом. После того, как гости поели плова, Зейнаб увидела, что все они начали постепенно превращаться в золотых людей. Тут она догадалась, почему дервиш пригласил к себе на пир только толстяков: это для того, чтобы из них получилось больше золота. Она не выдержала и стала бранить дервиша за то, что он погубил столько народу. А он сказал ей:

— Я сделал это, чтобы пышнее и богаче отпраздновать нашу свадьбу, так как я решил на тебе жениться.

Она же ничего не хотела слушать и продолжала браниться и плакать. Тогда дервиш испугался, что она выдаст его, и решил и ее превратить в золото. За обедом он полил плов с ее стороны тем же колдовским маслом, каким угощал и гостей, свою же сторону, чтобы она тоже казалась жирной, полил простой водой. Девушка догадалась о его замысле, попросила принести ей воды и, когда дервиш отвернулся, она незаметно повернула блюдо так, что масляная сторона оказалась перед ним.

Он поел немного плова и вдруг превратился в золото. Зейнаб поблагодарила аллаха за избавление и стала жить во дворце очень богато. К сорока дверям, ведущим во дворец, она поместила по служанке и приказала им давать нищим и странникам, к какой бы двери они ни подошли, столько золота, сколько каждый может снести на себе.

Вскоре слава о ее щедрости распространилась по всей стране.

Однажды к шаху Аббасу обратился за подаянием какой-то бродячий нищий. Шах Аббас щедро наградил его и спросил при этом:

— Ты, наверное, никогда не получал такое подаяние. И есть ли в мире человек щедрее меня?

Нищий сказал:

— Я бы ответил тебе, о шах, на твой вопрос, но боюсь, что ты прикажешь убить меня.

Шах Аббас сказал:

— Не бойся, говори!

Тогда странник рассказал о девушке, которая всем беднякам, приходящим к сорока дверям ее дворца, дает столько золота, сколько они могут снести на себе.

Шах Аббас очень удивился и решил сам проверить, правду ли говорит нищий. Он приказал арестовать странника на случай, если его слова окажутся ложью, а сам оделся в рубище и вместе со своим везирем, тоже переоде-

тым в костюм нищего, пошел во дворец девушки. Она же, зная, что слава о ней рано или поздно дойдет до шаха Аббаса и что он наверное сам придет к ней, ждала его и, как только он пришел, сразу же узнала шаха, но не подала вида. Затем она пригласила его и везиря к себе во дворец, угостила хорошим обедом, а сама между тем приказала своим служанкам не отзываться, сколько бы она их ни звала. Несколько часов спустя она собралась итти в баню и, связав узел с бельем, стала звать служанок. Но так как она им приказала к ней не являться, то они и не появлялись, сколько она ни кричала. Тогда Зейнаб обратилась к шаху Аббасу:

— Может быть вы мне донесете узел с бельем до бани, а то служанки наверное спят, а самой мне нести тяжело.

Нечего делать, пришлось шаху Аббасу взвалить ее узел на спину и донести до бани. Около бани она его попросила подождать, когда она вымоется, чтобы и грязное белье помочь ей снести во дворец. Сама же, выходя из бани, нарочно намочила это белье, но не выжала, а просто завязала его в узел и отдала шаху Аббасу. Вскоре он почувствовал, что с него кругом течет вода и сам он весь мокрый, — но все же пришлось донести узел до дому.

Вечером девушка попросила дервишей, т. е. переодетых шаха и везиря, рассказать ей о том, что они видели во время своих странствований. Они согласились, но из вежливости попросили ее сначала рассказать что-либо. Зейнаб воскликнула: „Хорошо, я расскажу вам сказку про одну девушку, только уговор, не обижайтесь на меня!“ И начала рассказывать обо всем, что с ней произошло с того времени как шах Аббас услыхал разговор трех дочерей дровосека. Когда она дошла до того места рассказа, где шах Аббас, переодетый нищим, нес мокрый узел с ее бельем на своей спине, шах Аббас догадался, что желание девушки уже сбылось, рассмеялся и сказал:

— Хорошо, ты меня перехитрила, но ты теперь должна выйти за меня замуж.

Зейнаб ответила, что не отказывается стать его женой, но лишь после того, как он разузнает и поведает ей тайну одного бедняка, который живет около реки. Бедняк этот все время мыл белую бязь в реке и вешал сушить, но как только бязь высыхала, снова начинал ее мыть и так каждый день продолжал это занятие с утра до ночи.

Шах Аббас согласился пойти разузнать про эту тайну и вместе с везирем отправился на берег реки. Однако этот странный человек не открыл им своего секрета, а предложил пойти еще к одному человеку, у которого тоже была какая-то тайна. Если им удастся ее открыть, тогда он взамен откроет им свой секрет. При этом он рассказал, что человек, к которому он посылает шаха Аббаса, живет очень богато, но не имеет никаких слуг, при нем постоянно находится собака и попугай. Кроме того, у него в доме есть какая-то черная голова. За обедом он дает отбросы со стола сначала собаке, а остатки после нее бросает попугаю. Когда же попугай отказывается есть эти остатки, хозяин начинает бить палкой черную голову. Увидя это, попугай через силу поедает отбросы. И так каждый день.

Заинтересовавшись сам этой историей, шах Аббас вместе с везирем тотчас же отправился к богачу и стал настаивать на том, чтобы он открыл им свою тайну. Тот сначала ни за что не хотел говорить, но потом догадался, что к нему пришли не простые нищие и рассказал им следующее:

— У меня была жена, которую я очень любил, слуга-негр и собака. Однажды я узнал, что жена любит не меня, а моего слугу. Тогда я напал на негра и намеревался убить его. Жена стала помогать ему и я не смог бы справиться с ними, если бы мне не помогла моя собака. Мы

с нею одолели негра. Я отрубил ему голову и оставил у себя в доме, а тело тайком снес ночью на кладбище. Однако я боялся, что жена донесет на меня властям и расскажет об убийстве. Я знал заговор и в наказание превратил ее в попугая. И вот теперь я даю оставшуюся от стола пищу сначала моей собаке, которая помогла мне одолеть негра, а отбросы кидаю жене-попугаю. Если попугай отворачивается от этой пищи, я бью голову негра палкой и попугай через силу начинает есть, чтобы я перестал бить. Теперь, — добавил он, — я должен убить вас, чтобы вы не сообщили властям о моем преступлении, — и стал точить кинжал.

Шах Аббас и Алла-Верди-хан решили как-нибудь убежать и стали просить этого человека, чтобы он позволил им перед смертью совершить намаз. Он согласился. Когда шах Аббас и его везирь вышли во двор для омовения, они стали внимательно осматривать дом и сад богача и увидели, что забор, окружающий сад, не очень высок. Не долго думая они перелезли через забор и убежали. А богач так усердно точил свой кинжал, что и не заметил этого.

Вернувшись к бедняку, который мыл бязь в реке, они сообщили ему обо всем, что им удалось узнать. Взамен того он, как обещал, рассказал им свою тайну, почему он целыми днями мыл в реке и сушил один и тот же кусок бязи.

— Раньше я занимался ремеслом красильщика, покупал бязь, мыл ее, чтобы она была мягкой, и окрашивал в разные цвета, а затем продавал на базаре. Однажды, когда я мыл бязь на реке, прилетела большая черная птица и недалеко от меня стала пить воду. Мне захотелось ее поймать. Тогда я незаметно подкрался к ней, схватил и привязал бязью к своему поясу, чтобы она не могла никуда улететь. Но я не подозревал, что птица очень

сильна, и когда я лег спать, она полетела и понесла меня за собой. Мы долго летели через разные земли и моря, пока не достигли страны, в которой стоял большой красивый дворец. В нем жила молодая девушка необычайной красоты, которая, как оказалось впоследствии, была заколдована. Я сразу же полюбил эту девушку, она мне ответила тем же, и мы поженились. Жили мы с ней очень хорошо. Через год у нас родился мальчик. При этом моя жена предупредила меня, что я не должен его никогда целовать. Я с болью в сердце согласился на это. Так прошло много времени.

Когда нашему сыну исполнилось пять лет, я однажды привез ему с базара гостинцев. Мальчик выбежал мне навстречу и был так доволен и весел, что я не выдержал и поцеловал его. Придя домой, я увидел, что жены нет дома. Вскоре она вернулась, но была очень сердитой на меня, так как уже знала, что я не сдержал обещания и поцеловал нашего мальчика.

Затем она развела огонь и стала в большом котле нагревать воду, а когда вода закипела, она схватила нашего сына и бросила в котел. Мы с ней долгое время не разговаривали, но потом я решил прекратить ссору и стал просить у нее прощения, обещая, что если у нас еще родится ребенок, то я ни за что не буду его целовать. На этом мы помирились и опять стали жить хорошо и дружно. Через год у нас опять родился мальчик, и когда ему было три года, я опять поехал на базар и привез ему гостинцев. Он очень обрадовался и, чтобы поблагодарить меня, стал тянуться к моим губам. Тогда я не выдержал и поцеловал его. Но жена опять рассердилась и с этим мальчиком сделала то же самое, что и с первым. Мы опять долго не разговаривали. Потом она простила меня, и при этом сказала, что если я поцелую нашего третьего ребенка, то она уже меня не сможет простить

и нам придется расстаться. Я дал клятвенное обещание, что если у нас родится ребенок, то я уже никогда не буду целовать его. Мы помирились и через год у нас родился третий сын. Когда ему исполнилось два года, я, возвратившись с базара, забылся и опять поцеловал мальчика. Тогда жена бросила его, как и первых двух наших сыновей в кипяток, после этого откуда-то вдруг прилетела большая черная птица, которая раньше принесла меня во дворец. Она схватила меня за воротник и полетела вместе со мной обратно на старое место к моей бедной лачуге, где и бросила. С тех пор я очень скучаю и каждый день мою бязь на реке в надежде, что может быть опять прилетит эта птица и возьмет меня во дворец к моей жене. Вот и весь мой рассказ.

Шах Аббас и Алла-Верди-хан выслушали этого человека, поблагодарили его за то, что он открыл им свою тайну, и вернулись к Зейнаб. Затем Шах Аббас обручился с девушкой, они забрали золото и драгоценности из дворца дервиша, вернулись в столицу и устроили такую пышную и богатую свадьбу, что ее нельзя описать словами. Семь дней и семь ночей длился пир.

Желание девушки сбылось. Желаю и вам также достичь всех ваших желаний.

Запись и перевод О. Шацкой

ТРИ БРАТА

(Дунганская сказка)

Некогда жили три брата. Старший и средний были богатые, а младший бедняк. На голове он носил шапку, сделанную из бараньего желудка, и поэтому все называли его „Плешивый". Старшие братья всегда были одеты в отличные одежды и ездили на прекрасных конях. Младший же с утра до вечера пас овец. Каждый раз когда он вечером возвращался с пастбища, старшие братья без всякого повода набрасывались на него и задавали ему трепку. Кроме того, они держали его постоянно впроголодь и одевали во все драное.

Однажды младший брат пас в степи стадо и громко оплакивал свою жизнь. И вот появился перед ним какой-то старик и сказал:

— Сын мой, почему ты плачешь?

— Почему я плачу, это я знаю, а вот ты-то почему меня об этом спрашиваешь? — ответил пастух.

— Скажи же мне, что у тебя за горе?—продолжал старик.

— А какая будет мне польза, если я тебе расскажу? — снова ответил пастух.

— Расскажи мне, и я постараюсь тебе помочь, — продолжал настаивать старик.

Младший брат тогда и говорит:

— Ближних никого у меня нет. Нас всего трое, я и два моих старших брата. Родственников мы не имеем. Оба

мои брата очень богатые. Они всегда хорошо одеваются, имеют отличных коней и с утра до вечера гуляют. Со мною они обращаются плохо и заставляют с утра до вечера пасти овец. Каждый раз когда я возвращаюсь вечером с пастбища, они задают мне трепку и ругают плешивым.

Старик выслушал все это и говорит:

— Положение твое действительно тяжелое, но я тебе постараюсь помочь. Вот тебе три пера — белое, черное и желтое. Спрячь их и смотри, чтобы никто о них не узнал. Когда же тебе станет невмоготу, возьми белое перо и подожги его, оно тебе сразу и поможет.

Прошло довольно много времени. Младший брат попрежнему пас овец, попрежнему братья издевались над ним, ругали плешивым и били. Однажды, в непогоду, ему стало особенно тоскливо. Вспомнил он о трех перьях, которые ему дал старик. Вынул он одно из них, посмотрел на него. Посмотрел и подумал с недоверием: „Как же это перо может мне помочь?“ Подумал и спрятал.

И вот однажды царь велел объявить всем, что в пятый день четвертого месяца будут устроены конные состязания. Будет построена башня высотой в три этажа и тот, кто эту башню на коне перепрыгнет, получит в жены царскую дочь.

Старшие братья решили принять участие в состязании. Приготовили себе прекрасную одежду и выбрали самых лучших коней. Вечером, накануне состязания, они, как обычно, накинулись на младшего брата с упреками. — „Почему ты так рано пришел с пастбища? Чтобы этого больше не было!“ — закричал на него старший брат и отколотил.

Всю ночь младший брат не мог сомкнуть глаз; лежал и думал: „Что у меня за несчастная судьба: оба мои брата ездят на отличных конях, одеты в красивые одежды,

целыми днями гуляют вместе с другими богатыми людьми, а я всегда один с моими овцами".

На другой день рано утром старшие братья погнали младшего на пастбище, приказали ему рано не возвращаться и как следует пасти стадо. А сами оделись в лучшие одежды, сели на лучших коней и поехали, чтобы принять участие в царском состязании. Младший же брат отправился со своим стадом в степь, идет и плачет. Дошел он до пастбища, лег и заснул. Заснул и увидел приятный сон. Проснулся и говорит: „Никогда в жизни такого приятного сна я не видел". Сон этот привел его в такое хорошее настроение, что он даже стал петь. Стал петь и тут вспомнил снова о трех перьях. Вынул он белое перо, зажег его, и вдруг белое перо превратилось тут же в белого коня и в белую одежду. Лишь только он увидел белого коня и белую одежду, как сразу вспомнил о царском состязании. Вспомнил, живо переоделся, вскочил на коня и помчался. Проехал он полпути и нагнал своих братьев. Нагнал их и, с криком „негодные, что вы здесь делаете", ударил каждого хлыстом и помчался дальше.

Когда он приехал на состязание, все уже были в сборе, все было готово. Царь приказал никого больше не ждать и начинать. В это время подоспели и старшие братья. И вот все помчались. Младший брат первым доскакал до башни, сделал прыжок и допрыгнул до второго этажа, а остальные участники не могли даже допрыгнуть до первого. Царь тогда говорит:

— Будем завтра продолжать состязание. Построим четырехэтажную башню, и кто ее перескочит, тому я уступлю свой трон.

Все тогда разошлись. Разошлись и поехали по домам.

Младший брат вернулся к себе на пастбище, отпустил коня, снял с себя белую одежду и переоделся во все старое. До вечера он пас овец, а вечером вернулся домой.

Когда стемнело, к его братьям пришли гости. Уселись все в комнате, а братья и рассказывают:

— Сегодня на состязании был всадник в белой одежде, на белом коне. Он нас нагнал еще по дороге и каждого ударил хлыстом. Ударил и ускакал. На состязании он был первым, допрыгнул до второго этажа.

Пока они это все рассказывали, младший брат сидел под окном и все слышал. Так это его насмешило, что он вошел в комнату и говорит:

— Это был я!

Братья же закричали:

— Вон отсюда! — и выгнали его из комнаты.

На следующий день рано утром старшие братья снова накинулись на младшего и побили его.

— Убирайся скорее, паси своих овец! — закричали они.

Младший опять погнал стадо, а старшие снова сели на коней и поехали на состязание.

Младший довел овец до пастбища, вынул черное перо и зажег. Зажег, и перо тут же превратилось в черного коня и черную одежду. Снова сел он на коня и поехал. Проехал полдороги и снова нагнал своих братьев. Нагнал их, остановился, ударил каждого хлыстом, пустил коня вскачь и умчался.

На состязании он опять оказался первым и допрыгнул до четвертого этажа. Все были поражены и с изумлением глядели на него. Царь же думал-думал и спрашивает:

— Откуда ты и какого ты рода?

Младший же брат ответил:

— Я бедный плешивый пастух, пасу овец, происхожу из рода Чжан.

Царь тогда говорит:

— Завтра в одиннадцать часов утра будем продолжать бега и прыжки. Построим башню еще выше, и если ты

и через нее перепрыгнешь, то я отдам тебе свою дочь и все свое царство.

Все разъехались по домам. Старшие братья вечером начали рассказывать о всаднике на черном коне, в черной одежде. Младший брат снова вошел в комнату и говорит:

— Всадник в черной одежде на черном коне был я.

Старшие братья начали снова осыпать его ругательствами, младший же ничего не ответил и вышел. Вышел и через дверь говорит:

— Завтра я буду на состязании в желтой одежде, на желтом коне.

На следующее утро младший брат, как обычно, погнал свое стадо на пастбище. Пригнал, вынул третье перо, желтое, зажег его. Зажег, и перо превратилось в желтого коня и желтую одежду. Младший брат живо переоделся, снял свою драную плешивую баранью шапку и бросил ее. Бросил ее, и тотчас половина волос его сделалась золотой, а половина серебряной. Сел он тогда на коня и поехал на состязание.

По дороге он в третий раз нагнал своих братьев и говорит им:

— Эй, братья, это я, ваш брат-пастух. С сегодняшнего дня пасите овец сами!

Братья были так поражены, что не могли вымолвить ни слова, а младший, ударив коня хлыстом, помчался дальше.

Приехал он на состязание; все участники выстроились в ряд и помчались. Доскакал он до вновь построенной башни и одним махом перепрыгнул через нее. Царь тогда созвал своих приближенных, созвал совет и заседал целых семь дней. В конце концов пришлось ему отдать пастуху и свой трон и свою дочь.

Запись и перевод А. Драгунова

ТРИ НЕПРАВДЫ И В КАЖДОЙ СОРОК НЕБЫЛИЦ

(Узбекская сказка)

Были ли, нет ли, голодны ли, сыты ли, волк был бакаулом,[1] лиса ясаулом, гусь трубачом, утка флейтистом, ворона знахарем, воробей ябедником.

В старые времена жил-был царь, а у него была взрослая дочь. Царь задумал выдать свою дочь замуж. Из каждой страны приехали сватать ее царевичи и княжичи, но дочь не соглашалась. Царь позвал дочь и спрашивает:

— О, ненаглядная, свет очей моих, ты и дочь моя и сын мой. Я послал весть всем царям и дал тебе волю, почему же ты не пожелала ни одного из царевичей?

Дочь ответила:

— О, великий отец мой, в твоем государстве нет у меня недостатка ни в еде, ни в питье, ни в наслаждениях, ни в удовольствиях, есть у меня одно условие, кто выполнит его, за того и выдай меня.

— Что же это за условие у тебя?

— Условие мое такое: пусть каждый придумает три неправды и в каждой из них пусть будет по сорок небылиц. Кто сумеет обернуть так, за того и выдай меня.

Царь сел на трон, собрал своих везирей и сказал им, чтобы они отправили глашатаев объявить народу: „Кто

---

[1] Бакауд — стольник, пробующий кушанья, прежде чем их подадут хану.

придумает три неправды и в каждой по сорок небылиц, за того я выдам свою дочь". Высокие везири, исполняя повеление царя, отправили глашатаев в Иран и Туран, в Европу и Афганистан. Услышав это, отовсюду стали приходить: мы-де горазды придумывать неправду. Царь собрал мудрецов и ученых и сказал им:

— Кто придумает и будет говорить в трех неправдах по сорок небылиц, вы смотрите; ежели неправда — говорите неправда, правда — говорите правда. Если на правду вы скажите неправда, я отрублю вам головы и отдам на разграбление ваше имущество.

Явились несколько тысяч, несколько сот человек и рассказали придуманные небылицы, но ничего у них не вышло. Царь спрашивает ученых, правда мол, или неправда, а ученые:

— Господин, это на свете, говорят, бывает.

Сколько царей и царевичей вернулось ни с чем!

— А в городе этом у одной старухи был плешивый сын, работал он батраком у каждого. В эти дни он уехал оказывается в горы по дрова и вернулся обратно. Услышал он от старухи об условии дочери царя и говорит:

— О, такие-сякие, вот оно что, да не будь я молодцом, если я не возьму дочери царя.

С этими словами он собрался итти к царю.

— О, сын мой, не ходи, не повергай в беду свою милую головушку, душечка, сынок мой, вернись, — причитала вслед ему мать.

— Не бойся, мама, я скоро приду, — сказал плешивый, подпрыгнул и отправился в путь.

Пришел он ко дворцу.

— А, вонючий плешивец, а прокислый плешивец, ты зачем пришел? — стращали и не пускали его стоявшие у ворот.

Плешивый говорит им:

— У меня есть прошенье к царю.

— Какое у тебя прошенье, или ты тоже явился с неправдой? Проваливай, не торчи на дороге, понапрасну погибнешь, пропади ты и не мечтай о дочери царя, — гнали его ясаулы.

А плешивый:

— У нашего хозяина есть двести овец, которые он должен уплатить царю, я пришел о них сказать, — и стоит сложив почтительно руки.

Тут прибежал придворный и докладывает царю:

— Господин, пришел какой-то плешивец и говорит, что, мол, у его хозяина есть двести овец, которые он должен уплатить царю и что он-де пришел сказать об этом.

— Зови сюда!

— Кто ты, кто твой хозяин?

Плешивый упал на колени и начал говорить.

— Господин, я бедняк, бедный сирота. Был один у отца, помирали-помирали, и осталось нас трое. Трое нас братьев и никто из нас не знает друг друга. Однажды мы встретились и поздоровались. Глянул я, у одного из нас нет воротника, у другого рукава, у третьего полы. Слепой слепого впотьмах находит, встретились и мы втроем, сошлись в одну компанию и пошли, не сходя с дороги, не выходя на сторону. Идем мы так, смотрим; на дороге лежат три денежки, две из них стали жидкими, а у одной печати нет. Взяли мы ту что без печати, положили в полу халата, тому что был без полы и пошли. Шли мы, шли довольно долго и спустились в речную долину. Посмотрели мы в ручей, лежат там три рыбы, две мертвые, а третья бездыханная. Взяли мы эту бездыханную и положили в полу халата тому, что без полы. Вышли мы из речной долины и попали на дорогу. Шли мы, шли, и вот перед нами появились три дома: два дома без крыши, а

один совсем голый. Заходим мы в этот голый дом, лежат там три котла, два дырявые-предырявые, а у третьего дна нет. Положили мы в этот котел без дна бездыханную рыбу, что лежала в завернутой поле у того, что был без полы, и решили сварить. Обыскали мы кустарник, но не могли найти ни одной вязанки дров и сварили рыбу не разжигая огня. Не жалея подкладывали мы дрова, кости у рыбы растопились, а в мясо тепло не проходило. И вот мы, три брата, ели-ели и наелись. Решили уходить, да не можем в дверь пролезть, пролезли в дыру и отправились.

Шли мы, шли, долго шли и вышли в степь. В одном месте под невыросшей травой лежал неродившийся зайченок. Из несрубленного ствола несаженной вербы мы сделали дубину. Зайченок трижды перекувырнулся и упал. Зарезали мы его и освежевали, получилось шесть возов сала и шесть возов мяса. Не варили и не замораживали мы мясо и съели втроем. Двое из нас не насытились, а один остался голоден. Оба моих брата обиделись и рассердились. „Сало мне осталось", заявил я, снял чувяки и намазал шесть возов сала, на один хватило, на другой нет.

Устал я и заснул. Вдруг раздался шум и гам. Вскочил я, а мой смазанный чувяк схватился с несмазанным. Дал я обоим по оплеухе и снова лег. Проснулся я раз, глядь, мой смазанный чувяк стянул с меня халат, накрыл на себя и спит, а несмазанный чувяк рассердился. Разбудил я смазанный чувяк и надел. Закинул я на плечи халат без полы и пришел домой. Когда я уходил, дома у меня остались старуха и петух. Пришел, ни чувяков, ни старухи, ни петуха. Вот я и пришел к вам во дворец, чтобы подать прошение, что, мол, за трудное дело стряслось, где мне их теперь найти. Ваши слуги у ворот не пустили меня, добавил он и опустил голову.

Царь посмотрел на мудрецов и ученых. Они поднялись со своих мест, поклонились в пояс царю и говорят:

— Господин, все что говорил этот собачий сын — ложь. Но собачий сын этот ведь взывал еще о потерянных овцах!

Плешивый начал:

— Нет, господин, после того как слуги не пустили в ворота, сердце мое опечалилось, я стал искать старуху, петуха и пару чувяков. Шел путем-дорогою, долго шел и пришел в один кишлак. Разыскивал, расспрашивал и нашел петуха. У одного бая он крестьянствовал, оказывается. Встретились мы, поздоровались, расспросил я его о житье-бытье. За шесть месяцев он заработал одну кривую иглу, да и та осталась в долгу у хозяина. Поскандалил, подрался я с хозяином и отобрал у него иглу. „Ну, пойдем", сказал я петуху, а он и говорит: „я нанялся еще на шесть месяцев, три месяца прошло, вот отработаю остальные три месяца, заберу свое и сам пойду".

Взял я иглу, попрощался с петухом, пришел домой, а дома-то тоже нет. Совсем опешил я и пошел искать дом, старуху и пару чувяков. Зашел за холм, стал глядеть — не видно. Вышел в степь, стал глядеть, забрался на гору, стал глядеть — не видно. Вернулся я и спустился в речную долину, воткнул иглу в землю, взобрался на нее, смотрю — на берегу Сыр-дарьи сидит старуха моя, стирает белье. Взял я иглу, прошел сколько гор, сколько степей, сколько пустынь и пошел к ней. Потеряла она меня и поступила к кому-то в услужение. „Ну, идем", сказал я ей; а она говорит: „не пойду я, не получив свое. За три года работы платой ей было трехмесячное пропитание. „Ты иди, — сказала она, — осталось три месяца, я доработаю и сама приду".

Закинул я халат без полы за плечи, ударил по лбу, повернулся и отправился к мосту через реку. Пошел,

а река разлилась и снесла мост. Стояла летняя жара, я вспотел и хотел пить. Думаю воды напиться, а река замерзла. Поискал я на каменистом месте, не нашел комка, ударил разок головой по льду, лед продолбился. Всунул я голову в лед, напился и пошел. Шел я и вспомнил про свою иглу. Когда я пил воду в реке, она и осталась там. Вернулся я на берег реки. Посмотрел, — нет моей иглы. Ну и эту потерял, подумал я и пошел к старухе. Пришел, а срок в три месяца у старухи кончился. Стала она требовать с хозяина плату, а хозяин ее говорит: „А и тебе тоже плату", ударил ее и убил. С плачем и рыданиями явился я к вам во дворец, чтобы подать прошение. Стоявшие у ворот не пустили, — добавил он и опустил голову.

Царь посмотрел на ученых, ученые посмотрели на плешивого, плешивый посмотрел на царя. Один из ученых встал, поклонился царю и сказал:

— Господин, не верь этому собачьему сыну, спроси об овцах, если уже он собачий сын, скоро видно скажет, что и овцы пропали и заголосит... Тут вмешался плешивый и говорит:

— Нет, господин, после того как меня не пустили во дворец, я пошел чтобы самому посмотреть, что выйдет из этой неприятности, и пошел к хозяину, который убил старуху. Потребовал я с него заработанное старухой и плату за кровь, схватил его за воротник и вывел на народ. Попал он в толпу и силой принужден был отдать одного осла. Когда я сел на осла и возвращался, по дороге шли сорок караванов. Вожак каравана и говорит мне: „Эй, плешивый, осел твой сбил спину, слезь и поправь потник". Слез я посмотрел, а рана на загривке у него уже увеличилась. „Эй, братец, чем лечить это"?—спросил я. „Орехом; вот этот орех сожги, положи на сбитое место и оно поправится", — сказал он и дал мне в руки орех. Я сжег орех

и положил на сбитое место. Только вздумал я набросить потник, глядь из раны вылазит зеленое ореховое дерево. Не успел я рта раскрыть, дерево поднялось, зацвело и начало отцветать. Я туда-сюда, а уже орехи созрели. Думаю себе, если заберусь наверх и стану сбивать орехи, изувечу бока ослу, собью-ка я их комьями; повел в поводу осла и привел на вспаханное под пар поле. Комьев много, засучил я рукава и ну бросать комки. Глядь ни один комок не падает обратно и ни одного ореха нет. Я себе кидаю без устали. На поле ни одного комка не осталось. Ну, думаю, если сам теперь не полезу ничего не выйдет и полез на орешню, а там получилось паровое поле в три десятины, с одной стороны вода бежит. Ну, думаю я, хорошее место для арбузов и посеял арбузы. Такие арбузы получились, подумай, ни один не обхватить руками. Сел я на бережку и решил разрезать один арбуз. Надрезал я арбуз и думал воткнуть нож и концом подцепить кусок, а нож упал внутрь арбуза. Нагнулся я и хотел достать нож, да упал туда сам. Стал я искать нож, встречается человек: „Братец, — говорю, — не попадался-ди тебе нож по дороге?“ „А, говорит, ты нож ищешь. А нас было сорок караванов, у каждого было по сорока верблюдов, потеряли мы их и теперь не можем найти“.

Об этом затруднении я и пришел доложить к вам во дворец, — добавил плешивый и опустил голову. Царь задумался. Один из ученых встал, поклонился царю и говорит:

— Господин, выдай ты из своей казны этому собачьему сыну вещи, которые он потерял, и прогони его прочь!

А дочь царя стояла, оказывается, за дверьми и слушала. Вышла она к отцу и говорит:

— Мои три загадки решил этот плешивый. Хоть он и плешивый, а я пойду за него.

Вскочил тут плешивый с места поклонился царю:

— Господин, на таких-то горах я пас овец такого-то бая. Подсчитал я, и у меня самого оказалось заработанных двести овец. Хозяин мой не отдал этих овец и прогнал меня. Царь, ты забери их. Этих двести овец моих я кладу на свадебные подарки.

Царь устроил пир горой и выдал дочь за плешивого. Плешивый достиг своих желаний.

Перевод А. Боровкова

СЕМЕРО ЛЫСЫХ

(Монгольская сказка[1])

В доброе старое время в странах нашего материка, на восток от Индии и на юго-восток от нашей монгольской страны, в начале царствования императора Кан-си, в стране хана Эльджиген чихиту[2] жили-были, рассказывают, семеро глупых лысых и один хитрый растрепа.

И вот семеро лысых всё-то злились на этого растрепу и всё-то хотели его убить. Как-то, когда растрепы не было, они сожгли его дом. Пришел к себе домой растрепа, посмотрел, а дом-то его сгорел. Понял он, что дом его сожгли семеро лысых, насыпал пеплу и углей в большой мешок и, взвалив его на плечи, пошел туда, где жил царь Эльджиген чихиту. Когда шел он с мешком на спине по окраинной улице, все спрашивали его:

— Что это ты несешь? Мы хотим посмотреть!

— Это золото и серебро, но если посмотреть на него, оно превратится в золу и, коль глянуть на него, станет оно трухой! — говорит он и идет дальше.

Повстречался ему богатый человек:

— Давай-ка посмотрю, что ты несешь!

---

[1] Из сб. „Произведения народной словесности халха-монголов", Собрал Н. Н. Поппе, Ленинград, 1932, стр. 22—25.

[2] В переводе — „Ослиные уши".

— Если посмотреть на мое золото и серебро, оно превратится в золу и, коль глянуть на него, оно станет трухой! Не покажу я тебе!

А богатый человек говорит:

— Давай-ка посмотрю! Если окажутся там пепел и уголь, я насыплю тебе вместо них полный мешок золота и серебра!

Растрепа показал — в мешке были пепел и угли.

— Вот, ведь, какая горестная, злосчастная штука! Хотел ты посмотреть на чужое золото и серебро и превратил в пепел и угли! — бранился растрепа, а богач испугался и дал ему полный мешок золота и серебра.

Когда растрепа, взвалив мешок на спину, пришел домой, семеро лысых спросили:

— Откуда ты раздобыл, растрепа, так много золота и серебра?

— А я кричал: „Даю пепел и угли сгоревшего дома за золото и серебро!“ и когда я шел по окраинной улице, все брали! — ответил растрепа.

Тогда семеро лысых спалили свои дома, насыпали пепла и углей в мешки и пошли, взвалив их на плечи. Направились они к владениям хана, шли там и кричали:

— Дадим за золото и серебро пепел и угли сгоревшего дома!

— А вы видали где-нибудь, чтобы за золото и серебро давали пепел и угли сгоревшего дома?! — сказали им какие-то люди и стали бить их по щекам, да и другие их били.

Поняли тут семеро лысых, что обманул их растрепа. Вернулись домой и, не застав его дома, зарезали его корову. Пришел растрепа, налил крови своей мертвой коровы в кишку и, положив за пазуху, пошел. Навстречу ему шли семь верблюдов с синими лысинами на лбу.

Выкрасил он им коровьей кровью лысины и пошел дальше Повстречался ему один старик и спросил:

— Не видал ли ты семь верблюдов с синими лысинами?

— Нет, семь верблюдов с синими лысинами я не видал, а семь верблюдов с красными лысинами вот там! — ответил растрепа.

— О, ты говоришь неправду: это должно быть верблюды с синими лысинами! — сказал старик.

— Если окажутся с красными лысинами, — я возьму а если с синими — ты возьмешь! — сказал растрепа, и побились они об заклад.

Пошли они, глядь, семь верблюдов с красными лысинами. Взял их тут растрепа, а когда вернулся к себе домой, семеро лысых спросили:

— Растрепа, откуда ты раздобыл этих семерых верблюдов с красными лысинами?

— Я шел и кричал: „Дам кишку с кровью мертвой коровы за семь верблюдов с красными лысинами! — Все брали — говорит растрепа.

— Давайте и мы наживемся так же, — решили, потолковав друг с другом, семеро лысых. Закололи они своих коров, кровь их налили в кишки и, положив за пазуху, пошли все вместе.

Когда они так шли и кричали: „Дадим кишку с кровью мертвой коровы за семь верблюдов с красными лысинами“, — какие-то люди стали бить их по щекам, да и другие били, и били их притом так, что сырые палки загорелись, а сухие — поломались.

— Как же мы отомстим этому растрепе?! Убьем-ка его жену! — посовещавшись между собою, решили семеро лысых.

Возвратились они обратно и как-то днем, когда растрепы не было, убили его жену. Растрепа вернулся и нашел

жену мертвой. Понял он, что убили ее семеро лысых и пошел ко двору хана Эльджиген чихиту. Много хорошеньких девушек-рукодельниц сидели там и шили,

— А, растрепа, ты куда идешь? Есть ли у вас там хорошие искусные рукодельницы? — спросила ханша; — наши вот девушки-рукодельницы очень уж хорошо шьют!

Посмотрел тогда растрепа на девушек-рукодельниц и сказал:

— Ваши девушки-рукодельницы очень плохо шьют. А вот моя жена, та большая искусница: она лучше этих девушек-рукодельниц сошьет хану любую вещь.

— Растрепа, приведи завтра свою жену! — сказала ханша.

Растрепа согласился, пришел, переночевал у себя дома, а на другой день утром взвалил мертвую жену на дикого верблюда и поехал.

Когда он подъехал, множество ханских собак набросилось на верблюда. Взял тогда растрепа спрятанное у него за голенищем шило и воткнул в горб верблюда. Верблюд помчался, брыкаясь и сбросил мертвую жену. В этот момент вышла ханша, слуги и свита и заголосили:

— Убили жену какого-то человека! Уймите собак!

— Разлучили с единственной любимой женой! Что за злые люди у хана! — кричал растрепа, обливаясь слезами.

— Не терзайся! Выбери из наших девушек-рукодельниц самую лучшую, которая тебе по душе, и возьми себе в жены, — сказала ханша.

Выбрал себе тут растрепа самую красивую девушку, и когда вернулся домой, семеро лысых спросили у него:

— Растрепа, откуда ты раздобыл себе такую прекрасную девушку?

А я шел и кричал: „Дам за живую милую девушку мертвую жену!“ и каждый с охотой менял! — ответил растрепа.

Тогда семеро лысых убили своих жен, взвалили их на спины и пошли к ханскому дворцу. Когда они начали кричать: „Сменяем мертвых жен на живых девушек!“ — одни стали бить их по щекам, другие били и приговаривали:

— Где это вы слышали, чтобы живых девушек меняли на мертвых жен?!

Тогда семеро лысых посовещались и решили:

— Ну, штука! Ужасный этот растрепа! Как мы ему отомстим? Убьем его самого!

Пришли они домой, и сказали растрепе:

— Ну, теперь мы убьем тебя самого! Ты все лгал и лишил нас всего — и жилищ, и скота, и семейств.

Схватили они растрепу, связали и понесли. Понесли в безлюдную местность, привязали растрепу к вершине высокого дерева и побежали все семеро лысых в семь сторон, собрать аргалу,[1] чтобы сжечь растрепу. Между тем, когда растрепа висел связанный на вершине дерева, ожидая смерти, прискакал туда на саврасом коне нарядно одетый старик, с серебряными огнивом и ножом, в синей шелковой шубе. Старик волочил за собой тростниковый укрюк для ловли лошадей. Прискакал он и спросил:

— Ты что это сидишь связанный на вершине дерева?

Растрепа ответил:

— О, я здесь лечусь от тяжелой болезни!

— Какой же это ты болезнью болен, что лечишься на вершине дерева? — спросил старик.

— Видишь ли, мои глаза слезятся. Ну, а дерево это избавляет от слезливости. Я долго здесь сидел и теперь моим глазам лучше. Взгляни-ка, почтенный, как мои глаза? Раньше они очень слезились!

---

[1] аргал — помет скота.

Старик сказал:

— Твои глаза вовсе не слезятся, а у меня слезятся: можно мне забраться туда?

Растрепа спросил:

— А куда же ты ехал?

— Я потерял несколько лошадей и ищу их, — сказал старик.

— Давай я поищу твоих лошадей, а потом вернусь сюда. А ты тем временем полечи-ка свои глаза на это дереве, сними меня с него — сказал растрепа.

Снял тогда старик растрепу с дерева. Растрепа надел на старика свою одежду, привязал его к вершине, сам надел его синюю шелковую шубу, привесил серебряное огниво и нож, сел верхом на саврасую лошадь и ускакал, волоча за собою тростниковый укрюк, распевая так, что кругом звенело, крича так, что кругом гремело.

Тем временем с семи сторон пришли с аргалом для костра семеро лысых и подожгли старика со слезящимися глазами.

— Я вовсе не растрепа! Я старик, у которого слезятся глаза! — кричал старик, а семеро лысых ругались:

— Рассказывай! Теперь то уж мы уничтожим этого ужасного, коварного растрепу!

Сожгли они старика, а когда пришли домой, растрепа был уже дома — привязал снаружи саврасого коня и стоит с тростниковым укрюком для ловли лошадей, в синей шелковой шубе, с серебряным огнивом и ножом.

— Мы тебя только-что сожгли, а ты уже здесь, в чем дело? — спросили семеро лысых. А растрепа говорит им:

— Когда вы меня сжигали, я поднялся с дымом вверх на небо и, шагая по облакам, добрался до дворца хана драконов. А приближенные хана делят наследство и каждому дают оседланного занузданного коня, шелковую шубу и серебряное огниво с ножом. Там и посейчас ждут, кто бы

их взял, несколько оседланных лошадей, шелковые шубы и белая лошадь с жеребенком. Отправляйтесь и заберите их!

Как только растрепа сказал это, семеро лысых засуетились:

— Где это? Где это?

— Ступайте за мной! — сказал растрепа и повел за собой семерых лысых.

Пришел он на берег большого моря и сказал:

— Ну, тот, у кого шест, лезь первым! Там недалеко стоят приближенные хана драконов. Помахай, когда дойдешь до них! Тогда остальные лезьте, забирайте себе богатства!

Взял один из семерых лысых длинный шест и полез в море. Едва сделал он несколько шагов, как потерял почву под ногами, шест качнулся, и лысый исчез. Растрепа закричал:

— Машет — машет! Скорее, скорее, полезай!

— Лысые бросились все сразу и потонули. Растрепа же вернулся домой, забрал добро семерых лысых и зажил счастливо в спокойствии и блаженстве.

Перевод К. Черемисова

САРАНБАЙ

(Крымско-татарская сказка)

Давным-давно, когда жаворонок был судьей, а ханская дочь — ведьмой, жил-был один скупой богач — Саранбай. Он был до того скуп, что даже собак не держал, — боялся лишних расходов; поэтому после наступления темноты он надевал на шею цепь, бегал по двору и лаял по-собачьи. Когда приходил гость, он торопливо прятал от него еду.

Однажды Саранбай верхом на лошади ехал с базара. В пути он заметил, что его эмге[1] съезжает на одну сторону. Саранбай подозвал проезжавшего мимо Тазолана[2] и попросил приподнять его эмге, где у него был кувшин с бекмесом. Тазолан, смекнув в чем дело, живо согласился. Подошел, да так подтолкнул эмге Саранбая, что кувшин упал и разбился. Пока Саранбай бранился, Тазолан вылизал весь бекмес, сел на своего коня и скрылся. Раздосадованный и усталый Саранбай медленно продолжал свой путь, а Тазолан быстро доехал до ближайшего аула и попросил ночлега у хозяйки самого крайнего дома. Дом этот оказался домом Саранбая.

— Раз ты явился с именем аллаха на устах, отказать не могу, — сказала хозяйка, а сама тем временем спрятала под себя индюшку, которую она ощипывала на ужин.

---

[1] Переметная сума.

[2] Тазолан — плешивый малый. Плешивых в сказках принято считать бойкими ребятами и плутами.

Глядя на мать, то же проделала и дочка, месившая тесто, и невестка, которая его раскатывала. Тазолан заметил это и подумал про себя: „Погодите, ведьмы, вам это не пройдет, вы еще меня узнаете".

— Ну, рассказывай, мой джигит, что ты видел и что слышал, — обратилась к нему старуха.

— Слышать я ничего не слышал, но расскажу, что видел. Недалеко от вашего аула по дороге заметил я, аллах свидетель, большущую змею в пять кулачей.[1] Сошел я с коня, поднял камень, с тот ком теста, что под вашей дочкой, бросил в змею, да и смял ее в лепешку, как та, что спрятана под вашей невесткой. Пусть я буду ощипан как индюшка, что находится под полой вашего платья, если я лгу, сказал Тазалон.

— Э, джигит, оказывается ты все приметил, — сказали женщины и вытащили спрятанное под полами своих платьев.

„Тпру", раздалось в это время во дворе. Девушка выбежала во двор и сообщила, что приехал отец. Вошел разгневанный проделкой Тазолана Саранбай. Увидел он преспокойно сидящего в его доме виновника своей неудачи и совсем вышел из себя.

— Ах, ты мерзавец, ах ты плут, только что разбил мой кувшин, слизал весь бекмес, и после всего этого еще явился в мой дом. Вон отсюда, плут, вон я тебе говорю, чтобы духу твоего здесь не было, чтобы глаза мои не видели тебя, — начал было браниться Саранбай, но жена сообщила ему, что гость попросил ночлега во имя аллаха. Нечего делать, Саранбай перестал ругаться. Наступил вечер. Семья Саранбая села за ужин. Гостю Тазолану подали ужин в отдельной посуде. Он заметил, что ему не положили масла в суп. Глянул он краешком глаза на

---

[1] Кулач — косая сажень.

суп в хозяйской чашке, в нем так и плавало масло. Это очень рассердило Тазолана. „Постойте, я научу вас как надо кормить гостей“, пробормотал он про себя. После ужина все улеглись. Однако ни хозяева ни гость не спали, а только притворялись спящими. Хозяева не спали, потому что они хотели без Тазолана поесть пирога с начинкой из индюшки, а Тазолан хотел отомстить им за то, что они обделили его за ужином. Видя, что хозяева ждут, когда он заснет, Тазолан решил пуститься на хитрость. Он начал храпеть. Саранбай решил, что гость уже заснул, подтолкнул жену в бок и велел пойти посмотреть, не испекся ли пирог. Жена посмотрела на пирог, пирог еще не испекся. Решив подождать немного, они снова легли и заснули как убитые. Тазолан потихоньку встал, вынул из очага пирог, съел всю начинку — мясо и рис, а вместо начинки взял чаруки [1] Саранбая, разрезал их на кусочки, сложил в пирог и поставил его на место. После этого Тазолан преспокойно лег в свою постель и притворился спящим. Скоро Саранбай проснулся и, полагая, что гость спит, без шума разбудил домашних, а жене своей велел вынуть и принести пирог. Жена принесла пирог, семья Саранбая уселась вокруг. Сколько Саранбай ни бился в темноте, не мог разжевать своими старческими зубами куски чаруков, подложенные Тазоланом.

„Давай огонь, тут опять какая-нибудь проделка этого плута“, — шепнул наконец Саранбай своей жене. Когда Саранбай узнал, что́ проделал с ним Тазолан, он решил отомстить ему за все. „Я проколю лошадь этого мошенника, ты разбуди меня на заре“, — сказал он своей жене и лег спать. Тазолан подслушал эти слова и решил предотвратить беду. Когда Саранбай заснул, он встал и незаметно пробрался в сарай, где его лошадь и лошадь

[1] Чаруки — кожаные чувяки.

Саранбая были привязаны за одним стойлом. Обе лошади были одинаковой масти — гнедые. Только у гнедого Саранбая на морде была лысина. Недолго думая, Тазолан взял да замазал навозом лысину у саранбаевой лошади, а на морде своей лошади он мелом вывел белую лысину. После этого он вернулся в дом и крепко заснул.

На заре жена разбудила Саранбая. Саранбай встал, пошел в сарай и воткнул вилы в бок своей лошади, приняв ее за лошадь гостя. Довольный тем, что отомстил Тазолану, он потихоньку вернулся и лег опять в свою постель. Рано утром он стал нарочно покашливать, чтобы разбудить Тазолана, а Тазолан как ни в чем не бывало спал сном дива и храпел на весь дом. Тогда Саранбай стал будить его, подталкивая в бок и приговаривая:

— Ай, молодчик ты мой, молодчик, какой ты неосторожный, коня то своего ты привязал, а вилы около него не догадался подобрать. Животное разума не имеет, не человек ведь, так и легло на вилы животом. Иди скорее, посмотри, мне кажется, что твой гнедой уже околел.

— Какая лошадь околела, с меловой лысиной или с навозной? — спросил Тазолан.

— Откуда я знаю, с меловой или с навозной, если надо тебе, иди сам, там увидишь, — сердито ответил Саранбай.

Тазолан пошел в сарай, стер меловую лысину с морды своей лошади и навозную с морды лошади Саранбая, потом вернулся и сказал Саранбаю, что околела не его лошадь, а хозяина. Саранбай как только услышал это, стремглав бросился в сарай и понял, что вместо чужой лошади он заколол свою. „О, аллах мой, как мне избавиться от этого негодяя!“ — воскликнул он. Потом махнул рукой и сказал: „Пусть аллах его покарает!“

Не желая больше видеть Тазолана и выносить от него неприятности, он забрал свой табун и отправился в степь.

Между тем Тазолан вздумал состроить другую штуку с Саранбаем. Он решил взять его дочь себе в жены. Но зная, что Саранбай по-хорошему не выдаст ему свою дочь, Тазолан решил опять прибегнуть к хитрости. Он поскакал в степь к Саранбаю и сказал ему:

— Я не понимаю, Саранбай, зачем ваша жена издевается надо мной. Я устал выпрашивать от нее свой кнут, она не хочет его отдать. Я очень прошу вас, пожалуйста поднимитесь на этот холм и крикните вашей жене: „Отдай, отдай, пусть убирается".

— Да не может быть, да как же это она не отдает кнута, моя жена этого не может сделать. Ну иди, я крикну ей.

Тазолан вернулся в дом Саранбая и заявил его жене, что он берет их дочку себе в жены и что, дескать, Саранбай дал на это свое согласие и благословение.

— Что ты, джигит, что ты, никак ты с ума спятил, отдать какому-то незнакомцу свою единственную дочку, нет я не верю этому, так ни один отец не может поступить.

— Если не верите, посмотрите туда, — указал Тазолан в сторону холма. Жена Саранбая посмотрела и увидела, что муж ее и впрямь стоит на холме, машет рукой и кричит: „Отдай, отдай, пусть убирается".

Как ни жалко было матери выдать свою дочку за пришельца, да еще и плута, ей пришлось согласиться. Саранбай не любил, когда жена не слушалась его. Тазолан посадил за седло Саранбаеву дочку и преспокойно тронулся в путь. Вечером Саранбай пригнал свой табун на водопой к дому и увидел, что у жены глаза опухли от плача.

— Что с тобой, почему ты плачешь? — спросил он у нее.

— Как же мне не плакать, когда ты велел выдать нашу единственную дочку за какого-то проходимца, причитала жена Саранбая.

— Вот плут, вот негодяй, опять обманул нас. Ведь он мне сказал, что ты не отдаешь ему его кнута, я и крикнул: „Отдай, отдай, пусть убирается", но на этот раз я этого так не оставлю, я непременно отомщу этому негодяю. Саранбай сел на коня и решил нагнать Тазолана.

Вернемся к Тазолану. Он ехал не спеша и к вечеру добрался до одного места, где два мужика на десяти волах пахали землю. Тазолан и девушка в пути ничего не ели и очень проголодались. Тазолан решил поесть сам и накормить девушку. Он подъехал к мужикам и сказал:

— Селам алейкум, пусть облегчит аллах ваше дело!

Те ответили на приветствие и предложили Тазолану и девушке слезть с лошади и отдохнуть.

— Да мы не так устали, как проголодались, — сказал Тазолан, — а вот вы, как я вижу, сильно утомились. Шутка ли целый день шагать за плугом и кричать на волов. Не лучше ли будет, если вы пойдете вот в тот аул, — указал пальцем Тазолан, — что виднеется за тем большим курганом. Там сейчас справляют поминки по умершему богачу. Я проезжал мимо его дома и своими глазами видел два ряда громадных котлов внутри ограды. Около котлов я видел лужу крови и много воловьих и конских ног. Должно быть очень богатые поминки. Мы хотя и были голодные, но я не решился остаться там с молодой девушкой. Так вот друзья, не пойдете ли вы туда. Вы и сами насытились бы и нам принесли бы кое-что. А тем временем мы продолжали бы пахать вашу землю.

Это предложение очень понравилось мужикам, и они сразу же согласились, оставили свой плуг и волов Тазолану и поспешно направились к аулу на поминки. Как только они зашли за курган, Тазолан довел плуг до обрыва, отрубил хвосты всем десяти волам и угнал их за обрыв. Над обрывом Тазолан выкопал несколько углублений и воткнул в них воловьи хвосты, а плуг свалил на бок.

Проделав все это, он потер себе глаза слюной и стал плакать навзрыд. То же самое он заставил сделать и свою невесту.

Мужики вернулись с поминок и увидели, что плуг их свалился набок, волов нет, торчат лишь их хвосты. Тазолан же сидит вместе со своей невестой и плачет.

— Что с вами случилось? — спросили растерянные мужики.

— О-о... вам не спрашивать бы, а нам не отвечать бы, начал Тазолан, плача пуще прежнего. Не успели мы сделать и одного круга, волы закрутили свои хвосты колесом и выгнули шеи дугой, да как пустятся головой вниз и врезались в землю. Одни хвосты их остались торчать над землей.

— Что за чушь, никогда не случалось такого сумасшествия с моими волами, — сказал один из мужиков и, подойдя к воловьему хвосту, схватил и изо всей силы дернул и полетел кувырком с вырванным хвостом в руках.

— Ай-ай, дружок, что ты делаешь, этак можно все хвосты вырвать. Не так надо вытаскивать волов, надо выкопать землю вокруг хвоста и спасать волов, начал учить их Тазолан уму-разуму. Мужики стали выкапывать большие ямы вокруг воловьих хвостов, чтобы спасти своих волов. Тазолан видя, что его хитрость удалась, стал собираться в путь.

— Вы извините нас, волы в наших руках сошли с ума. Да не постигнет нас то, что постигло животных! Да возместит вам их аллах!

После успокоительных речей Тазолан сел вместе со своей невестой на коня и пустился в путь. По дороге он захватил угнанных за обрыв волов и погнал их дальше.

Через некоторое время Тазолан выехал на цветущий зеленый луг, где паслось большое стадо овец и коз. Около стада сидел пастух и играл на дудке. Мелодия временами

по какой-то причине обрывалась. Тазолан видит, пастух то играет, то голову себе чешет. „Дай-ка, — подумал про себя Тазолан, — я подойду к нему и узнаю, что за тайна, почему он играет на дудке и чешет голову". Подъехал он к пастуху и спросил:

— Эй ты, пастух, что у тебя за манера, то играешь ты, то голову чешешь, — голова у тебя, что ли, в парше?

— Да, — сказал пастух, — я очень мучаюсь. Не найдется ли у вас какого-либо средства для исцеления моего недуга.

— Гм-м, как же не найдется, я мигом исцелю тебя. Режь одного барана, да приведи одного козленка — потребовал Тазолан.

Пастух зарезал барана и привел козленка. Тазолан распорол живот убитого барана, вынул оттуда желудок и еще горячий, со всем его содержимым, надел на голову пастуха. А к ногам пастуха привязал козленка, отчего тот стал неистово кричать. После этого Тазолан дал пастуху наставление:

— До полуночи ты должен лежать так, не шевелиться и не снимать с головы бараньего желудка. Если исполнишь все в точности, твой недуг будет исцелен, иначе не жди исцеления.

— А как же быть с моим стадом, за ним же некому будет смотреть, — забеспокоился пастух.

— Никуда твое стадо не уйдет, и тебе нечего беспокоиться. Я привязал к твоим ногам козленка; если он будет кричать, знай, что стадо твое около тебя. Если же перестанет кричать, значит стадо уходит. Тогда ты можешь снять бараний желудок с головы и итти за своим стадом.

Тазолан простился с пастухом и погнал стадо вместе с десятью волами. Так Тазолан и его невеста ехали очень долго. Наступили сумерки. Надо было где-нибудь остановиться на ночь. Вдруг перед ними стали вырисовываться

контуры какого-то необычайно высокаго дворца, крыша которого чуть не касалась небосвода. Тазолан очень обрадовался и велел невесте продолжать путь вместе со стадом, а сам поскакал ко дворцу. Подъехав к воротам, он придал своему лицу испуганый вид и, дрожа как бы от страха, стал во все горло кричать: „Эй, кто там есть и кого нет, скорее спасайтесь, надвигается страшное бедствие!“ На голос Тазолана прихрамывая выбежала старая-престарая ведьма. Она была одета в лохмотья, которые прикрывали ее костлявое тело. Ее седые волосы, спутанные вместе с соломой, перьями и всякой дрянью, торчали во все стороны. Увидев Тазолана, она ехидно рассмеялась, приговаривая: „Иди, иди скорее, долгожданный мой кусок, уже давно не ступала нога человечья в мои владения. Я с большим аппетитом съем тебя...“ С этими словами она протянула свои костлявые руки к Тазолану.

— Постой, бабушка, — сказал Тазолан, спокойно отстраняя ее. — Я теперь в твоих руках, ты можешь сделать со мной все, что хочешь. Но до того как ты меня съешь, разреши задать тебе один вопрос.

— Ну, говори, говори скорее, я не могу больше терпеть. Сто двадцать лет я одна здесь чахла, без капли человеческой крови, — грубо ответила ведьма.

— Как бы ты поступила, если бы узнала, что на твою голову надвигается страшная беда? — спросил Тазолан.

— Если бы это случилось в мои молодые годы, когда я сама была страшной бедой, я бы сгрызла горло этой беде, и она больше не сунулась бы ко мне. А теперь пришла старость, отняла половину зубов и силу. Поэтому я спряталась бы, — ответила ведьма.

— В таком случае, бабушка, поспешите спрятаться куда-нибудь, а то видите, вон там идут многочисленные войска лилипутского царя, — указал Тазолан в сторону

своего стада, спускающегося со склона горы и поднимающего клубы пыли. — Скорее спасайтесь, они все сметают на своем пути, не щадя ни малых, ни старых. Если увидят нас, то имей мы даже тысячи душ, ни одна из них не спасется, — напугал ведьму Тазолан.

— Ой, сыночек ты мой милый, куда же мне теперь деться, ой, свет ты моих очей, спрячь меня куда-нибудь, — стала просить ведьма Тазолана.

— Пожалуйста, — сказал Тазолан, — вот печь, лезь в нее скорее.

Не успела ведьма сунуть свою голову в печь, Тазолан быстро втолкнул ее туда и, подложив несколько охапок хвороста, сжег. Потом он разместил прибывшее ко дворцу стадо овец и волов в сараях и конюшнях, а сам вместе со своей невестой устроился в самой лучшей и богато убранной комнате дворца. В этой комнате все подушки, матрацы и одеяла были из бархата и шелка, а посуда из золота и серебра. Но пусть Тазолан пока веселится здесь со своей невестой, мы вернемся к Саранбаю.

Саранбай, преследуя Тазолана, увезшего его дочку, наткнулся на двух мужиков, которых уже успел надуть Тазолан. Саранбай поздоровался с ними и спросил:

— Что вы хвосты сеете, что-ли?

— Иди ты, дедушка, лучше своей дорогой, а то я возьму тебя за бороду и посажу рядом с этими хвостами и будешь ты тоже торчать как воловий хвост, — стал грозить один из мужиков.

— Да вы пожалуйста не сердитесь, я хотел только спросить, что вы делаете с этими хвостами, и не думал вас обижать, — стал оправдываться Саранбай.

Тогда мужики рассказали ему подробно о происшедшем.

— Теперь я понимаю в чем дело, — ответил Саранбай, — бросьте вы это пустое дело. Наверно он одни хвосты

оставил вам, а волов забрал себе. — Он рассказал им о всех проделках Тазолана. — Это такой плут, такой негодяй, такого мошенника я век свой не видывал. Девушка за его седлом — единственная моя дочь; и ту негодяй увез вместо кнута. Если хотите вернуть своих волов, идемте со мною вместе. Я непременно раздобуду и накажу этого плута, — хвастливо закончил свою речь Саранбай.

— Пойдем, пойдем, нам также надобно проучить этого собачьего сына, — сказали мужики и вместе с Саранбаем отправились за Тазоланом. Дорогой они хвастались, что, дескать, мы с ним, с Тазаланом, поступим так-то и так-то, только бы поймать нам негодяя.

Вдруг они услыхали крик козленка. Сначала они очень испугались и подумали, что это шайтан или джин,[1] который, превратившись в козленка, хочет завлечь их к себе и поиздеваться над ними. Один из мужиков оказался очень храбрым. Он стал уговаривать Саранбая и своего товарища пойти к тому месту, откуда доносился крик козленка. „Мы сами шайтаны, чего нам бояться шайтанов, они только трусов пугают, пойдемте“,—уговаривал он их и сам выступил вперед. Видя, что Саранбай и его товарищ не решаются итти, он махнул на них рукой и пошел вперед. Те, боясь остаться вдвоем, тоже пошли за ним. Увидя козленка, привязанного к ногам человека и надетый на его голову мокрый бараний желудок, они очень удивились и спросили:

— В чем дело?

— Голову себе лечу, — ответил им пастух.

— А что у тебя с головой? — спросили они опять.

— Я плешивец, — ответил пастух.

— Ой, моя голова тоже плешива, а я и не знал, что паршу можно лечить бараньим желудком. Приеду домой, сразу двух баранов зарежу, — обрадовался Саранбай.

---

[1] Злой дух.

Зачем резать барана, приходи в наш кош, там навозу достаточно, хоть совсем погружайся, — сказал ему один из мужиков.

— А где у тебя стадо? — спросил у пастуха Саранбай.

— Где же оно может быть, если не около меня? — уверенно ответил пастух.

— Откуда же ты знаешь, что около тебя?

— Разве вы не видите, что козленок все время кричит. Раз он кричит, значит стадо около меня.

— Ветер около тебя. Должно быть ты выпил воды из того же источника, откуда мы выпили; не Тазолан ли твой исцелитель? — спросил один из мужиков.

Пастух рассказал им историю с его головой и козленком.

— Если так, то ты скорей снимай бараний желудок с головы, отвяжи козленка и ступай вместе с нами, если хочешь вернуть свое стадо. Плут, который проделал все это с тобой, нас тоже не пощадил, и вот теперь мы идем за ним и хотим отомстить ему за его дерзость. Присоединяйся и ты к нам, — предложили они пастуху, и все вместе отправились дальше.

К полуночи они добрались до дворца, где остановился Тазолан. Когда он открыл им ворота дворца, Саранбай, мужики и пастух все сразу с бранью кинулись на него, угрожая кулаками.

— Ах ты негодяй, ах ты подлец, попался ты теперь в наши руки. Давай отвечай, куда ты дел девушку, куда погнал волов и овец?! Скорее отвечай, а то мы живо сдерем с тебя шкуру и повесим, как убитого барана!

Не дождавшись ответа, Саранбай бросился на него первым и схватил за горло. Тазолан, видя, что дело принимает плохой оборот и скоро придется проститься со всем тем, что он приобрел, решил опять пуститься на хитрость.

— Эй, вы, глупцы, что вы зашумели. Вы наверно не знаете, что это дворец ведьмы. Она сейчас спит, но если ваши голоса дойдут до ее ушей и она проснется, тогда ни вам, ни мне не спастись от ее зубов. Она съела часть волов и овец и легла спать, я и не помышляю о бегстве, она достанет даже из-под земли. Если вы не хотите рисковать жизнью, перестаньте шуметь и ложитесь спать. А утром сделайте со мной все, что хотите.

Те успокоились и пошли за Тазоланом во дворец.

Тазолан уложил их в богато убранной комнате, на роскошные постели и сказал: „Пожалуйста, будьте осторожны, не рассердите ведьму". — Затем пожелал им спокойной ночи и вышел. Через некоторое время он опять вернулся к ним и, убедившись в том, что они спят беспробудным сном, принес тепленькой водички и понемногу полил в их постели.

На утро Саранбай проснулся и почувствовал сырость в своей постели. Это очень испугало его и он поспешил сообщить об этом своим товарищам: „Слушайте, я наделал тут дел. У меня постель совсем мокрая, давайте лучше убежим отсюда".

Когда те увидели, что с ними случилось то же самое, они все быстро оделись и потихоньку вышли из дворца.

Пробежав некоторое расстояние, они вдруг опомнились:

— Да не может этого быть. Со мной никогда не случалось такой штуки. Это опять дело его рук. Давайте вернемтесь обратно и накажем плута достойным образом, — сказал Саранбай, остановив своих товарищей.

— Мы тоже так думаем, — поддерживали его остальные, и все вместе пошли обратно во дворец. Тазолан, заметил их еще издали, принял обиженный вид и быстро пошел к ним навстречу.

— Братцы, что вы со мной сделали. Пропал я теперь, — начал было Тазолан.

Но один из мужиков схватил его за ворот и сказал:

— Молчи, негодяй, ты больше не проведешь меня, и знай, что ты скоро отправишься на морское дно; я утоплю тебя. Дайте мне мешок, — крикнул он своим товарищам. Тазолан вмиг оказался на плечах мужика. По дороге к морю, они вдруг услышали звуки барабана и зурны.

— О, где-то свадьба, — воскликнули они, и так как музыка и свадебное пиршество им показались очень заманчивым, тем более, что они все были голодными, они все решили пойти на свадьбу.

— А как быть с этим негодяем? — спросил мужик, несший Тазолана на плечах.

— Бросай его вон на это сено, — указал Саранбай на копну сена, торчащую на скошенном поле. — Никуда не уйдет. Вернемся со свадьбы и утопим.

Так и сделали. Бросили Тазолана на копну, а сами отправились на свадьбу.

Скоро Тазолан услыхал невдалеке блеяние ягнят и крики пастуха. Тазолан стал кричать: „Клянусь аллахом не возьму, клянусь аллахом не возьму".

Пастух удивился, подошел к копне, заметил завязанный мешок.

— Чего же не хочешь брать, от чего отказываешься? — спросил он у Тазолана.

— Да как же не отказываться, коли насильно хотят женить меня. Что я им — сирота, или отца-матери нет у меня, ведь не земля же меня, в конце-концов, родила. Нет, не быть этому! Я никогда не женюсь на ней, пусть утопят меня в море, клянусь аллахом не возьму, — кричал Тазолан.

— Послушай ты, джигит — обратился к нему пастух. — А нельзя ли устроить так, чтобы вместо тебя, я женился на ней. Я бы не стал отказываться.

— Пожалуйста, я уступлю ее тебе со всем ее приданым. Только ты освободи меня из мешка и сам залезь туда, иначе ты не сможешь жениться на ней.

Пастух освободил Тазолана из мешка и очутился в мешке вместо него сам. Тазолан крепко-накрепко завязал мешок. Пастух стал усердно кричать: „Клянусь аллахом возьму, клянусь аллахом возьму!"

Саранбай, мужики и пастух, вернулись к копне и слышат, что Тазолан непрестанно твердит: „Клянусь аллахом возьму, клянусь аллахом возьму".

— Шиш ты возьмешь, — сказали ему пришедшие, взяли мешок на плечи и отправились к морю, чтобы утопить его там.

— А красива ли она? — спросил вдруг нетерпеливый пастух.

— Там увидишь. Говорят, что у нее рот с наперсток, нос с пуговку, а лицо красиво как луна в четырнадцатую ночь, — подшутил мужик, несший мешок на плечах. Бросая пастуха со скалы в море он опять сострил: „Ну, хватайся за волосы своей невесты, а то утонешь". Потом довольные и уверенные в том, что, наконец-то они отомстили Тазолану, все они решили пойти во дворец ведьмы и забрать свое. Направляясь с такими мыслями ко дворцу, они вдруг заметили Тазолана, который, покрикивая „Ай-туйт", гнал стадо овец.

— Эй, джигит, ты джин или шайтан? Мы только что бросили тебя в море, а ты опять тут как тут. Ты должно быть и из-под мельничных жерновов невредимым выйдешь; и откуда это стадо у тебя? — удивленно спросили они.

— О, я бы хотел, чтобы вы еще раз бросили меня туда. Там проси пятьсот овец — пятьсот дают, проси шестьсот, дают шестьсот. А я-то, дурак, мало попросил.

— Ой, пожалуйста, не побросаете ли вы нас туда? — стали просить они Тазолана.

— С удовольствием, мне нисколько не жалко овец царицы вод, — сказал Тазолан. Те, обрадованные добродушием Тазолана, обступили его со всех сторон, и каждый хотел быть выброшенным первым.

— Всем хватит, только пожалуйста не ссорьтесь, — стал успокаивать их Тазолан.

— Меня, меня первым, как никак я родственник твой, — не унимался Саранбай.

— Ладно, так и быть, первым брошу тебя, а вы, пожалуйста, не обижайтесь, как никак он мне тесть, — успокаивал Тазолан остальных и взял Саранбая за локти: „Ты проси побольше", — шепнул он ему на ухо и выбросил в море.

Саранбай, летя с обрыва вниз, кричал: „Сорок тысяч, сорок тысяч".

Ах ты проклятый скупердяй, ах ты жадная собака, все хочет забрать один, — ругал пастух летящего вниз Саранбая.

— Да ты не ругайся, дружок, может быть ему достанутся какие нибудь дохляшки. Ведь он, летя вниз, не говорил, каких овец дать ему. И потом, дело не в количестве. Ты лучше проси поменьше, да пожирнее. Сказано же: „откуси раз, но жир откуси", — наставлял его Тазолан, а потом взял пастуха за шиворот и кинул туда же, куда полетел Саранбай. „Пятьдесять тысяч, пятьдесят тысяч, да пожирнее", — орал пастух, летя вниз.

— А волов не дают там? — спросили мужики, ожидавшие своей очереди.

— Все, что хочешь. Хоть слона проси, — сказал Тазолан, взял их обоих за бока и хотел толкнуть.

— Нет, нет, я не хочу слона, — стал протестовать один из мужиков.

— Ну, проси верблюдов, коли не хочешь слона, — посоветовал им Тазолан, и столкнул в море. „Пятьсот пар

волов", — кричал первый мужик. „Пятьсот пар верблюдов", — кричал второй, падая с обрыва.

Тазолан забрал стадо выброшенного в море пастуха и вернулся во дворец. Созвал он гостей отовсюду, куда могли дойти конские копыта, и устроил пир на сорок дней и сорок ночей, а на сорок первую ночь женился на дочери Саранбая и стал жить в полном довольстве.

Запись и перевод З. Аксакова

ДВА ЖУЛИКА

(Азербайджанская сказка)

В городе Тегеране жил-был один человек, которого все считали жуликом и плутом. И в самом деле, не проходило ни одного дня, чтобы он кого-нибудь не обманул.

Однажды этот жулик пошел к товарищам играть в карты. Уходя из дому, он сказал жене:

— Если я проиграюсь, то пришлю к тебе человека за деньгами, а чтобы ты знала, что действительно я послал его, он должен будет сказать тебе так: деньги спрятаны в красном платке в сундуке.

В это самое время один исфаганский плут, путешествуя по свету, заехал в Тегеран и случайно проходил мимо дома тегеранского жулика. Услыхав в доме разговор, он подошел к окну и подслушал все, что тот говорил своей жене.

Вскоре тегеранец ушел к товарищам, а исфаганец, обождав некоторое время, вошел в дом и говорит жене тегеранца:

— Ваш муж все свои деньги, которые были с ним, проиграл и просит вас дать спрятанные.

Жена спрашивает:

— А он вам сказал, где они лежат?

Исфаганец отвечает:

— Он сказал в сундуке, завязаны в красном платке.

Тогда она поверила, что его прислал муж и отдала ему все деньги, а он забрал их и уехал к себе в Исфаган.

Вечером муж пришел домой очень поздно, жена уже спала. Утром она стала бранить его за то, что он проиграл деньги. Он очень удивился, услыхав это, и говорит:

— Кто тебе сказал, что я проиграл, наоборот — я выиграл.

Тогда жена спросила:

— Но почему же ты прислал человека за деньгами?

Муж еще более удивился и сказал, что он вовсе никакого человека не присылал. Тут им стало ясно, что кто-то их обманул.

Муж страшно рассердился, стал бранить жену и спрашивать у нее, не помнит ли она, по крайней мере, как он выглядел. Она сказала приблизительные приметы вора: он высокого роста, на носу у него бородавка. Тегеранец задумался — кто бы это мог быть? Но так как сам был жулик и знал всех других плутов и жуликов, то он подумал, если он высокий, и такой-то и такой-то, то это должен быть исфаганский плут. Чтобы поймать его, он поехал в Исфаган.

Вот приезжает он в Исфаган и не знает куда итти дальше. Опять задумался, вспоминая адрес: „Исфаган, Исфаган... а улица Хыйаван", — вспомнил он. Пришел он на эту улицу, но не знает, как спросить, где живет этот человек, потому что забыл его имя. „Город Исфаган, улица Хыйаван, а зовут его... Сулейман", — вспомнил наконец он и стал спрашивать у прохожих: „Где живет Сулейман?" Ему указали. Подходя к дому, он подумал: „Я так быстро ехал, что его еще должно быть нет дома. Как я стану разговаривать с его женой, я ведь даже не знаю, как ее зовут". Он снова задумался. И вдруг вспомнил: „Город Исфаган, улица Хыайван, зовут его Сулейман, а жена его — Шарабан".

Тогда он постучал в дверь и спросил:

— Здесь ли живет Шарабан?

Женщина ответила:

— Да, здесь; я и есть Шарабан.

Тогда он сказал:

— Вот и хорошо, я двоюродный брат твоего мужа, давно его не видел и приехал в гости.

Она его приняла и поставила перед ним угощение.

В это время приехал ее муж и очень удивился, увидев в доме постороннего мужчину, но когда он подошел ближе к тегеранскому жулику, то узнал его и сильно испугался, а тот стал требовать украденные деньги. Исфаганец сказал: „Ты ошибаешься — это не я был".

Но тегеранский жулик ему не поверил и стал его бить палкой так сильно, что исфаганский плут не выдержал и, не желая все же отдать деньги, которые он перед этим успел спрятать в саду, притворился мертвым. Тегеранец заметил, что он притворился, однако не подал виду, жене же его сказал что сам отнесет мертвеца на кладбище.

Когда гроб был готов, он положил в него мнимого покойника и понес на кладбище. А кладбища в те времена были таковы: для покойников строили гумбезы,[1] в которых их и хоронили. Даже делали отверстие в крыше, чтобы запах от покойника выходил наружу.

Тегеранец принес гроб с мнимым трупом исфаганского жулика в гумбез и положил его на специальное возвышение на полу, а сам спрятался и стал ждать, что тот станет делать дальше. Вдруг он услышал разговор и шаги, и в гумбез ввалилась ватага разбойников, которые с шумом расселись на полу, чтобы поделить между собою только-что награбленную ими добычу. Вначале все шло хорошо, а потом они поссорились из-за шашки, украшенной драгоценными каменьями, которую каждый хотел получить себе. Тогда один из разбойников говорит: „Вот

---

[1] Гумбез — купол, мавзолей.

что, сколько бы мы ни кричали, все равно ни до чего не договоримся. Пусть кто сильнее всех, тот и возьмет себе эту шашку, а чтобы узнать, кто из нас сильнее, мы по очереди будем рубить гроб с покойником и кто разрубит его одним ударом, тот и возьмет себе шашку". Как только он это сказал, мнимый покойник так испугался, что подскочил в гробу, стал кричать и со всей силой колотить в крышку, пока она не упала. Спрятавшийся плут тоже испугался, выскочил из своей засады и заорал во все горло. Услышав эти вопли, разбойники в свою очередь страшно перепугались, думая, что покойники рассердились на них за дерзость и воскресли для того, чтобы их наказать.

Кончилось тем, что разбойники со страху разбежались в разные стороны, а оба плута, помирившись, стали делить между собою добычу, которую те оставили на полу. Все было бы хорошо, но когда дело дошло до злополучной шашки, то поделить ее они тоже никак не могли и стали спорить и кричать. Тем временем, когда они готовы были уже подраться, один из разбойников решил вернуться и посмотреть, что делают покойники и влез на крышу гумбеза, откуда и стал смотреть на них в отверстие вниз. Тегеранец заметил, что он смотрит на них, и, подпрыгнув, стащил с него шапку, а разбойник еще больше испугался от того, что увидел, и подумал: „Эти мертвецы не только встали из гробов, но даже и наше золото поделили и еще мало им этого показалось, шапку стащили с меня. Уж лучше мне отсюда убежать подальше!"

И он от страха, как и другие разбойники, убежал совсем с кладбища. А плуты тем временем, решивши не ссориться, вернулись домой со своей добычей, поделили ее, после чего тегеранец забрал свои деньги у исфаганского жулика и уехал в свой родной город, где и живет до сих пор. Вору у вора воровать не запретно.

Запись и перевод О. Шацкой

ДВА ЛГУНА

(Грузинская сказка)

Жили-были два лгуна. Одного звали Датуа, а другого Петрикела. Однажды Датуа-лгун притащил большой мешок, набил его туго мхом, сверху наложил шерсти и понес продавать в Имеретию. Когда он стал взбираться по склонам Сурамского хребта, он бросил взгляд вниз на прекрасную Имеретию, и как-раз в это время попался ему навстречу Петрикела-лгун. У Петрикела на спине висел большой мешок, набитый скорлупой грецких орехов Только сверху покрывали скорлупу настоящие орехи.

— Здравствуй! — крикнул Датуа-лгун.

— Здравствуй! — отвечал Петрикела.

— Откуда идешь и куда путь держишь?

— Иду из Имеретии, несу продавать орехи в Картли. А ты откуда идешь, скажи ради бога?

— Я, брат, иду из Картли: несу шерсть продавать в Имеретию. Вот что я тебе скажу, если послушаешься: никакого ведь нам барыша не будет от того, что мы с таким грузом будем тащиться по такой тяжелой дороге туда и обратно; только лапти износим. Давай, обменяемся мешками: ты понесешь продавать шерсть в Имеретию, а мне дай орехи, и я тоже вернусь обратно в Картли продавать их.

— Очень хорошо, клянусь святостью нашего братства. Лучше вернуться нам к себе: нет смысла тащиться по такой

дороге. На, возьми орехи, а взамен отдай свой мешок шерсти.

Так лгуны обменялись мешками, и каждый вернулся к себе.

Прошли они часть пути и вот, когда они перестали видеть друг друга, торопливо раскрыли каждый свой мешок. Видят — обманули друг друга.

Спустя некоторое время они снова встретились. После приветствия, Датуа сказал Петрикеле:

— Я думал, что один я умею лгать, но выходит, что ты, брат, ничем не хуже меня.

— Вот еще. Чему же тут удивляться, брат? Если ты умеешь дела обделывать, почему бы и мне не уметь?

— Так давай, побратаемся!

— Ладно!

— Поступим вместе в услужение!

— Пусть будет по-твоему!

Лгуны стали искать места. Ходили они, ходили и наконец узнали, что какой-то старухе нужно два человека. Они явились к ней и стали спрашивать об условиях.

Старуха сказала:

— Есть у меня корова и этот дом. Одному из вас придется гонять корову на пастбище со свирелью, чонгури и бубном, потому что моя корова умеет плясать. А другому надо будет работать дома, мести пол, наводить чистоту и таскать и сваливать мусор на чужом дворе. Если вы согласны и можете выполнять эти условия, поступайте ко мне.

— Согласны, почему бы не мочь! ответили они.

На другой день Петрикела остался дома смотреть за порядком. А Датуа захватил хлеб, бубны, свирель и чонгури и погнал корову.

Петрикела вымел все углы, навел чистоту, мусор собрал в одну кучу и только принялся сваливать его на чужом

дворе, как хозяева этого двора накинулись на него и больно избили, приговаривая: „Почему это вы свой мусор на нашем дворе сваливаете?“

Петрикела, весь в синяках от побоев, свалился на лавку в хлеве.

И Датуа-лгуну тоже плохо пришлось: не успела его корова выйти на пастбище, как она стала прыгать и носиться по полю из конца в конец, и так до самого вечера, не дав отдыха ногам. А вечером вернулась домой, за ней и Датуа. Он так изнемог от беготни и голода, что и пища ему не шла в рот. Вошел он в хлев и спросил Петрикелу:

— Что с тобой, братец, не болен ли ты?

— Какое там болен!

— А почему ты лежишь?

— Вымел я хлев и двор, а мусор свалил на чужом дворе. А там хозяева, как только увидели меня, пригласили к столу и славно угостили. От большого количества кахетинского у меня немного голова кружится. Ты-то как время провел?

— Я тоже неплохо покутил... забил в бубны, ударил пальцами по струнам чонгури и залился трелью на свирели. Тут корова моя пустилась отплясывать лезгинку. Целая толпа мужчин и женщин собралась веселиться вместе с нами. Можешь себе представить, хлеб принес обратно домой: и поесть забыл от веселья.

— Раз так, братец, то завтра я пойду пасти корову, а ты погостишь у наших соседей и хорошенько выпьешь.

— Пусть будет по-твоему, не хочу обижать тебя отказом, — сказал Датуа.

На другой день Петрикела перенес то же, что и Датуа: корова заставила его бегать без передышки, а Датуа так исколотили, что он едва ноги до хлева дотащил.

Ночью они стали совещаться. „Если мы не удерем отсюда, — говорили они, — то мы помрем или с голоду или от беготни, или от побоев."

Они решили бежать. Но беда была в том, что по вечерам старуха сама наглухо запирала снаружи двери. Вот что мешало исполнить их желание. Петрикела сказал:

— Вот что мы сделаем: возьмем и зарежем корову; один из нас пусть подставит спину другому и поможет вылезти через потолок на крышу; оттуда можно будет спустить веревку и поднять в мешке мясо. Потом на этой же самой веревке будет поднят и тот, кто внизу останется. И тогда обоим нам можно будет бежать.

— Это будет замечательно, — одобрил Датуа. — Я сильнее тебя, я одинаково легко могу тащить и мясо и тебя. Петрикела сразу же поставил спину и, когда Датуа вылез наверх, прочно завязал мешок узлом с одного конца, положил туда кусок-другой мяса, залег в него сам и крикнул вверх:

— Тяни мясо и спускай обратно веревку.

Датуа поднял наверх мешок и, уверенный, что все мясо в его руках, взвалил мешок на спину и пустился бежать, не заботясь о товарище.

Пробежав большое расстояние, он устал и захотел передохнуть. Он снял с плеч мешок и бросил его на землю.

— Тише, ты, дьявол, так мне ведь больно, — крикнул Петрикела и вылез из мешка.

— Сам ты дьявол! От тяжести у меня разболелась поясница.

— Ну, а я-то чем виноват? Не изменили бы мы друг другу ни в горе, ни в радости, так и не болели бы у нас ни поясница ни сердце, — сказал Петрикела.

На этом кончилось дело. С того дня они перестали обманывать друг друга и стали жить, как родные братья, в любви и согласии, дорожа правдой более всего на свете.

Перевод В. Дондуа

ОХОТНИК МАНУК

(Армянская сказка[1]*)*

Жил-был царь, а у него был сын лет пяти. В городе, где жил царь, была старушка. Пришла она раз к царю просить денег. Царь не дал ей денег. Старуха рассердилась и пробурчала:

— В один прекрасный день наделаю я царю хлопот, будет он меня знать!

С этой мыслью она проникла однажды во дворец царя, украла царевича, увела его в лес и бросила там зверям на растерзание. В лесу схватил мальчика волк и хотел съесть его. В это время бродил по лесу охотник Манук; увидел он это, выстрелил из ружья и убил волка, а мальчика взял к себе домой.

Царь же, узнав, что сын его исчез, отправился на поиски. В поисках царь приехал и в то село, где жил охотник Манук. Объявил он и здесь, что у него потерялся такой-то и такой-то мальчик и кто найдет его, получит большую награду. Охотник Манук увидел тут, что мальчик, которого он привел в дом, — сын царя. Повел он царевича к царю, царь очень обрадовался и сказал:

— Приходи завтра поутру сюда, я дам тебе награду.

Взял царь своего мальчика и возвратился в свой дворец.

---

[1] По записи Е. Лалаяна „Азгагарнан пандес", XIX, вып. I, Тифлис, 1910.

На другой день утром охотник Манук пришел туда, где накануне остановился царь, но не застал его, а нашел он здесь чалму, дырявую сумку и свирель. Охотник Манук решил забрать все это.

„Чалму я возьму и надену себе на голову; если буду земледельцем, пришью себе сбоку эту сумку, а если стану чабаном буду играть на свирели", — подумал он. Тут же нашел он осколки стекла, бросил их в сумку и сказал: „Возьму и сделаю себе из них солонку".

Взял Манук свои находки и вернулся домой. Мать спросила его:

— Ну, какую награду дал тебе царь?

— Да вот нашел я только эту сумку, чалму и свирель, — ответил он.

— А ну покажи, что это за сумка? сказала мать.

Юноша достал из-за пазухи сумку и отдал матери.

— На, возьми, — сказал он ей, — там осколки стекла, из них мы сделаем себе солонку.

Мать взяла и открыла сумку. Глянула она и увидела, что не осколки там, а драгоценные камни.

— Смотри, сынок, — сказала она, — царь не солгал, это не осколки, а драгоценные камни.

Охотник Манук и его мать очень обрадовались.

— Теперь посмотрим, что это за чалма, — сказала мать.

Юноша надел на голову чалму и стал невидимым.

— Охотник Манук, где ты, глаза мои не видят тебя, — воскликнула тут мать.

— Я здесь, стою перед тобою, неужели ты не видишь меня? Это лучше, чем сумка, этим я могу отомстить врагу, — сказал Манук.

— Давай теперь испытаем свирель, — обратилась мать к Мануку.

Охотник Манук взял свирель, и, как только заиграл, сорок вооруженных арабов предстали перед ним и крикнули в один голос:

— Охотник Манук, что тебе нужно? Разрушить мир или построить?

— Ни разрушить ни построить, будьте спокойны, — ответил юноша, и сорок арабов сделались невидимыми.

— Свирель эта лучше всего, — сказал охотник Манук.

После этого мать обратилась как-то к сыну:

— Манук-джан, давай разменяем один из драгоценных камней.

Понесла она этот драгоценный камень к ювелиру. Тот с удивлением посмотрел на него и сказал ей:

— Старуха, я не могу дать стоимости этого камня, здесь есть более состоятельный ювелир, иди к нему.

Старуха пошла к богатому ювелиру, показала драгоценный камень и попросила дать за него деньги. Ювелир внимательно осмотрел камень и сказал:

— Я не смогу дать тебе стоимости этого камня.

Старуха ответила:

— Давай мне сколько можешь.

Ювилер принес и отдал ей все, что имел, и остался еще в долгу.

Старуха взяла деньги и пришла домой. Мать и сын построили себе дом и приобрели все, что им было надо. Охотник Манук купил себе тридцать коней, стал купцом, нагрузил коней тканями и повез их на продажу в другие города.

Приехал он в город некоего царя, купил себе большой дом и наполнил его своими товарами.

Для царя Манук приготовил хончу,[1] чтобы преподнести ему на приеме. Внутрь своей хончи Манук положил три

---

[1] Хонча — подношение на плоском блюде, называемом также хонча.

драгоценных камня и преподнес царю. Явились к царю и другие два купца с такими же подношениями. Царь приказал своему везирю встретить купцов и посмотреть на подношения.

Везирь повидался с двумя купцами, открыл их хончи, а хончу Манука отложил и оставил нетронутой, а затем преподнес царю и сказал:

— Открой и погляди на эту хончу.

Царь открыл хончу и, увидев три драгоценных камня, обратился к везирю:

— Везирь, что дать этому купцу взамен его хончи, чтобы он остался здесь и принялся за свою торговлю?

— Всем твоим царством ты не сможешь расплатиться за эту хончу, но человек не имеет цены, поэтому выдай за него свою дочь, — сказал везирь.

Царь согласился с везирем и сказал Мануку:

— Отдаю тебе руку своей дочери, вернись и продолжай свою торговлю!

Юноша принялся за свою торговлю.

Когда царевна узнала, что ее выдают замуж за какого-то купца, она обратилась к своей матери-царице:

— Приведите мне этого юношу, я посмотрю на него.

Царица передала царю, что дочь хочет видеть своего жениха. Царь послал за юношей человека. Юноша обрадовался, приготовил хончу, положил внутрь три драгоценных камня и к вечеру явился к ней.

Царевна увидела своего жениха, он не понравился ей. Она попросила сесть к ней поближе. Юноша преподнес ей хончу, поставил перед ней и сел.

Царевна заметила три драгоценных камня и спросила юношу, откуда он их достал. Юноша вынул из-за пазухи сумку и сказал ей:

— Принеси мне простых камней, я превращу их в драгоценные камни.

Царевна обратилась к своим рабыням:

— У меня есть осколки стекол, принесите, посмотрим, как он их превратит в драгоценные камни.

Рабыни принесли осколки и передали юноше. Манук наполнил ими свою сумку и все осколки превратились в драгоценные камни.

Царевна увидела это и решила обмануть юношу. Она притворилась ласковой, обхватила шею юноши и приказала рабыням:

— Девушки, принесите яства, пришел мой жених.

Рабыни принесли кушанья и царевна снова приказала им:

— Пусть каждая из вас напоит вином из своего сосуда моего жениха.

Каждая из рабынь поднесла юноше вина. Он напился и опьянел. Тогда царевна попросила его:

— Дай мне свою сумку.

Пьяный юноша достал сумку и отдал царевне. Она спрятала ее, позвала рабынь и приказала им:

— Вытолкните этого молодца вон отсюда!

Рабыни взяли и бросили его на окраине города. Юноша оставался там до рассвета. На рассвете он пришел в себя и увидел, что голова у него разбита, а одежда изорвана в клочья:

— Что я буду делать в своей лавке в таком виде, пойду лучше домой, — подумал он.

Когда он пришел домой, мать с удивлением спросила его:

— Охотник Манук, что с тобою?

Юноша рассказал:

— Пошел я к царю, стал его зятем. Царевна напоила меня и отняла мою сумку, я пришел домой, за чалмой, быть может мне удастся вернуть свою сумку.

— Нет, не вернешь ты сумки, а чалму она тоже отберет у тебя.

— Нет, сказал он, я больше не дам себя обмануть.

Манук взял чалму, отправился в город того же царя и открыл свою лавку. После полудня он надел на себя чалму-невидимку и пошел к царевне. Время было обеденное, царевна приказала рабыням принести обед. Охотник Манук сел рядом, пока она отведала ложку, он съел все. Царевна увидела, что тарелка ее опустела и велела принести побольше супа. Рабыни снова принесли ей суп. Царевна снова видит, не успела она съесть маленькую толику, а тарелка пуста. Тут она догадалась, что это проделки ее жениха и говорит:

— Охотник, я тебя испытала, покажись мне на глаза.

Охотник Манук снял с головы чалму и она увидела его. Царевна решила снова слукавить, она притворилась влюбленной и, обхватив его шею, сказала:

— Я тебя испытала, посмотрим теперь, как сильна твоя любовь?

— Зачем ты отняла у меня мою сумку? — спросил юноша.

Царевна сказала:

— Я не отбирала у тебя сумки, бери ее, я должна хранить твои вещи. Ответь на мой вопрос, каким образом ты сделался невидимым и незримым в моих глазах?

— Когда я надену эту чалму, я делаюсь невидимым, — ответил он.

— Дай мне посмотреть на нее, — сказала она.

Охотник Манук не в силах был отказать ей и передал ей чалму. Девушка надела чалму и крикнула рабыням:

— Возьмите этого молодца, уведите и убейте его!

Рабыни взяли юношу и, избивая, увели его за город и бросили в какую-то яму.

Только на следующий день в полдень, юноша пришел в себя.

— Что я буду делать в своей лавке, подумал он, лучше пойду домой, принесу свирель, может быть она как-нибудь да поможет. Отправился он в свой дом. Мать увидела разбитую голову сына и разорванное платье на нем и вскрикнула:

— Манук, что с тобою?

— Это царевна натворила, она отняла у меня чалму,— ответил он и стал просить мать: — Матушка, я пришел за свирелью, может быть мне удастся с ее помощью вернуть сумку и чалму.

— Но, сынок, родненький, ведь она отберет от тебя и свирель, не бери ее с собою, — умоляла мать сына.

— Нет, — ответил он — на этот раз я не дам себя обмануть. Юноша взял свирель, пришел на окраину города и заиграл на свирели. Появились сорок вооруженных арабов. Они остановились и крикнули:

— Разрушить мир или построить.

— Разрушайте город и берите его, — ответил он.

Арабы стали двигаться вперед, разрушая дома. Царевна увидела как разрушается город и говорит рабыням:

— Идите и приведите юношу, несомненно это его дело.

Рабыни нашли его, и передали ему, что его просит к себе царевна. Охотник Манук перестал играть на свирели, арабы успокоились, Манук последовал за рабынями. Пришел он к царевне. Она, увидев его, встала, взяла за руку и сказала:

— Что ты делаешь с нами? Если царь узнает, он снесет мне голову. Я хочу испытать твою любовь.

Охотник Манук закричал:

— Отдай мне сначала сумку и чалму, тогда я войду в твои покои.

Девушка заверила его, что отдаст сумку и чалму, если он последует за ней в покои. Манук вошел, она обняла его, поцеловала и сказала жалобным голосом:

— Что ты делаешь, ты хочешь отдать меня на смерть? Чем это ты разрушил город?

Охотник достал свирель и ответил:

— Вот этой свирелью.

— Что же это за свирель? — спросила она.

— Когда я заиграю на ней, ты увидишь, что это за свирель, — ответил он и заиграл на свирели. Тотчас же явились сорок вооруженных арабов и крикнули:

— Охотник Манук, разрушить мир или построить?

Царевна вскрикнула:

— Боже мой, я боюсь, что это такое?

Охотник перестал играть и арабы исчезли. Царевна обратилась к нему:

— Дай мне подуть, посмотрим появятся ли арабы, когда я заиграю?

Охотник Манук не смог отказать ей и передал ей свирель. Царевна подула в нее, перед ней сразу предстали сорок вооруженных арабов и крикнули:

— Дочь царя, разрушить мир или построить?

— Ни разрушить, ни построить; возьмите этого юношу, уведите и оставьте между Черным и Белым морями, а сами вернитесь обратно, — приказала она. Взяли они юношу, положили его между двумя морями и вернулись.

Юноша лежал между двумя морями. На другой день проснулся он, увидел вокруг воду. Три дня он не ел и не пил. На четвертый день встал он, пошел и нашел длинное яблоко. Взял он яблоко съел, и вдруг перевернулся вверх ногами; так три дня и простоял вниз головой. Стал он передвигаться вверх ногами и нашел круглое яблоко. Юноша так проголодался, что не вытерпел и стал есть круглое яблоко. Съел он яблоко и снова оказался вверх головой. Взмолился он тут, не зная как спастись из безвыходного места. Из моря вышел огненный конь и говорит:

— Манук, возьми с собой длинных и круглых яблок и садись на меня, я перевезу тебя на противоположный берег моря.

Охотник Манук пошел, собрал два платка этих яблок и оседлал огненного коня. Огненный конь перелетел через море. Достигнув противоположного берега, конь спустил юношу на землю и говорит ему человечьим языком:

— Продай своей невесте длинных яблок!

Взял яблоки Манук, пришел к палатам своей невесты и стал зазывать к себе покупателей: „Хорошие яблочки, яблочки хорошие!“ Царевна услышала и приказала рабыне.

— Иди, купи немного яблок!

Рабыня купила и принесла их. Съела царевна яблоки, и вдруг перевернулась головой вниз. Все рабыни бросились к ней, чтобы поднять ее на ноги, но не могли поднять. Тогда царевна смекнула и сказала:

— Милые, это опять проделки юноши, найдите и приведите его ко мне.

Рабыни пошли к юноше и стали просить его:

— Царская дочь стоит головой вниз, иди спаси ее.

— Принесите мне сумку, чалму и свирель, тогда я приду и спасу ее, — заявил он.

Рабыни вернулись и сказали:

— Юноша требует вернуть ему его сумку, чалму и свирель.

— Они там в долабе, отнесите и передайте их ему, пусть придет и избавит меня от этой беды, — сказала девушка.

Одна из рабынь взяла сумку, чалму и свирель, отнесла и передала ему. Юноша сказал:

— Сегодня я не могу притти, приду утром и освобожу ее, пусть она до утра стоит пригвожденной к полу.

На утро юноша забрал с собою круглые яблоки и проник в покои царевны. Выгнал он из покоев рабынь, дал

девушке яблоко, она съела и освободилась от недуга. После этого царевна говорит ему:

— Иди кончай свои торговые дела и поедем в твою страну.

Юноша закончил свои торговые дела, взял девушку и отправился вместе с ней в свой дом. Семь дней и семь ночей длилась их свадьба.

Он достиг своей цели, достигни и ты своих стремлений.

Перевод Н. Еремян

ХИТРЫЙ ДЕРВИШ

(Иранская сказка)

Великий шах Аббас любил переодеваться дервишем и по ночам обходить город, наблюдая за жизнью своих подданных. Однажды, проходя по темной улице мимо одного дома, он услышал громкий плач детей и веселые крики мужчин. Прислушавшись внимательно, он заметил, что крики слышны из одной комнаты, а плач детей из другой. Заинтересовавшись, шах Аббас постучал в дверь и стал просить милостыню. К двери подошла женщина:

— Ах, дервиш, — сказала она рыдающим голосом, — я сама с детьми голодаю. Ты слышишь как они плачут? Чем же мы можем тебе помочь!

— А откуда слышны эти веселые крики? — спросил шах Аббас.

— Из соседней комнаты, где живет один дервиш. Он днем собирает милостыню, а вечером приглашает музыкантов и вместе с ними пьянствует и веселится всю ночь. А мои дети видят всякие хорошие кушанья у дервиша и начинают плакать еще сильнее.

— Открой дверь, несчастная, может быть я сумею помочь тебе.

— Чем же ты можешь помочь мне, бедный дервиш, ведь ты сам нищий.

Женщина открыла дверь и он вошел в комнату.

Здесь он вынул из своего кешкуля[1] плов из риса и курицы, который всегда брал с собой, и передал ей. Дети с жадностью набросились на эту приятную и неожиданную для них пищу.

— Неужели этот дервиш вам ничем не помогает? — спросил шах Аббас.

— Нет, он говорит: „Вам аллахом суждено бедствовать, как же я буду помогать вам против воли аллаха!"

Шах Аббас спросил имя дервиша и где он днем стоит.

На следующее утро по приказанию шаха Аббаса глашатай объявил в городе о том, что всякий, кто подаст милостыню такому-то дервишу, будет арестован и наказан по закону.

В тот же день вечером шах Аббас переоделся и пошел проведать женщину. Заодно он хотел проверить, исполнен ли его приказ и как себя чувствует дервиш. Каково же было его изумление, когда он, подходя к дому, еще издали услышал гром барабана, веселые крики, и, на ряду с этим, жалобный плач детей.

Шах Аббас постучал в дверь. Женщина узнала его и тотчас же впустила в комнату. Отдав ей принесенную пищу, он решил зайти также и в комнату дервиша.

Дервиш был совсем пьян, громко ругал шаха Аббаса и смеялся над ним. Шах Аббас сел в углу и оттуда стал внимательно прислушиваться к разговорам дервиша и его гостей.

— Шах Аббас думает, — говорил дервиш, — что если он лишит меня возможности жить на подаяния людей, то я буду голодать. Разве он не знает, что великий аллах выше его и не оставит своих слуг без пропитания.

---

[1] Кешкуль носят на перевязи через руку. Делается из кокосовой скорлупы, иногда из меди или из выдолбленной тыквы; снаружи покрывается обычно художественной резьбой (цветами, различными фигурами и надписями).

— Как ты сегодня заработал деньги? — спросил шах Аббас.

— Как только объявили приказ шаха Аббаса, я наполнил свой кешкуль водой и пошел ее продавать. Таким образом я заработал сегодня больше чем обыкновенно и мог пригласить вместо одного трех музыкантов.

— А если завтра шах прикажет, чтобы никто не смел покупать у тебя воду, тогда что ты будешь делать?

— Аллах выше шаха, он не оставит меня без своей милости.

Слова дервиша затронули самолюбие шаха Аббаса, разгневанный он направился к себе во дворец. Ему было тяжело согласиться с мнением дервиша, что есть кто-то сильнее его, и он решил испробовать свою силу и власть.

На следующий день шах Аббас запретил дервишу продавать воду, а для того, чтобы он не мог заняться каким-либо другим делом, отдал его в солдаты и приказал, чтобы ему не выдавали денег.

Дервиша ничуть не смутил этот приказ, и, переодевшись в солдатское платье, он начал бродить по городу. Вдруг он заметил, что кто-то на улице мочится. Воспользовавшись своей формой, дервиш оштрафовал его. Это занятие ему очень понравилось, и он стал на каждом шагу придираться к горожанам и штрафовать их.

В этот день дервиш заработал денег больше, чем раньше зарабатывал за неделю.

Вечером шах Аббас снова пришел проверить, как отразился на дервише новый приказ. Он страшно изумился: дом дервиша ярко освещен и музыка из него далеко разносилась по всему кварталу. Войдя во двор, шах услышал ругань и издевательства по своему адресу и рассказ дервиша о своей новой победе над ним.

Возмущенный шах Аббас решил сам наблюдать за поведением дервиша. На следующее утро он назначил его

своим везирем, но не дал ему денег. Весь день шах Аббас не выпускал его из вида. Дервиш, в мундире везиря, покорно выполнял все приказания шаха. К вечеру шах Аббас отпустил домой всех своих придворных, в том числе и дервиша-везиря.

А дервиш по пути к дому зашел в оружейную мастерскую, продал мастеру полагающийся ему по чину везиря меч и приказал немедленно изготовить ему деревянный по образцу старого меча. Вырученные деньги он истратил на музыкантов и освещение дома.

Ночью шах Аббас снова пришел на ту же улицу и опять услышал пьяные крики и ругань по своему адресу, что его сильно рассердило. На следующее утро разгневанный шах приказал в своем присутствии публично отсечь голову непокорного и самоуверенного дервиша.

Когда дервишу было предоставлено право выразить свое последнее желание, он сказал:

— Я прошу отсечь мне голову моим мечом. И если великий аллах согласен с приказом шаха, то мой меч не изменится, а если не согласен, то он превратиться в деревянный. Это будет знамением того, что меня убивать нельзя.

Шах согласился исполнить его последнюю просьбу.

Когда дервиш вынул меч из ножен, он к великому удивлению всех собравшихся оказался деревянным. Все присутствующие упали от страха на колени.

Шаху Аббасу ничего не оставалось сделать, как признать правоту дервиша. Он крепко его обнял и назначил своим везирем на все время.

Таким образом хитрый бродяга дервиш стал везирем великого шаха Аббаса.

Перевод Г. А. Мирзоева

КРЕСТЬЯНИН И РОСТОВЩИК

(Иранская сказка[1]*)*

В одной деревне, в окрестностях города Кермана,[2] жил керстьянин с семьей. Жил он очень бедно. В той же деревне жил ростовщик, который имел очень много золотых денег и давал их под проценты. Был он свирепым и жестоким угнетателем.

Нужда у крестьянина дошла до крайности, семья его начала голодать. Жена сказала ему:

— Мы совсем умираем от голода. Пойдем к ростовщику и возьмем у него немного денег, а когда поправим свои дела, вернем.

Муж ответил:

— Если человек берет в долг, то рассчитывает вернуть, а на что мы можем надеяться? Да он и не даст денег таким беднякам как мы.

— Все равно, пойдем и спросим, — настояла жена.

Жена и муж вместе пошли к ростовщику и попросили у него в долг.

— А на что вы надеетесь, беря у меня деньги, и на какой случай я должен рассчитывать, чтобы вам удалось вернуть долг? — спросил ростовщик.

— Бог велик и не оставит нас в долгу! — ответили они.

---

[1] По рукописи Института востоковедения АН СССР „Меджмауль-Хекаят", в. 256, т. 2.

[2] Город в Иране.

Ростовщик сказал крестьянину:

— Хорошо, я дам деньги, но с условием: если в срок не вернешь, я отрежу от твоего бедра один сир мяса.[1]

Пришлось крестьянину согласиться на это условие. Они составили вексель, крестьянин подписал его и получил сто динаров.[2]

Когда настал срок расплаты, ростовщик пришел за деньгами, но крестьянин не мог заплатить долга и сказал ростовщику:

— Я бедный человек, откуда я возьму для тебя денег?

Тогда ростовщик пришел в ярость и потребовал, чтобы тот немедленно выполнил обязательство и отдал бы один сир своего мяса.

Бедный крестьянин не вытерпел и несколько раз ударил ростовщика кулаком по голове. На крики собрался народ и крестьянина повели к деревенскому старосте. Ростовщик показал вексель, и окружающие подтвердили, что ростовщик прав. Увидев безвыходность своего положения, крестьянин сказал ростовщику: „Пойдем в город к судье, и я выполню все, что он решит". Ростовщик согласился и они отправились в путь. По дороге они остановились отдохнуть в селении. Крестьянин стал осматривать развалины, которые были в этом селении. Случайно на забор, окружавший развалины, села какая-то птица. Крестьянин взял камень и бросил в птицу. Камень не попал в нее и пролетел мимо.

Вдруг за забором послышались крики и ругань. За забором турок продавал свою лошадь, покупатели окружили его. И вот, вдруг, камень, брошенный крестьянином, попал в глаз лошади. Турок поймал крестьянина и начал бить его. Прибежал ростовщик и говорит турку: „Я этого

---

[1] Сир — мера веса в Иране.

[2] Динар — золотая монета в старое время, а теперь — медная.

человека веду к судье, если у тебя тоже есть претензии к нему, поведем его вместе".

Турок согласился, и они втроем двинулись в путь.

Скоро дошли они до колодца. Несколько женщин набирали у колодца воду. Крестьянин подошел к одной из них и попросил напиться. Она отказала. Тогда он отнял у нее ведро и толкнул ее. Женщина была беременна, она упала и преждевременно родила. На крики женщины прибежал ее муж. Увидел он жену в таком состоянии и стал бить крестьянина. На шум прибежали ростовщик и турок и пригласили вместе с ними судиться с крестьянином. Тот согласился, и вчетвером они отправились дальше. Подошли они к городу и в канаве у дороги увидели человека, осел которого завяз в грязи. Человек этот кричал и звал к себе на помощь. Крестьянин сказал своим путникам: „Пойду помогу этому человеку, хоть одно доброе дело сделаю!" Побежал он на помощь. Подошел к ослу, взял его за хвост и стал тянуть что есть силы. Вдруг хвост у осла оторвался. Хозяин стал кричать на крестьянина „Что ты наделал? Осла этого я купил за сто динаров, деньги за него платил с процентами, а ты его обесценил". Схватил он крестьянина за горло, продолжая ругать его. Тут прибежали ростовщик, турок и муж пострадавшей женщины и предложили ему итти судиться. Он согласился, и они все вместе отправились в город. Вскоре наступила ночь, и они решили остановиться в пригородном селении. Истцы заперли виновника в комнате на втором этаже, а сами пристроились на балконе этой комнаты. Под окном, где был заперт крестьянин, лежал больной, брат старосты этого села. Поздно ночью крестьянин решил удрать. Он разбил окно, быстро прыгнул и упал прямо на лежавшего внизу больного. Больной вскрикнул и тут же умер. На крик больного прибежал его брат. Он поднял шум, поймал крестьянина и начал его бить. Услышав это, прибежали

четверо истцов и говорят: „Мы ведем этого человека к судье; если хочешь, присоединяйся к нам!“ Староста согласился и утром отправился в путь вместе с ними. По дороге они увидели толпу людей. Вели человека с веревкой на шее.

— Какое преступление совершил этот человек, за что вы его так мучаете? — спросили они.

— В нашем городе плотник что-то украл, а мы ведем кузнеца. Его приговорили к смерти вместо плотника.

— Почему же это так?

— Потому что в городе только один плотник, а кузнецов много. Если мы потеряем одного кузнеца, это ничего, а если лишимся плотника, город останется совсем без плотника.

— А кто так рассудил?

— Приговор этот вынес городской судья.

Тут пришли они в город.

На площади они увидели пьяного; он еле ходил и двое поддерживали его под мышки.

— Кто это? — спросили они.

Это мухтесиб.[1] Он сегодня пошел в кабак, чтобы проверить, не смешивают ли там вино с водой. С каждого бака он попробовал по одной чашке и сильно опьянел.

Крестьянин тут подумал про себя: „как хорош этот город со своими порядками“. Дошли они до дома судьи. Крестьянин шел впереди и приоткрыв дверь в комнату судьи увидел, что тот со своими слугами собирается кутить. Он быстро закрыл дверь и громко сказал: „Судья молится и мешать ему сейчас нельзя. Когда он кончит молитву, вызовет нас сам“.

---

[1] Мухтесибами назывались базарные надзиратели, наблюдавшие за правильностью мер и весов.

Судья услышал эти слова, и ему понравилась сообразительность крестьянина. Когда все было убрано, судья позвал всех в комнату и спросил в чем дело. Первым подошел ростовщик, рассказал судье о своем иске и показал ему вексель. Судья сказал крестьянину:

— Эй, бессовестный мужик! Ты берешь деньги, а когда надо платить или выполнять обязательства по векселю — ты отвиливаешь. С этими словами он приказал ему сесть, а ростовщику сказал:

— Отрежь у него мяса, как было условлено по векселю.

Когда ростовщик собрался отрезать у крестьянина мяса, судья сказал:

— Только отрежь точно один сир. Ни меньше, ни больше.

— Как я могу отрезать только один сир? — спросил удивленный ростовщик.

— В твоем векселе указан один сир и ты должен отрезать один сир, — ответил судья.

Ростовщик отложил нож и стал умолять судью, чтобы тот отменил свое решение. Судья не соглашался на это. Ростовщику пришлось подсунуть судье сто динаров, и только тогда решение было отменено.

Вторым пришел турок и пожаловался, что крестьянин выбил глаз у его лошади, за которую предлагали тысячу динаров.

— Разруби лошадь на две части, сказал судья. — Ту часть, на которой будет целый глаз возьми себе, а другую отдай крестьянину и возьми у него половину цены — пятьсот динаров.

— Мою лошадь и так покупают за восемьсот динаров. Сделай я по-вашему, у меня получится триста динаров убытка.

— Так указывает шариат, — сказал судья и приказал своим слугам разрубить лошадь. Турок стал умолять

судью и, незаметно подсунув ему сто динаров, с большим трудом добился отмены решения.

Третьим подошел муж пострадавшей женщины и просил решения суда.

— Это трудный вопрос, — задумчиво сказал судья, подумал и вынес такой приговор:

— Отдай крестьянину свою жену, пусть она поживет с ним, пока не забеременеет.

— Ах судья, — завопил истец, — это будет позорным пятном для моей семьи; как я покажусь перед своими родственниками? Я отказываюсь от иска, только отмени свой приговор.

— Таково решение шариата и его отменять нельзя, — сказал судья.

Истец долго умолял судью отменить решение и освободился только после того, как подсунул ему сто динаров.

Четвертым подошел сельский староста и рассказал о том, как крестьянин убил его брата.

— Этот вопрос решить не трудно, — сказал судья и приказал слугам увести старосту на балкон, а крестьянину велел лечь внизу. Когда крестьянин лег под балконом, судья приказал старосте прыгнуть с балкона на крестьянина. Посмотрел староста вниз, увидел двести аршин расстояния до земли и с ужасом стал кричать и отказываться от иска, и просил отменить решение. Судья не соглашался; старшина отдал ему сто динаров и освободился.

Последним подошел хозяин осла и рассказал о случившемся.

Судья приказал слугам, чтобы привели его собственного осла. Когда привели осла, он сказал крестьянину:

— Этого осла я дарю тебе!

Затем судья обратился к истцу:

— Иди оторви хвост у осла своего противника!

Истец подошел к ослу и взял его за хвост, но осел так сильно лягнул его, что тот полетел в сторону. Тогда он отказался от иска, а судья продолжал настаивать на своем. Истец, дрожа от страха осторожно подошел к ослу, но опять полетел в сторону. Так пытался он подойти несколько раз подряд. Наконец истец увидел безнадежность своего дела и, опасаясь причинить себе увечье, дал судье двадцать динаров и освободился от дальнейших попыток оторвать хвост у осла.

Когда все истцы ушли, судья позвал к себе крестьянина, отдал ему все полученные деньги и сказал:

— Это тебе за то, что ты сделал доброе дело и не опорочил меня перед народом.

Перевод Г. А. Мирзоева

КАДИ И МУФТИ[1]

(Арабская сказка[2])

Жил один бедный человек и была у него очень красивая жена. Однажды она сказала мужу:

— Я хочу жареного мяса!

Он возразил:

— О жена, нет у меня денег, чтобы принести тебе мяса!

Тогда она заявила:

— Если ты мне не принесешь мяса, я уйду в дом моих родных!

Муж пошел на базар и отдал свой тюрбан даллялю,[3] сказав:

— Возьми и продай мне этот тюрбан.

Тот продал тюрбан за пять пиастров,[4] и муж купил на четыре пиастра мяса и на пиастр хлеба. Когда он шел по дороге, увидели его кади с муфтием и крикнули:

— Эй, человек, что это у тебя так хорошо пахнет?

Он ответил:

— Немного мяса на обед моей жене, господин.

---

[1] Кади — судья, муфти — судья, выносящий решение по делу в затруднительных случаях; его решения, так называемые фетвы, имеют силу закона.

[2] По тексту сб. J. Oestrup, Contes de Damas, etc., Leyde, 1897, VIII, pp. 100—106.

[3] *Далляль* — маклер, базарный посредник, выкрикивающий, что и по какой цене продается.

[4] Пиастр — монета, равная восьми копейкам.

Кади закричал:

— Давай его сюда, мы сами его съедим.

Он отобрал от него мясо, дал пощечину и сказал:

— Убирайся!

И пошел человек, плача, к своей жене. Она спросила его:

— Что с тобой, отчего ты плачешь?

— Я пошел на базар, — сказал он, — продал свой тюрбан и купил мяса, чтобы принести его тебе; но меня встретили кади с муфтием, отобрали мясо и побили меня.

— Ничего, клянусь аллахом, да будет проклят их отец, — воскликнула она, — потерпи, и ты увидишь какую хитрую штуку устрою я им. Подай-ка мне зеркало и гребень!

Муж подал ей зеркало и гребень, и она села, вымыла лицо в цветочной и ароматной воде, нарумянилась, напудрилась, так что стала походить на невесту. Затем послала к своим соседям занять у них вытканный изар,[1] надела его на себя и отправилась к дому кади.

Кади сидел у наружных дверей и расчесывал свою бороду. Увидя ее, он заметил про себя: „аллах, как она красива“ и сказал ей:

— Пожалуй, госпожа, окажи нам честь.

Только он произнес эти слова, как появился муфти и спросил:

— Откуда эта прекрасная женщина, господин кади?

А женщина сказала:

— В этот вечер я приглашаю к себе муфтия, а завтра пусть приходит господин кади.

Они согласились. Женщина предложила муфтию:

— Принеси мне мяса, риса, сахару, фруктов и все, что необходимо из питья.

---

[1] Изар — род верхней одежды без рукавов, которую носят женщины поверх прочей одежды.

Тот сказал ей:

— Готов, моя госпожа!

И они условились, что вечером муфти придет к ней в дом и устроит угощение.

Женщина пошла своей дорогой и вернулась домой.

Когда наступило время захода солнца, муфти постучал в дверь. Женщина открыла дверь и промолвила:

— Добро пожаловать!

Была она разукрашена и разодета в лучшие одежды.

Муфти вошел, и она сказала ему: „Сними свою одежду, господин мой. У меня в доме никого нет".

А перед тем она сговорилась со своим мужем. Вдруг постучали в дверь.

— Молю тебя, кто это стучит в дверь? — спросил муфти.

— Это мой муж, год уж как он уехал, а сегодня вечером прибыл, — ответила женщина.

— Прошу тебя, как же и куда мне спрятаться? — сказал он ей.

— Войди в уборную, — предложила она, накрыла его бараньей шкурой, связала веревкой и привязала к столу. Муж ее вошел в дом и закричал:

— Горе тебе, кто здесь у тебя?

— Помилуй, возразила женщина, ей-богу, здесь нет никого, кроме ягненка; вот он — в уборной.

Тогда этот ягненок заблеял: бэ, бэ!

Муж сказал:

— Я хочу видеть ягненка, дай мне лампу, чтобы я увидел, большой он или маленький.

Открыв дверь, он схватил муфти за бороду и сказал:

— Эй, жена, у этого ягненка большая борода; это — баран, его надо зарезать.

Но она промолвила:

— Я отдам его детям, чтобы они играли с ним.

— Нет, заявил муж, дай мне нож!

Когда она принесла ему нож, он схватил муфтия, ощипал его и отправился спать.

Затем женщина подошла к муфтию и спросила его:

— Как ты находишь, стоит это жареного мяса, которое вы отняли у моего мужа?

— Умоляю тебя, произнес он, развяжи меня и дай мне возможность убежать.

Женщина развязала веревки, открыла ему наружную дверь и сказала:

— Убирайся, проклятый!

Он выскочил, побежал домой и постучал в дверь. Тут вышла жена его и закричала:

— Кто здесь?

— Это я, ханум,[1] открой мне!

— Кто ты?

— Я твой муж, муфти!

— Убирайся, проклятый, собака!

— Прошу тебя, это я — муфти; открой и увидишь меня!

Она открыла дверь, видит, действительно муфти.

— Что с тобой? — спросила она его.

— Я пошел в сад, там напали на меня бедуины, избили и взяли мою одежду, — ответил ей муфти.

Вот что произошло с муфтием.

Что касается кади, то когда он сидел у наружных дверей, вдруг подошла к нему женщина и сказала:

— Добрый день, мой господин.

— Добро пожаловать, да будет тебе дважды простор, моя госпожа и свет моих очей, — приветствовал ее кади.

— Ты окажешь нам честь сегодня ночью? — промолвила она.

Он ответил:

— Хорошо!

---

[1] Ханум — госпожа.

— Пришли нам съестное, рис и напитки, чтобы нам устроить этой ночью развлечение по твоему желанию, — сказала женщина.

Он послал в три раза больше, чем муфти. Когда наступило время захода солнца, кади послал за муфтием, но тот ответил, что болен. Кади сказал про себя: „пойду-ка я к нему“ и отправился. Он нашел его сидящим на своем ложе и стонущим как бык.

— Что с тобой муфти Дамаска? — спросил кади.

— Я вчера выпил много арака[1] и захворал, — ответил муфти.

— А как та женщина?

— О, нечто очень замечательное: танцует, поет; сегодня ты больше увидишь.

— Я иду туда, до свиданья, — сказал кади.

Муфти не сообщил ему о том, что сделала с ним эта женщина, подумав про себя: „Пусть этот проклятый съест от них еще больше моего“.

Пришел кади к женщине и постучал к ней в дверь. Она открыла ему и произнесла:

— Добро пожаловать и да будет простор господину кади!

А перед тем она сговорилась со своим мужем.

Женщина сказала кади:

— Встань, господин мой, и сними свою одежду.

Кади снял одежду, как вдруг постучали в дверь.

— Прошу тебя, кто стучит в дверь? — спросил он ее.

— Это мой муж, он уже два года путешествует и теперь, если тебя увидит, зарежет.

— Умоляю тебя, — воскликнул кади.

Она сказала в ответ ему:

— Потерпи, мы перехитрим мужа.

Женщина принесла ему люльку и сказала:

---

[1] Арак — виноградная водка.

— Плачь, как маленький ребенок.

Он заревел медвежьим голосом: „Уа, уа"!

Вошел муж и закричал:

— Горе тебе, что это такое в люльке?

Она ответила:

— Мой сын.

— Покажи мне его, — заявил ей муж.

Она отвернула покрывало с лица кади, муж схватил его за бороду и усы и сказал жене:

— Принеси мне бритву.

— Зачем бритву? — спросила женщина.

— Я хочу сбрить ему бороду и усы, — ответил муж.

— Оставь его, это маленький ребенок.

— Принеси мне бритву.

— Какой это маленький ребенок, если у него борода и усы! — воскликнул он и замахнулся на нее мечом, собираясь ударить ее. Она испугалась и принесла ему бритву. Тогда муж взял бритву, сбрил кади бороду и усы, вытащил его из люльки, дал ему ведро и лопату и приказал:

— Иди, вычисти нам уборную!

Кади стал выносить нечистоты на своей голове. Женщина подошла к нему и спросила:

— Как ты поживаешь, кади Дамаска?

— Молю тебя, — сказал он.

— Кто чувствует хороший запах, чувствует и скверный, — промолвила женщина.

— Умоляю тебя, я горю желанием бежать отсюда, — взмолился кади.

— Я тебя отпущу, но с условием, что ты ни к кому не будешь приставать, — ответила она.

— Я раскаялся перед аллахом и перед тобой, — сказал ей кади.

Так она получила от них одежду, мясо и провизию.

Перевод Д. В. Семенова

МАМ И ЗИН

(Курдская повесть)

Ло-ло, парень, парень меж парнями!
Это повесть о страдальце Маме,
Маме, сыне Аль-паши.
Повесть о двух любовниках несчастных,
Это песнь о Зин черноокой,
О судьбе, начертанной им роком,
Эго песнь о Зин златокудрой,
Повесть об отважном и о мудром
Друге Мама, о Каратадждине,
О жестоком мир-Севдине
Повесть о злодее Бакр-Аване,
О делах, случившихся в Бахтане...

Вот рассказ о Маме и Зин:

Две голубки по небу летали,
Две голубки пели-ворковали,
Две голубки на дерево сели,
Две голубки в окно посмотрели...

А у окна спал Мам, сын Аль-паши. Красавец был Мам, богатырь был Мам. Сыном владыки страны Мухурземин был Мам. А где страна Мухурземин находится, как в нее пройти-проехать? Ты не знаешь, я не знаю, — никто не знает.

Голубки на дереве сидят, в окно смотрят, на Мама любуются. Вот младшая голубка и говорит старшей:

— Сестра, нет на свете красавца, подобного Маму, нет на свете юноши красивее Мама. Может ли быть девушка, достойная Мама, сына Аль-паши, владыки земли Мухурземин.

Старшая голубка отвечает ей:

— Верно, сестра, нет на свете красавца, подобного Маму, нет на свете юноши красивее Мама. Но ты еще молода, ты еще многого не знаешь, а я по всему свету летала, много чудесного на свете видала, и я знаю девушку, достойную Мама, я знаю красавицу прекрасней Мама; это — дочь мир-Севдина, владыки Джезире Бота. Только одна Зин достойна Мама, только одна Зин красивее Мама.

Две голубки с дерева вспорхнули,
Две голубки в небе утонули,
Две голубки весь свет облетели,
Две голубки у изголовья Зин сели...

Младшая голубка говорит:

— Сестра, нет на свете девушки прекрасней Зин, нет на свете красавицы прекрасней Зин. Только Мам, сын Аль-паши, достоин Зин. Как нам соединить их?

Старшая голубка говорит:

— Сестра, достанем шкурку голубиную.

Две голубки в небо улетели,
Две голубки ворковали-пели,
Шкурку голубиную достали.
К изголовию девицы клали...

Много чудесного на свете! Что мы знаем о тех голубках? Голубки одели Зин в ту шкурку, Зин голубкой стала, и они полетели.

Три голубки по небу летали.
Три голубки пели-ворковали,
Три голубки весь свет облетели,
Три голубки к изголовью Мама сели.

Голубки сняли с Зин шкурку голубиную, положили Зин на кровать к Маму и улетели. Ночью Зин нечаянно толкнула ногой Мама. Мам проснулся, проснулась Зин. Зин говорит Маму:

— Ты, такой сякой, о скольких головах, что пришел и упал на мое ложе? Ты знаешь куда ты лег? Ты на постель Зин лег. Я — Зин, дочь мир-Севдина, племянница Каратадждина, сестра Арфина, невестка Чекина; я Зин, владетельница Зеленого Замка, дочь владыки Джезире Бота.

Зин ведь думала, что она на своей постели спит! Мам говорит ей:

— Что ты говоришь, такая сякая, о скольких ты головах, что пришла и упала на мое ложе? Ты знаешь куда ты легла? Ты на постель Мама легла. Я — Мам, сын Альпаши, владыки страны Мухурземин.

Мам ведь не знал, что Зин голубки к нему на постель положили. Мам, бедняга, спал и не видел их.

Поспорили Мам и Зин. Он говорит — моя постель, она говорит — моя постель. Вот Зин и говорит Маму:

— Хорошо; если ты говоришь, что это твоя постель, скажи, с какой стороны очаг лежит? Когда я лежу в своей постели, очаг лежит с левой стороны.

Мам говорит:

— Хорошо; когда я лежу в своей постели, очаг лежит с правой стороны.

Посмотрели — очаг с правой стороны, — постель-то была Мама!

Мам выиграл заклад. Зин бедняжка заклад проиграла. Зин бедняжка не знала, что голубки одели ее в шкурку

голубиную, принесли в Мухурземин и положили на постель к Маму.

Упали они друг другу в объятья и провели так ночь до утра. На утро Зин дала Маму свой перстень. „Этот перстень будет залогом нашей ночи", — сказала Зин Маму. Мам взял перстень, и оба заснули.

Голубки под утро прилетели, одели Зин в голубиную шкурку, полетели в Джезире Бота, положили Зин на ее ложе и улетели.

Утром Мам проснулся, грустный. Что с ним было ночью — не помнит. Грустный стал Мам, скучный стал Мам. Пришло время Маму итти на диван к Аль-паше. Не идет Мам на диван к Аль-паше. Аль-паша посылает за Мамом слугу. Слуга пришел, зовет Мама на диван к Аль-паше. Видит — Мам сидит грустный, Мам сидит скучный. Говорит Мам слуге: „Слушаюсь, сейчас приду на диван". Начал Мам собираться на диван к Аль-паше. Взял кувшин, взял таз — руки вымыть. Посмотрел на руки, а на пальце перстень. Вспомнил Мам Зин, вспомнил ее слова, и пошел на диван к Аль-паше.

Пришел Мам на диван. Сидят везири, сидят векили, сидят люди дивана. Аль-паша посередине на подушках сидит. Кофе пьет, кальян курит, кейфует. Мам не сел на свое место; а сидел Мам всегда возле Аль-паши — кофе ему наливал, приготовлял кальян. Мам сел в углу и смотрел на свой перстень.

Аль-паша говорит Маму:

— Мам, почему ты сел в углу, что ты грустишь, что ты скучаешь? Или ты влюбился в кого-нибудь!

Мам говорит:

— Я люблю Зин, дочь мир-Севдина, племянницу Каратаджджина, сестру Арфина, невестку Чекина. Я люблю Зин, владетельницу Зеленого Замка, дочь владыки Джезире Бота.

Аль-паша говорит:

— Где Джезире Бота? (Мы ведь землю Мухурземин не знаем, они откуда Джезире Бота могут знать?). Мам говорит:

— Я не знаю, где Джезире Бота. Я люблю Зин, дочь Мир-Севдина, владыки Джезире Бота. Я пойду в Джезире Бота. Вот перстень, который она дала мне сегодня ночью.

Аль-паша собрал ученых, мудрецов, дервишей, мулл, везирей, векилей, всех мужей собрал. Авось кто-нибудь знает Джезире Бота.

Они говорят:

— Нет такой страны — Джезире Бота. Никто не знает Джезире Бота. Мам сумасшедший! Где Джезире Бота?

Мам говорит:

— Вы Джезире Бота не знаете, я Джезире Бота не знаю, но вот перстень, его дала мне этой ночью Зин, дочь Мир-Севдина, владыки Джезире Бота. Я пойду в Джезире Бота, я не сумасшедший.

Весь диван говорит:

— Мы Джезире Бота не знаем; где Джезире Бота? Нет такой страны. Мам сумасшедший.

Мам с дивана ушел. Пошел в турецкий сад (такой большой сад у Аль-паши был, соловьи в нем пели, цветы цвели, ручейки журчали, хороший сад был). Мам пошел в турецкий сад и загрустил.

Аль-паша говорит:

„Пошлите к нему в сад дочерей везиря и векиля, пусть они его развлекут".

Дочь везиря и дочь векиля пошли в турецкий сад.

Увидел Мам дочь везиря и дочь векиля и говорит им: „Дочь везиря, дочь векиля, чего вы от меня хотите? Я грущу по Зин, дочери мир-Севдина, владетеля Джезире Бота. Зачем вы мне? Вы мне не нужны. Я дал слово, и я сдержу его. Этот перстень — залог моего ночного слова".

Дочь везиря и дочь векиля ушли. Мам остался один

Мам встал, пошел, пришел в город Мухурземин. Пошел на базар, отправился в лавку оружейника.

— Мир над тобой, оружейник! Скуй мне меч, скуй мне хороший меч. Сколько надо денег — возьми, сколько надо золота — возьми, сколько надо драгоценных камней — возьми.

Оружейник ответил:

— Хорошо. Через три дня я скую для тебя меч.

Мам пошел к кузнецу.

— Мир над тобою кузнец! Изготовь мне конскую сбрую. Сколько надо денег — возьми, сколько надо золота — возьми, сколько надо драгоценных камней — возьми. Кузнец ответил:

— Хорошо, через три дня я изготовлю тебе конскую сбрую.

Мам отправился искать коня. Пошел в поле, пошел в степь, пошел в горы. Много коней видел Мам, много хороших коней видел Мам, но не нашел себе Мам коня. Наконец, встречает Мам кобылу.

— Мир над тобой кобыла! — говорит Мам, — достань мне коня.

Кобыла ответила:

— Хорошо, я достану тебе коня. Иди в такие-то горы, иди в такое-то ущелье, там пасется табун арабских коней. Это мои сыновья, выбирай себе любого.

Мам пошел в такие-то горы, в такое-то ущелье. Видит — пасется табун лошадей. Лошади все арабские, лошади туркменские, лошади карабахские.

Смотрит Мам — сбоку, около ручья пасется жеребенок. Подошел Мам к жеребенку и говорит: „Вот мой конь". Взял Мам жеребенка и пошел в город, пришел в город и поставил жеребенка в конюшню. Говорит Мам конюху: „Мир над тобой, конюх, ухаживай за этим жеребенком,

это мой конь". Два дня прошло как Мам ушел от Аль-паши. Мам вернулся домой, лег на постель и заснул.

Аль-паша следил за Мамом. Аль-паша боялся, что Мам уедет в Джезире Бота. Оружейник пришел к Аль-паше, говорит: „Мам меч заказал". Кузнец пришел к Аль-паше, говорит: „Мам конскую сбрую заказал". Конюх пришел к Аль-паше, говорит: „Мам коня достал".

Аль-паша встал, пошел и заковал коня в цепи.

Утром Мам встал, пошел к оружейнику, взял меч, пошел к кузнецу, взял конскую сбрую, пошел в конюшню, видит — конь в цепи закован.

Конь говорит Маму: „Не бойся Мам; если ты хочешь достичь Зин, я тебя доставлю в Джезире Бота. Я разобью цепи. Седлай меня"!

Мам оседлал коня, вывел из конюшни, опоясал меч, сел на коня и взглянул на перстень.

Аль-паша и весь диван на Мама смотрели. Аль-паша и весь диван думали — как Мам поедет, если конь в цепи закован?

Мам на коня сел и сказал коню: „Конь, если ты мой конь, доставь меня в Джезире Бота. Я еду на свиданье с Зин, дочерью Мир-Севдина, владетеля Джезире Бота".

Конь захрапел, заржал, головой махнул, ногами лягнул — цепи с коня упали. Конь прыгнул, и Мам в три прыжка скрылся из глаз.

Аль-паша и весь диван страшно удивились. Оставим их и вернемся к Маму.

Едет Мам день, едет другой, едет третий. Заехал Мам в места незнакомые, заехал в земли чужие. Едет Мам полем. Видит — пашет пахарь. Мам подъехал к пахарю.

— Мир над тобою, пахарь, — говорит Мам, — как эта земля зовется, кто этой страной владеет, как зовут владетеля ее?

Пахарь говорит:

— Мир над тобой, всадник, разве ты не знаешь этой страны? Это Джезире Бота, владеет ею мир-Севдин, а у него дочь Зин.

Мам воскликнул:

— Будь счастлив, о пахарь, радостную весть ты мне сообщил. Я достигну Зин, я сдержу свое слово!

Мам попрощался с пахарем и поехал в Джезире Бота.

Оставим Мама и отправимся в Джезире Бота.

В Джезире Бота две Зин были. Одна — дочь мир-Севдина, другая — сестра Бакр-Авана колдунья и волшебница. Посмотрела она в книги, разными способами погадала и узнала, что Мам едет в Джезире Бота.

Она встала, закрыла лицо и пошла к колодцу, что на краю города.

Мам подъехал к колодцу напоить коня. Зин дала воды коню и говорит:

— Мир над тобою, Мам, сын Аль-паши, владыка ночного уговора.

Мам подумал, что это настоящая Зин вышла к колодцу и ответил:

— Мир над тобой, Зин, я выполнил наш уговор.

Мам слезает с коня и просит Зин открыть свое лицо. Зин-колдунья обрадовалась и открыла свое лицо. Посмотрел Мам на нее и ужаснулся. Вот, — говорит, — зачем я перенес столько страданий, зачем я из своей страны так далеко ездил, чтобы этакое чудище увидать! Зин, сестра Бакр-Авана, была некрасива: черная, длинноносая.

Мам говорит:

— Зин похожа на черную арабку. Таких уродов и у отца моего было много!

А Зин снова говорит:

— Мир над тобой, Мам, владыка ночного уговора!

Конь Мама понял обман. Конь Мама постиг хитрость Зин, сестры Бакр-Авана, и сказал конь Маму:

— Мам, это не настоящая Зин. Это Зин — сестра Бакр-Авана; она колдунья, она волшебница, в книги свои посмотрела, разными способами погадала и волшебством узнала твою тайну. Поедем в город.

Мам узнал тут о хитрости Зин, сестры Бакр-Авана, постиг обман ее, повернул коня и отъехал от колодца.

Зин, сестра Бакр-Авана, осталась одна у колодца. Мам беды избежал и поехал в город.

Въехал Мам в город, подъехал к реке. У реки сидела с подругами Зин, дочь Мир-Севдина.

Мам увидал Зин-красавицу, Мам узнал Зин черноокую, сердце у Мама сжалось. Мам горячит коня и одним махом перескакивает на другой берег реки. Конь Мама останавливается около Зин.

Мам нагнулся и поцеловал Зин. Зин приняла поцелуй Мама, сняла свой золотой амулет (стоимость амулета — подати со всего Египта за семь лет) и вручила амулет Маму.

Мам взял амулет из рук Зин, надел на грудь, посмотрел на Зин и одним махом перескочил на своем коне обратно через реку.

Подруги Зин в восхищении стояли и наблюдали свидание Мама с Зин и воскликнули: „Браво, Мам, браво, сын Аль-паши".

Оставим Зин с подругами, посмотрим, что делает Мам.

Мам поехал по городу, подъехал к дому Каратадждина. Каратадждин был дядей Зин, полководцем мир-Севдина. Мам слез с коня, взял коня под узцы, вошел в дом. Сетийя, жена Каратадждина, вышла навстречу Маму, приняла коня, проводила Мама в горницу, посадила на ковер, на подушки. Мам стал гостем Каратадждина.

Мам разлегся на подушках и стал отдыхать. Мам ведь три дня до Джезире Бота ехал, с коня не слезал.

Сетийя поставила коня Мама в конюшню, насыпала сена, ячменя, вышла на двор и кликнула Каратадждина: „Иди сюда, к нам приехал дорогой гость".

Каратадждин вошел в горницу, поздоровался с Мамом, сел рядом, и они начали разговаривать. Говорят до обеда, говорят до ужина, говорят до полуночи, говорят до утра. Сетийя вошла в горницу и говорит Каратадждину:

— Каратадждин, дай накормить гостя, вы разговариваете уже второй день, гость с дороги не ел и не отдохнул.

Каратадждин отвечает:

— Ах, а я думал мы только часок поболтали, разговор такой интересный был!

Сетийя принесла поднос с закусками в горницу, поставила перед Мамом. Стали есть.

Оставим их и посмотрим, что делает мир-Севдин.

Мир-Севдин утром пришел на диван. Смотрит — Каратадждина нет. Послал он слугу за Каратадждином.

Слуга мира (эмира) пошел к Каратадждину, вошел в дом и говорит Сетийя:

— Мать моя, где Каратадждин? Его мир зовет на диван.

Сетийя отвечает слуге:

— Сынок, скажи миру, что у Каратадждина гость. Не может Каратадждин притти на диван. Как гостя оставить?

Слуга вернулся к миру и доложил ответ Сетийя миру. Мир-Севдин услышал ответ и говорит слуге:

— Поди скажи, пускай с гостем придет.

Слуга отправился к Каратадждину, вошел в дом и говорит Сетийя:

— Мать моя, мир-Севдин говорит: „Пускай Каратадждин с гостем придет".

Сетийя говорит слуге:

— Сынок, скажи миру: гость наш — дорогой гость, если миру надо — пускай сам придет. Каратадждин не может притти.

Слуга вернулся к миру и доложил ответ Сетийя миру.

Мир рассердился и закричал:

— Эй, слуги, подайте мне острый кинжал, я разрежу тело Каратадждина на мелкие куски!

Каратадждин услышал крик мира, дом Каратадждина был рядом с домом мира, встал и пошел к миру.

— Мир мой, — говорит Каратадждин, — я пришел. Зачем ты меня звал?

Мир-Севдин говорит:

— Почему ты не приходишь ко мне на диван? Вот уже второй день я тебя не вижу.

Каратадждин ответил:

— Мир мой, ко мне приехал гость, не хорошо хозяину уходить из дома, когда в доме гость.

Мир-Севдин говорит:

— Приходи ко мне с гостем.

Каратадждин ответил:

— Мир мой, гость мой — дорогой гость. Прикажи от моего дома до твоего разостлать ковры и паласы, пусть на пути сидят зурначи и барабанщики, тогда я отпущу своего гостя в твой дом. Такая встреча будет достойна гостя.

Мир сказал:

— Хорошо, я велю разостлать ковры и паласы от твоего дома до моего дома, я посажу на пути зурначей и барабанщиков, я устрою твоему гостю такую встречу; но, если он окажется недостойным этой встречи, я отрублю голову тебе и твоему гостю.

Каратадждин ответил:

— Я согласен. Ты отрубишь голову и мне и моему гостю, если он окажется недостойным этой встречи. Пусть твой трон будет этому свидетелем.

Мир сказал:

— Хорошо, пусть мой трон будет этому свидетелем!

Разостлали ковры и паласы от дома Каратадждина до дома мир-Севдина, зурначей и барабанщиков поставили по пути, и Каратадждин с Мамом отправились к миру.

Мир со своими слугами стоял у порога дворца, увидел Каратадждина с Мамом и сердитым голосом закричал:

— Каратадждин, я голову и тебе и твоему гостю отрублю!

Каратадждин ответил:

— Мир мой, я согласен, но трон твой должен быть свидетелем. Войди во дворец, сядь на трон.

Весь диван согласился: „Каратадждин правильно говорит".

Мир-Севдин вошел во дворец, сел на трон, заговорил с Мамом. Час разговаривает, другой разговаривает, третий разговаривает.

Картаджин подошел к трону и сказал:

— Мир мой, надо гостя покормить. Гость скажет: „Что у них за обычай, три часа говорят, ни кусочка поесть не дают". Мир говорит:

— Ах, Каратадждин, я думал мы только минутку поговорили. Гость твой хороший гость, он достоин моей встречи.

Каратаджин ответил:

— Мир мой, трон твой свидетель нашего уговора.

Мир сказал:

— Каратаджин, ты выиграл залог!

Каратаджин ответил:

— Мир мой, я играл головой гостя.

Мам остался во дворце мир-Севдина и стал любимым гостем мир-Севдина. Мам каждый день сидел на диване мира.

Однажды Мам встретил Зин. Зин сказала ему:

— Завтра мой отец скажет тебе: „Я хочу сделать подарок своему любимому гостю. Выбирай что хочешь; хочешь — коня арабского, хочешь — меч египетский, хочешь — палицу гуранскую, хочешь — щит иранский. Что хочешь выбирай!“ Ты не бери ничего, а попроси войлочную абу (накидку).

Утром мир-Севдин послал за Мамом. Мам пришел на диван мира, сел на свое место. Кофе попили, кальян покурали, покейфовали. Мир говорит Маму:

— Я хочу сделать тебе подарок, выбирай, что хочешь; хочешь — коня арабского, хочешь — меч египетский, хочешь — палицу гуранскую, хочешь — щит иранский.

Мам ответил:

— Мир мой, коня арабского мне не надо, меча египетского мне не надо, палицы гуранской мне не надо, щита иранского мне не надо. Подари мне войлочную абу.

— Как знаешь, — сказал мир.

Принесли войлочную абу, дали Маму. Случилось, что Мам опять встретил Зин. Зин сказала ему: „Завтра отец мой поедет на охоту. Он позовет и тебя. Ты притворись больным. Когда все уедут, мы пойдем в турецкий сад“.

У мир-Севдина тоже был турецкий сад. У каждого мира турецкий сад бывает.

Утром мир послал сказать Маму:

— Я еду сегодня на охоту, собирайся!

— Извини меня, мир мой, — ответил Мам, — я нездоров.

Все уехали. Мам остался. Мам с Зин пошли в турецкий сад.

Бакр-Аван, брат Зин-волшебницы, понял намерение Мама. Во время охоты Бакр-Аван подходит к миру и говорит:

— Мир мой, пусть нас не будет и имени нашего пусть не будет!

Мир-Севдин говорит:

— Ты что говоришь, это что за речи?

Бакр-Аван ответил:

— Мир мой, Мам тебя обманул, он пошел с Зин в турецкий сад. Имя твое пропало, имя наше тоже пропало. Кто знает, кто такой Мам? Где такая земля Мухурземин? Ты не знаешь, мы тоже не знаем. Может быть Мам сын телячьего пастуха, сын пастуха ягнячьего? Мы что знаем?

Мир-Севдин рассердился и закричал:

— Эй, слуги, подайте мне острый кинжал, я хочу растерзать Мама, я разрежу его тело на мелкие куски!

Все поехали обратно. Когда стали подъезжать к турецкому саду, Мам заметил охотников и спрятал Зин под войлочную абу. Сам сел, будто больной.

Мир подъехал. Смотрит — Мам один в турецком саду сидит больной, завернувшись в абу.

Бакр-Аван, — закричал мир — ты меня обманул!

Бакр-Аван смотрит: Зин нет, Мам сидит один, завернувшись в абу.

Каратадждин смотрит: Мам сидит, в абу завернулся, а из-под абы видны косы Зин. Зин, бедняжка, маленькая была, ее под абой не видно, косы же у Зин были длинные, из-под абы по земле стелются.

Каратадждин сразу догадался, послал своего слугу: „Парень, беги, подожги мой дом".

Слуга проворно побежал, поджег дом Каратадждина, все бросились на пожар.

Мам остался один, Зин вышла из-под абы, побежала домой. С этих пор Мам каждый вечер с Зин проводил. Бакр-Аван видит — ничего сделать не может, сестра его Зин видит — ничего сделать не может. Мир-Севдин не верит Бакр-Авану, верит Каратадждину. Зин, сестра Бакр-Авана, была колдуньей, волшебницей. Она в книги по-

смотрела, разными способами погадала и послала на мир-Севдина неприятельское войско.

Подходят вражеские войска к Джезире Бота, обходят вокруг крепости.

Войска вражеские идут с мечами и щитами, с копьями и кинжалами, с пушками и ружьями и говорят: „Война — наша война!"

Мир-Севдин собирает своих слуг и дружинников, отряды всадников, свои храбрые войска. Воины мир-Севдина приходят с мечами и щитами, с копьями и кинжалами, с пушками и ружьями, приходят на службу к своему миру.

Каратадждин, полководец мир-Севдина, стоял во главе всех его войск.

Каратадждин собирается в поход. Седлает своего арабского коня, берет свой меч и щит, копье и кинжал, ружье и патроны.

Снарядился Каратадждин, приготовился к походу и отправился на диван мира.

Каратадждин пришел на диван мира, вежливо приветствовал его и заключил с миром новое условие: „Мир мой, — говорит Каратадждин, — я готов к службе мира, я пойду во главе твоих войск, я разобью этих неверных, я рассею их полки, я накормлю собак и ворон их мясом. Война — моя война! Но пока я буду сражаться, ты должен дать мне слово не трогать Мама. Мам мой гость, я за его голову отвечаю". — Хорошо, — говорит мир-Севдин — я даю тебе слово не трогать Мама, пока ты не вернешься".

Каратадждин попрощался с миром и пошел на войну. Мам остался в Джезире-Бота.

Каждый день по утрам Мам сидит на диване мир-Севдина, каждый вечер Мам проводит в турецком саду вместе с Зин.

Однажды Бакр-Аван приходит к миру и говорит:

— Мир мой, пусть нас не будет и имени нашего пусть не будет!

Мир-Севдин говорит:

— Ты что говоришь, это что за речи?

Бакр-Аван отвечает миру:

— Мир мой, Мам каждый вечер проводит с Зин в турецком саду, имя твое пропало, имя наше тоже пропало. Кто знает, кто такой Мам? Где такая земля Мухурземин? Никто такой страны не знает. Мам говорит, что он сын Аль-Паши, но кто знает его отца и мать? Быть может он сын пастуха телячьего, сын пастуха ягнячьего, мы что знаем?

Мир-Севдин говорит Бакр-Авану:

— Я дал слово Каратадждину не трогать Мама пока он не вернется.

Бакр-Аван отвечает миру:

— Мир мой, я знаю как сделать. Позови завтра Мама на диван и скажи: „Давай состязаться в стрельбе. Твоя стрела дальше пролетит, — ты проси у меня что хочешь, моя стрела дальше упадет, — я сделаю с тобой что хочу". Если твоя стрела упадет дальше, ты скажешь: „Мам, хочу бросить тебя в каменную темницу". Если стрела Мама упадет дальше, он попросит Зин, и мы заключим его в каменную темницу. Ты не нарушишь слова Каратадждину.

Мир ответил:

— Хорошо, я завтра так и сделаю.

Вечером Мам пошел с Зин в турецкий сад. Зин говорит Маму: „Завтра мой отец предложит тебе состязаться в стрельбе. Скажет: «если твоя стрела дальше упадет, — проси что хочешь». Если ты выиграешь состязание — проси меня."

Утром Мам пришел на диван мира. Мир-Севдин говорит ему: Мам, давай состязаться в стрельбе. Если твоя

стрела дальше упадет, — проси у меня, что хочешь, если моя стрела дальше упадет, — я сделаю с тобой, что хочу".

Мам сказал: „Хорошо".

Мир выстрелил — стрела упала близко. Мам выстрелил — стрела далеко в поле полетела, упала у самой реки. Мир другой раз выстрелил — стрела чуть дальше упала; Мам другой раз выстрелил — стрела из глаз скрылась, упала на том берегу реки.

Бакр-Аван видит — Мам выигрывает. Бакр-Аван поспешил к Зин и говорит ей: „Зин, выйди из горницы, посмотри на Мама. Мам стреляет и проигрывает. Стрелы мира дальше лежат. Сейчас третий раз стрелять будут".

Зин-бедняжка намерений Бакр-Авана не знала, вышла из горницы, встала напротив Мама. Зин перед глазами Мама как солнце встала, ослепила Зин глаза Маму, Мам ничего не видит. Мир выстрелил — стрела далеко упала, около первой стрелы Мама. Мам не на стрелу смотрел, а на Зин. Мам выстрелил — стрела упала у его ног. Мир-Севдин закричал: „Мам, ты проиграл! Я сделаю с тобой, что захочу. Я хочу бросить тебя в каменную темницу!" — Мама бросили в темницу. Посмотрим, что делает Каратаджин.

Каратаджин с войсками мира пошел на войну, победил войска врагов, рассеял полки неверных, накормил трупами врагов собак и ворон. Каратаджин захватил три вражеских вилайета, собрал несметные подати и дани. Золото и драгоценные камни навьючил на черногрудых верблюдов, идет с войсками обратно в Джезире Бота.

Мир-Севдин услыхал, что Каратаджин врагов разбил и приближается с войсками к Джезире Бота, испугался и зовет Бакр-Авана.

Бакр-Аван пришел на диван, встал перед миром, как подобает.

— Бакр-Аван, — говорит мир, — Каратадждин с войсками идет. Что будем делать? Я дал Каратадждину слово не трогать Мама, а мы бросили Мама в каменную темницу.

Бакр-Аван отвечает миру:

— Мир мой, Каратадждин только через три дня придет. Скажи Зин, чтобы она освободила Мама из темницы.

Мир согласился. Позвали Зин и приказали ей освободить Мама из каменной темницы.

Сердце у бедняжки Зин затрепетало. Зин тотчас же побежала к темнице. Приходит к каменной темнице, говорит Маму:

— Мам, любимый Мам, солнце очей моих, Мам, отец мой приказал освободить тебя из темницы.

Мам отвечает из темницы:

О Зин, о моя черноокая Зин,
О Зин, о моя златокудрая Зин.
Оставьте Мама в темнице, бросьте,
В темнице у Мама истлели кости.

Я не могу выйти из темницы, — говорит Мам.

Зин догадалась, как спасти Мама, Зин для своего возлюбленного старалась. Она опустила в темницу свои косы. Мам ухватился за косы Зин, и она стала тащить его наружу.

Мам, бедняга, совсем истомился и лишился сил в темнице. Руки и ноги у Мама ослабели, кости у Мама истлели. Когда Зин подняла его до середины, сил у Мама не хватило, он выпустил из рук косы Зин, упал на дно и разбился.

Увидев кончину Мама, громко зарыдала бедняжка Зин.

О Мам, о мой любимый Мам,
О Мам, о мой красавец Мам,

О Мам, свет очей моих, Мам,
О Мам, радость сердца, Мам,
Нас с тобой разлучили, о Мам,
Тебя в темницу опустили, о Мам,
Ты сегодня по-утру скончался.

В тот же день Мама похоронили. Мир-Севдин говорит, утешая Зин:

Не плачь Зин, не плачь черноокая Зин,
Не плачь Зин, не плачь златокудрая Зин.

— Что мы знаем о Маме? Откуда приехал Мам, кто его отец, кто его мать? Где такая страна Мухурземин — мы ничего не знаем. Может он был сыном пастуха телячьего, сыном пастуха ягнячьего. Мы что знаем? Не плачь Зин, не рыдай Зин. Я найду тебе другого мужа, я выдам тебя замуж за падишаха румийского, за шаха иранского, я найду тебе хорошего мужа.

Зин отвечала мир-Севдину:

— Я не пойду замуж за падишаха румийского, я не пойду замуж за шаха иранского, не надо мне другого мужа.

Мам сегодня по-утру скончался,
Для Зин жизни день один остался.

Вечером Зин умерла. Ее похоронили рядом с Мамом. На другой день приехал Каратадждин. Каратадждин пришел с войсками, привез много золота и драгоценных камней. Каратадждин освободил Джезире Бота от врагов, трупами неверных собак и ворон накормил, завоевал три вражеских вилайета.

Каратадждин пришел в свой дом. Сетийя встретила Каратадждина и говорит ему:

— Каратадждин, Мам умер, Зин умерла, их вчера похоронили. Бакр-Аван убил Мам и Зин.

Каратадждин ответил Сетийя:

— Умерла, так умерла, что я могу сделать?

Утром Каратадждин встал и пошел на диван к миру. Мир-Севдин сидит, кофе пьет, кальян курит, кейфует. Везири и векили сидят по сторонам. Бакр-Аван с ними сидит. Каратадждин на диван вошел, как подобает поклонился миру. Золото и драгоценные камни положил перед миром, дани-подати трех вражеских вилайетов положил перед миром, положил головы врагов перед миром и говорит:

— Мир мой, я свое дело сделал, я освободил Джезире Бота от врагов.

Мир-Севдин говорит:

— Браво, Каратадждин, проси у меня что ты хочешь, ты достоин моей награды.

Каратадждин ответил миру:

— Мир мой, пойдем прогуляться. Мир согласился. Встали, пошли. Бакр-Аван хотел незаметно уйти домой. Каратадждин говорит Бакр-Авану:

— Бакр-Аван, пойдем прогуляться.

Бакр-Аван что мог сделать? Бакр-Аван говорит:

— Хорошо.

Пошли они и пришли на могилу Мам и Зин.

Каратадждин подошел к могиле и говорит:

— Мир мой, кто их убил? Кто Мама убил? Ты мне дал слово не трогать Мама?

Мир-Севдин говорит:

— Мне Бакр-Аван посоветовал, Мам сам проиграл, я Мама не трогал.

Каратадждин ничего не ответил миру, извлек свой меч, взмахнул мечом и отрубил голову Бакр-Авану. Кровь Бакр-Авана оросила могилу Мам и Зин. Капли крови Бакр-Авана упали на куст, который вырос над могилой. Капли крови Бакр-Авана зацвели алыми цветами.

Две голубки по небу летали,
Две голубки пели-ворковали,
Две голубки на куст алых цветов сели,
Две голубки повесть о Мам и Зин запели:
„Где Мам наш, сын Аль-паши,
Где Зин, наша красавица?...“

Вы еще живете, а они под землей стали прахом.

Окончился рассказ о Маме и Зин. Милость да будет над родителями присутствовавших и прослушавших.

Запись и перевод О. Вильчевского

ПЕРИ ДИЛЬРЮКЮШ

(Турецкая сказка [1])

Было ли, не было ли, в прежние стародавние времена, в соломенном решете, отец мой был моим отцом, а я дочерью отца, отец стал моим сыном, а я матерью отца. Только мудрый разгадает это.

Давным-давно на краю света, в стране близ тех мест, где обитали дивы, жили-были три сестры. Каждую ночь до утра сестры вышивали, шили и пряли, а утром одна из них несла работу на базар и на вырученные деньги покупала на день еду, питье и топливо.

Однажды властелин этой страны рассердился за что-то на свой народ и приказал три ночи не зажигать в домах огней, а кто зажжет, тому грозило наказание. Что делать бедным сестрам? В темноте работать нельзя, а не работай они — останутся голодными. Занавесили они окна плотными занавесками и стали зажигать маленький светильник да работать, сколько глаза видели.

На третью ночь падишах решил проверить, выполняют ли его приказ. Взял он с собой несколько человек и отправился. Путем-дорогою подошел он к дому трех сестер, а у них в эту ночь край одного из окон оказался незакрытым. Увидел падишах свет в окне и рассердился, но люди, которые были с ним, стали успокаивать его:

[1] По тексту сб. А. Бахтавера „Тюрк масаллары". Изд. „Канаат Кутуб-ханеси". 1937.

— Государь наш, подождем немного и узнаем чей это дом, может быть, у живущих в этом доме дело какое-нибудь. Если не так, какое бы наказание вы ни решили, выполнить его будет просто.

Тут решили они подслушать под окном и узнать, что в доме делается. А девушки не знали и не подозревали ничего. Сидели они втроем, работали свою работу и разговаривали. Старшая сказала:

— Ах, если бы падишах выдал меня замуж за своего эконома, я могла бы кушать вдоволь всяких кушаний.

— Ах, если бы он выдал меня за своего портного, — сказала средняя, — я бы каждый день наряжалась в новые платья.

— Если бы сам падишах взял меня в жены, молвила младшая, я родила бы ему таких детей, что как они засмеются — распустятся розы, как заплачут — из глаз посыплются жемчужины.

Таково-то оно, младшие всегда такими бывают.

Падишах слышал все это и приказал взять на другой день трех сестер во дворец. Старшую он выдал замуж за эконома, среднюю за портного и отвел им помещение в своем дворце, а на младшей женился сам. Предоставим трех сестер самим себе, наряжаться, кушать прекрасные яства и развлекаться. Скажем только, что младшая сестра через девять месяцев и десять дней почувствовала приближение родов. Сестры ее забеспокоились, а что если и впрямь младшая сестра родит ребенка как обещала, тогда им покоя не будет. Пригласили они дворовую повивальную бабку и говорят ей:

— О, эбе ханум! Нельзя ли тут что-нибудь предпринять!

А бабка эта была, оказывается, бывалой ведьмой. Она и говорит:

— Не беспокойтесь, дочери мои; сделаю лучше, чем вы желаете!

Достала она двух щенков, уложила их в маленький ящичек и спрятала в свое кресло. Когда бедная девушка родила мальчика и девочку, прекрасных, как лучи света, бабка припрятала их в ящичек, а щенков подложила вместо детей. Падишаху доложили, что девушка родила двух щенков; кровь бросилась ему в лицо, он страшно разгневался и приказал закопать ее в землю на самом бойком месте в городе, чтобы каждый прохожий плевал бы на нее и бросал бы в нее камни.

Бабка как спрятала детей в ящик, так и понесла их за город и бросила на берегу реки, меж деревьев сада, а сама вернулась во дворец.

На берег реки пришел садовник, глядь — там два новорожденных ребенка, прекрасных, как лучи света. Детей у садовника не было; бедняга несказанно обрадовался и принес их в свою землянку и наказал жене смотреть за ними. Жена садовника дала детям груди и — о чудо! — у нее в грудях появилось молоко. Она была поражена и удивлена, когда увидела, что как только девочка заплачет, из глаз ее сыплются жемчужины, как засмеется, появляются и расцветают розы. Садовник и его жена радостные бросились собирать жемчужины и цветы. Садовник снес во дворец падишаха корзину необычайных в это время распустившихся роз. Падишах был очень доволен розами и дал садовнику много денег. На другой день садовник снова принес корзину роз, падишах удивился этим приношениям, роздал цветы окружающим и спросил у садовника, как тот выращивает розы в необычное время, но садовник умолчал о детях.

Старшие сестры догадались тут, что дети остались в живых, испугались и позвали бабку.

— О, эбе ханум! спаси нас; дети-то остались живы, сделай, что можешь!

— Что вы, я их бросила далеко за городом на берегу реки, они уже давно умерли!

Но бабка не могла убедить сестер; они просили разыскать детей где бы ни было и убить их. Бабка отправилась в сад, в тот самый, где она бросила детей. Жена садовника кормила их тут. Бабка поклонилась ей и завела разговор:

— Дочь моя, твои ли это дети? Какие прелестные, прелестные сорок один раз, как бы не сглазить, прекрасные дети!

— Ханум, уж сколько лет я замужем, а детей у меня не было, мы с мужем тосковали о детях, и аллах послал этих детей.

— Как это случилось, дочь моя?

— Однажды муж мой проходил по берегу реки и нашел этих детей в ящичке; он принес их в нашу землянку. Я сразу полюбила их, запеленала, и когда дала им груди, у меня вдруг появилось молоко. Аллах дал им жизнь и поддерживает в них эту жизнь.

— Дочь моя, говорят, будто, как девочка эта засмеется,—распускаются розы, а когда плачет,—сыплется жемчуг. Муж твой будто бы два дня носил розы во дворец; правда ли это?

— Да, мать моя, ханум, это верно.

— Дочь моя, пожалуйста не выдай меня, говорю только потому, что полюбила тебя как свою душу; как хотите, но избавьтесь от этих детей, иначе вам будет худо.

— О, пощади, мать моя, что за причина, отчего нам будет худо?

— О, дочь моя, разве ты не слышала, что это дети младшей из трех сестер, которых падишах взял к себе во дворец? Он разгневался на их мать и приказал закопать ее в землю, а детей выбросить за город. Да хранит тебя аллах, — прибавила тут бабка и ушла.

Жена садовника растерялась и не знала, что ей делать. Тут пришел ее муж, и она рассказала ему все. Садовник, опасаясь за свою голову, решил отнести детей в лес

и бросить в пещеру. С плачем муж и жена отнесли детей в пещеру, положили на старый мешок и оставили их там. А в лесу у самки оленя родились, оказывается, дети и стала она по утрам и вечерам приходить к детям и кормить их своим молоком. Дети росли изо дня в день, в сказках время быстро проходит, и достигли восьми- или десятилетнего возраста. От смеха и плача девочки пещера наполнилась розами и жемчугами.

Малютки, брат и сестра, выросли в пещере, питаясь молоком оленя, и так как не видели людей и не научились языку, то объяснялись друг с другом знаками. Однажды мальчик, заметив дорогу, по которой уходил от них олень, взял с собой немного жемчуга и вышел из пещеры. Попал он на дорогу, ведущую прямо в город. Пришел он в город и видит торговые ряды открыты, базары переполнены товарами, все заняты, продают и покупают. Мальчик не знал языка и ничего не мог понять, но все же приблизился к людям. Когда он протянул одну жемчужину, весь базар собрался вокруг него. Знаками стали спрашивать его о цене жемчуга; дали ему с избытком нужное на еду, питье и одежду. Мальчик принес все это в пещеру и показал сестре. Они обрадовались и вместе ели и пили. Брат учился говорить и учил сестру. На другой день мальчик снова взял с собой немного жемчуга и пошел на базар. И на этот раз он купил платье, оружие, коня и много других вещей и вернулся к себе.

Мальчик привык ходить по городу, на рынках и базарах, научился владеть оружием и начал ходить на охоту. Однажды на охоте он встретился с падишахом. Мальчик так понравился падишаху, что он готов был положить его в свое сердце и сказал окружающим: „О, какой прелестный мальчик, я очень полюбил его“.

Падишах вернулся во дворец и заболел от тоски. Две сестры узнали о причине его болезни и поняли, что маль-

чик появился опять на этом свете. Они позвали бабку и, как та ни убеждала их в том, что дети давно умерли, настояли на своем, упросили узнать, что это за мальчик, и принять какие-нибудь меры. Бабка отправилась в лес к пещере. Подошла она к пещере и видит: сидит там девушка, прекрасная как солнце, а вокруг нее розы и жемчуга. Бабка поклонилась ей, а девушка с почетом встретила ее и провела в пещеру.

— Ах, дочь моя, неужто ты одна одинешенька в лесной глуши, в этой пещере?

— Нет, мамаша, у меня есть брат.

— Днем не скучно тебе здесь одной?

— Что поделать, я развлекаюсь тем, что здесь есть.

— Дочь моя, очень любит тебя брат?

— Коль скоро брат, конечно любит.

— В таком случае, дочь моя, я тебе что-то скажу, а ты не выдавай меня. Вечером, когда придет твой брат, ты заплачь и зарыдай. Он станет расспрашивать тебя — отчего ты плачешь, а ты скажи ему, чтобы он во чтобы то ни стало достал тебе куст Дильрюкюш-ханум; нет на свете ничего интереснее.

Настал вечер. Девушка так плакала, что вся пещера наполнилась жемчужинами, а глаза у нее распухли как кулаки. Брат вернулся с охоты и стал расспрашивать сестру о причине слез. После долгих уговоров она сказала ему, чтобы он достал ей куст Дильрюкюш-ханум, а если не достанет, она будет плакать, пока не умрет от плача. Мальчик, услышав слово „Дильрюкюш", задумался.

— Ах, сестра моя, — сказал он, — ты захотела такую вещь, о которой я ничего не знаю. Что это за Дильрюкюш-ханум, как я пойду к ней просить куст, ежели я не знаю ее?

Но сестра продолжала плакать.

На другой день отправился мальчик в город, купил провизии на много-много месяцев, купил прекрасного

коня и оружие. Часть продуктов он оставил в пещере для сестры, попрощался с ней и пустился в путь-дорогу. Ехал он по горам, по долам, пересек ровные степи и приехал в страну царя добрых духов-пери. Там — безбрежные равнины, через которые не могут пройти караваны, высокие горы, через которые не пролететь птице, ущелья, через которые не проползти змее. Мальчик преодолел все препятствия и ехал да ехал, пока не очутился на большой равнине, и не видно на ней ни путей, ни следов. Посередине красовался огромный, чудный дворец. Вокруг дворца, обогнув его своим телом, лежала великанша. Мальчик пришпорил своего коня, подъехал к ней, спрыгнул, припал к ее грудям, пососал молоко и сказал ей: „Будь мне матерью и на этом и на том свете", — а потом поцеловал ей руки.

Слова мальчика очень понравились великанше, и она сказала:

— И ты будь мне сыном и на этом и на том свете. Я убила бы тебя, но твое счастье, что невинная мать твоя лежит закопанная в земле. Ради нее и за то, что ты пососал мои груди, ты будешь невредим. Расскажи теперь, какое у тебя горе и зачем ты приехал в эти края.

Мальчик рассказал ей, что приехал за кустом Дильрюкюш и слезно стал умолять достать ему этот куст. Великанша очень удивилась, услышав его просьбу.

— Сынок мой, я и мои дети охраняем границы страны пери и не знаем, что находится внутри страны. Вечером вернутся мои дети, спросим у них, а если и они не знают, я отправлю тебя к моей средней сестре.

Великанша шлепнула мальчика, превратила в комочек и спрятала в дупло своего зуба. Наступил вечер. Гремя громом, сверкая молниями, пришли дети великанши и закричали:

— Пахнет человеческим мясом!

А мать ответила им на это сердито:

— Вы такие злые, что человек не сможет притти сюда. Кто знает сколько вы пожрали сегодня птиц и других тварей. Поковыряйте-ка в зубах!

Дети великанши поковыряли в зубах; один вытащил голову какого-то животного, другой ногу. Сели они и стали разговаривать с матерью.

— Дети мои, спросила она их, если к нам кто-нибудь приедет и пососет мои груди, кем он вам придется?

— Братом — ответили они.

— Ну тогда вы не причините ему вреда, сказала великанша, вытащила из зуба комочек, шлепнула и комочек превратился в мальчика.

— Добро пожаловать, братец наш, — приветствовали его дети великанши.

Мать рассказала тут, зачем приехал мальчик, но и они не знали, кто такая Дильрюкюш и что за куст у ней, и обещали проводить его к тете. На другой день они взяли мальчика за руки, в один миг прошли длинный путь и привели к своей тете. Но и она не слышала о Дильрюкюш и обещала отправить мальчика со своими детьми к старшей сестре. Дети младшей великанши оставили мальчика у своей тети и вернулись к себе.

Наступил вечер. Пришли дети и этой великанше. Мать рассказала им о мальчике, но и они не слышали о Дильрюкюш. Но, так как мальчик приходился им родственником, они не сделали ему ничего дурного и на другой день принесли его в крепость старшей тети. Старшая великанша пожалела мальчика и участливо сказала ему:

— Сынок мой, кто тебе сказал о Дильрюкюш. Дильрюкюш охраняется сотнями талисманов, где тебе получить от нее куст. Сынок мой, откажись от своей затеи, ты погибнешь на этом пути.

Но мальчик упал к нее ногам и просил помочь ему найти Дильрюкюш. Великанша не устояла перед его мольбами.

— Молись за свою мать, которая лежит в земле; все ради нее, — сказала она, посадила перед собой мальчика и стала учить его:

— Сынок мой, рано утром садись на своего коня и поезжай по этой дороге. Встретится тебе заброшенный колодец и небольшой лес. Поймай в лесу живыми пятьдесят птиц; подойди к колодцу, поклонись, брось птиц в колодец и крикни в колодец — „дайте ключ". Из колодца тебе бросят ключ. Возьми ключ и иди дальше. На пути ты встретишь большую дверь в пещеру. Ключом открой дверь, войди в пещеру, протяни правую руку и бери что попадется в руку. Затем вернись, не оглядываясь назад, и брось ключ обратно в колодец. Если оглянешься, дело твое погибло. Вот и все.

Мальчик так и сделал, как его научили. Взял брошенный из колодца ключ, открыл дверь в пещеру, протянул правую руку, взял что попалось под руку, вернулся и бросил ключ в колодец.

После этого отпустил он поводья коня. Конь помчался и быстро примчал его домой в свою пещеру. Тут посмотрел он на привезенный куст и — о диво! — на каждой ветке сидит по птице, невиданной в мире. Каждая птица пела своим особенным голосом, так музыкально, так мелодично, что ни описать, ни рассказать. Мальчик, как увидел все это, забыл о перенесенных мучениях.

— Молодец, сестра моя, сказал он, эта вещь достойна того, что ты так страстно хотела иметь, — и передал куст сестре.

Пусть девушка пока развлекается со своим кустом, а мы вернемся к ее брату. В один прекрасный день отправился мальчик на охоту. А падишах в этот же день тоже

выехал, оказывается, на охоту. Встретился падишах с мальчиком, долго беседовал с ним, а потом вернулся во дворец и заболел. Когда узнали, что причиной болезни была встреча с мальчиком, сестры так всполошились, будто у них загорелись полы платья. Они тотчас позвали бабку и сообщили ей, что мальчик, племянник их, снова появился. Бабка удивилась, но все же на другой день пошла в лес, в пещеру и увидела, что куст у девушки, и она развлекается им.

Поклонилась бабка, а девушка встретила ее еще с большим почетом и сказала, что брат привез ей этот куст. Тут бабка пустила в ход все свои хитрости, чтобы погубить мальчика.

— Дочь моя, заставь брата принести тебе зеркало Дильрюкюш; ты забудешь про этот куст и в жизни не возьмешь его в руки. Это такое зеркало, что в нем виден весь мир. Что бы ты ни захотела, ты увидишь в этом зеркале. Не говори только, что я научила тебя так.

Девушка опять начала плакать и плакала так, что до прихода брата пещера наполнилась жемчугом. Брат вернулся и увидел, что глаза у ней снова распухли от слез, а лицо пожелтело. Когда он узнал о том, что сестра захотела иметь зеркало Дильрюкюш, он стал рассказывать ей о трудностях и опасностях, которым подвергался, но не мог заставил сестру отказаться от ее желания. Пришлось ему снова итти в путь-дорогу. Скоро он привез куст, скоро привез и зеркало.

Смотрят брат и сестра в зеркало и в самом деле видят в нем весь мир, все что хочется. Девушка забыла про куст и стала забавляться зеркалом, а брат снова стал ходить на охоту.

Однажды он снова встретился на охоте с падишахом. Увидел падишах мальчика и лишился чувств, с большим трудом его привезли во дворец. Тут узнали, что причиной

всему опять тот же мальчик. Позвали сестры бабку, так мол и так, или убей мальчика, или тебе не будет покоя. Бабка растерялась и отправилась прямо в пещеру. Тут она пустила в ход тысячу хитростей и обольщений и подговорила девушку заставить брата привести ей самое Дильрюкюш.

Вечером, когда вернулся брат, сестра его стала умолять привести ей Дильрюкюш-ханум и грозила убить себя, если он не исполнит ее желания. Мальчик расстроился и говорит:

— Ах, сестра моя, ведь я рассказывал тебе, как дважды я подвергался смертельной опасности из-за куста и зеркала. А теперь, если я пойду, чтобы привести самое Дильрюкюш, кто знает, скольким опасностям я подвергнусь. Откажись, сестра, от такого увлечения, не губи меня!

Но сколько он ни увещевал свою сестру, она знать ничего не хотела.

Скажем коротко. На этот раз мальчик попрощался с сестрой, как будто шел на смерть и отправился в путь-дорогу прямехонько к своей старшей матери-великанше. Долго он умолял ее, целовал ей руки и ноги, но когда сказал ей о том, что приехал взять самое Дильрюкюш-ханум, великанша ответила ему:

— Сынок мой, какой ты, оказывается, храбрый; но на этот раз ты едва ли избегнешь смерти. Откажись ты от задуманного дела.

Но мальчик настаивал на своем.

— Возможно, что я погибну, — сказал он, — но отказаться не могу. Научи меня, я пойду; или погибну или приведу Дильрюкюш.

Великанша не устояла перед мольбами мальчика и научила его так:

— Сын мой, иди, достань ключ из колодца, открой дверь пещеры и войди внутрь. Перед тобой окажется

ровная дорога. Иди в темноте по этой дороге и не оглядывайся по сторонам. После долгого пути выйдешь ты на светлое место и увидишь тополевую рощу, а за ней кладбище, усеянное каменными человеческими фигурами, — это все люди, которые приходили, чтобы взять Дильрюкюш. Все они были превращены в камни. Не глядя на них, ты иди вперед. Наконец перед тобой покажется дворец Дильрюкюш, ты крикни тогда: „Дильрюкюш!“ Что станет с тобой после, этого я не знаю.

Мальчик расстался со своей матерью-великаншей и отправился в путь. Пришел он к колодцу, бросил туда пойманных птиц, взял выброшенный ключ, открыл им дверь пещеры и вошел туда. В непроглядной тьме пошел мальчик не оглядываясь прямо вперед. Шел, шел и дошел наконец до светлого места. Дальше дорога привела его в тополевую рощу, каждый тополь касался своей верхушкой неба. Кругом ни души, безмолвная тишина. Пробрался он меж тополей, пошел дальше и увидел кладбище с бесчисленным множеством каменных статуй наподобие человеческих фигур. Жутко стало мальчику, но он взял себя в руки и пошел дальше. Вдали показался ослепительно блестящий огромный дворец. Подошел он ко дворцу и, как научили его, крикнул во весь голос, что было мочи: „Дильрюкюш!“ — и тут же окаменел до колен. Крикнул он во второй раз „Дильрюкюш“ и окаменел до пояса, крикнул в третий раз „Дильрюкюш“ и уже по шею превратился в камень. Напрягши свои последние силы, крикнул в последний раз: „Дильрюкюш!“ — и когда готов был он превратиться в камень до темени, в золотых сандалиях вышла Дильрюкюш, тотчас подбежала к нему, почерпнула золотым тазом воду из бассейна и обрызгала юношу водой. Он тут же снова ожил. Тогда Дильрюкюш обратилась к нему:

— О, юноша, чего ты хочешь? Один раз ты пришел и взял мой куст, второй раз унес мое зеркало. Мало этого,

ты дошел сегодня до дворца. Молись за свою лежащую в земле невинную мать. Ты пощажен ради нее, иначе ты сегодня превратился бы в камень. Что тебе еще надобно? — прибавила она.

— Тебя, я непременно должен увезти тебя, — нисколько не смущаясь, сказал ей юноша.

— Выслушай меня, если так; иначе мы оба погибнем. Я пойду, захвачу во дворце мои вещи и приведу арабских коней. Когда мы сядем на коней и поедем, во дворце начнется страшный переполох, свет перевернется вверх дном. Но ты не оборачивайся назад и не обращай ни на что внимания.

Юноша упорно настаивал, чтобы она оживила окаменевших людей. Дильрюкюш отправилась во дворец, захватила все легкие по весу и дорогие вещи и приказала подать коней. Затем она почерпнула золотым тазом воды в бассейне и обрызгала каменные фигуры, они ожили и превратились снова в живых людей.

Наконец Дильрюкюш и юноша тронулись в путь. Во дворце поднялся невообразимый переполох. Но путники не оглядываясь ни разу приехали прямо в пещеру юноши и его сестры. Сестра встретила их, они расцеловались, а женщины познакомились друг с другом. Несколько дней они отдыхали. Юноша собрался было итти на охоту, но Дильрюкюш не пустила его. Дильрюкюш была дочерью царя пери, на свете не было красавицы подобной ей. А так как юноша по красоте своей и отваге был несравненным, они сильно полюбили друг друга.

Брат и сестра не знали, кто принес их в пещеру и чьи они дети, но Дильрюкюш была дочерью пери и знала об этом. Однажды ночью она сказала юноше:

— Завтра иди на охоту. Падишах увидит тебя и пригласит во дворец. Ты не отказывайся, но попроси, чтобы

тебя встретили в назначенный день и провели с кавалькадой садами. Скажи ему так и вернись.

На другой день юноша отправился на охоту. Там он встретился с падишахом и условился быть во дворце. Падишах, обрадованный, вернулся во дворец, а юноша пришел и рассказал обо всем Дильрюкюш.

В назначенный день Дильрюкюш встала рано утром и подняла юношу и его сестру. После завтрака Дильрюкюш хлопнула в ладоши и воскликнула:

— Дядюшка Оф, явись!

Откуда ни возьмись появился перед ними великан-арап, одна губа у него волочилась по земле, другая подымалась до небес, и сказал:

— Что прикажете, моя сударыня?

Дильрюкюш приказала ему привести одного из отцовских арабских коней. Арап помчался как ветер и вскоре вернулся с чудным, нарядным конем — никто в мире не видел такого коня. Посадили юношу на коня и отправили к садам. Там ждал юношу прекрасный кортеж. Когда встречавшие увидели его коня и украшения из драгоценных камней на нем, они невольно с удивлением переглянулись.

Когда юноша отправлялся во дворец, Дильрюкюш предупредила его, чтобы он возвращался, как только заржет его арабский конь, и чтобы, уходя, непременно пригласил падишаха притти через три дня в гости к себе.

Юноша торжественно проехал садами, кланяясь собравшимся на пути, и так приехал во дворец. Юношу встретили с большим почетом. Для него были устроены танцы и игры, играли музыканты. Когда юноша насладился виденным и слышанным, обошел с падишахом дворцовые покои и поговорил с ним, конь его начал ржать и бить копытами. Юноша поднялся и, как падишах ни упрашивал его посидеть, не остался. Юноша пригласил

его к себе и обещал встретить через три дня у садов. Падишах принял приглашение.

Юноша вернулся к себе в пещеру. Дильрюкюш же в тот же день с помощью своей няни принесла в пещеру закопанную мать детей. Она стала ухаживать за ней, искупала ее, обрезала ей ногти, расчесала волосы. Лечила она ее, кормила легкой пищей и вылечила. Но оказалось, что мать не знала о своих детях, а дети не узнавали мать.

В то утро, когда должен был приехать падишах, все встали очень рано. И видят они, что пещера уже не пещера, а большой дворец. Палаты обставлены и убраны каждая по-своему, вокруг сад разбит на участки, и на каждом разные цветы и птицы, в саду — невиданной красоты павильоны. Слуг во дворце несметное число. Танцовщицы и музыканты говорят и поют какими-то особыми голосами. Приготовлено всего больше чем надо.

Ко времени приезда падишаха навстречу ему выехал большой величественный кортеж. Вельможи, сопровождавшие падишаха, говорили, что юноша-де этот не из рода человеческого, не смог бы он иначе сделать все это. Удивление их еще больше возросло, когда они въехали во дворец. Падишаха приняли в лучшей гостиной. Подали кофе и прохладительные напитки. Заиграли сазандары, защебетали птицы. Падишаха угостили на славу, и до вечера развлекались музыкой, танцами и акробатами. Когда пришло время падишаху возвращаться к себе, его пригласили во внутренние покои, и там его встретили юноша, за ним Дильрюкюш, а за нею мать и сестра юноши. Падишах смотрел на них и не знал, что ему говорить. По знаку Дильрюкюш все сели перед падишахом.

Дильрюкюш рассказала о всех происшествиях с начала до конца. Падишах узнал тут, что эти дети — его дети, а эта женщина — его жена, и так обрадовался, что чуть не умер от радости. Он обнял, поцеловал и обласкал всех.

Потом все направились во дворец падишаха. Отпраздновали пышную свадьбу юноши и Дильрюкюш. Падишах сильно разгневался на сестер своей жены и хотел было повесить, но его упросили помиловать их.

Сестры каялись тысячу раз в том, что совершили, и до конца дней своих жили радостно и весело.

Перевод И. Н. Леманова

ШИШКА

(Корейская сказка)

Не теперь, а в седой древности жил-был в одной деревне старик. Была у него на щеке большущая шишка. Ясное дело — время было такое, что люди жили без лекарей, и некому было срезать у старика его шишку. Несколько десятков лет торчала она и беспокоила старика.

Как-то однажды собрался старик в лес за хворостом; собирал, собирал и совсем не заметил, как стало темнеть. Не успел он дойти до дому, как наступила темная ночь. Луна и та была скрыта за тучами. Можно было бы держать путь и дальше до дому, да известно какие у нас в Корее дороги; махнул старик рукою, свалил хворост в старой нежилой избушке возле дороги и решил провести в ней ночь. Нигде, насколько только можно было окинуть взором, не было жилья, а в избе, по мере того как время шло за полночь, становилось почему-то холоднее, угрюмее, и старику совсем не спалось. Встал, решил дождаться рассвета.

Каждый день этот старик имел привычку драть свое горло и очень этим гордился; и когда пел песни, воображал, что это очень интересно; и действительно, как говорится, даже пыль балок плясала в воздухе.

А в таких безлюдных местах обязательно водятся черти. И вот, когда наступила ночь, черти стали шнырять взад и вперед. Удивило их пение старика, столпились они

возле деда: заворожил, видно, чертей своим искусным пением.

И вот сам он не заметил, когда появились совсем странные черти, один чуднее другого. Ничего не хотят, видно, сделать плохого, а старику все-таки страшно. Окружили его, расселись в кружок. „Эх, была не была! — думает дед — что же тут удивительного? В таких местах всегда водятся всякие духи". Решил не убегать и не прятаться. „Не подам — думает — вида, что оробел". И снова затянул громким голосом забавные песни. Слушают черти искусное пение, не шелохнутся, вокруг не слышно ни звука. Сразу видно, что пение тронуло чертей. Так пел старик до рассвета. А тут наступило время заре. Отлегло на сердце у старика. А черти, жалея, что ночь коротка, стали собираться в обратный путь. И вот один из них — видно главный над всеми чертями — спрашивает учтиво у старика:

— Дедушка, откуда у тебя такой красивый голос?

А старик оправился от страха и говорит главному:

— Как изволишь видеть, главный над всеми чертями, у меня на щеке большущая шишка. Вот в ней-то и есть, стало быть, исток моему голосу!

— Коли так — молвил чорт, — продай нам, почтенный, эту самую шишку.

Дали черти старику много самых разных сокровищ, променяли на шишку.

А как взошло солнце, черти исчезли вместе с утренней росой. И след их простыл. Ухмыляется дед: „Здорово я их провел этой ночью. Вылечился от долголетней болезни, а к тому же, как рукой сняло мою бедность, из всех болезней болезнь". Бросил хворост старик и поспешил поскорее домой.

А в этой самой деревне жил-был еще один старик с такой же большущей шишкой на щеке. Однажды увидел

он, что у нашего старика нет больше шишки. Диву дался, расспросил все у деда подробно и решил: „Коли так, я тоже сумею надуть чертей".

И вот однажды ночью пошел он к той же избушке, что стояла на поле, и запел песни, да совсем без складу, бев ладу. Сидит и ждет — вот-вот появятся черти. Услышали черти, что распевает старик.

— А, снова пожаловал к нам старикашка-лгунишка, как и прошлою ночью!

Собрались черти вместе, стали просить старика спеть разные песни, а потом возьми да и спроси:

— И почему это ты так красиво поешь свои песни?

А старик с большущей шишкой только этого и ждал, отвечает чертям с самым серьезным видом:

— А как видите, из-за этой большущей шишки.

Расхохотался тут главный над всеми чертями.

— Ах ты старикашка-лгунишка, вчера нас уже надул один старичок. Дал я ему целую гору сокровищ, купил стариковскую шишку, прилепил эту шишку к щеке, все думал вот-вот запою. Да где там, красивому голосу, одна дрянь лезет из глотки. Нет не надо нам больше шишек. Если и вправду шишка исток твоего красивого голоса, бери отдаю тебе и эту шишку!

И с этими словами чорт прилепил еще одну шишку рядом с той, что была на щеке старика.

Завизжали, загоготали в один голос тут черти.

— Посмотрите на человечью глупость! — и скрылись. И след их простыл.

Вот что передают и рассказывают.

Перевод А. Холодовича

КИТАЙСКОЕ ЗЕРКАЛЬЦЕ

(Корейская сказка)

Дело было не теперь, а в седой древности. Случилось это, когда в нашей стране еще не было зеркал, да и из Китая привозили их редко. Однажды один провинциал, побывав в столице, купил там между прочим и зеркальце, а купив это зеркальце, вернулся домой. Вещица оказалась забавной: глядишь на нее, а на тебя смотрит другое лицо, улыбнешься, состроишь гримасу, и все это отражается в зеркальце с полною точностью. Стал хозяин зеркальца время от времени его вытаскивать, глядел потихоньку в него и расплывался в улыбку, а потом снова прятал его так, чтобы никто не заметил. Никому не показывал он это зеркальце.

Подозрение взяло жену; думает, что это муж так весело улыбается, поглядывая время от времени на какую-то странную гладкую, круглую вещь? И вот как-то однажды подсмотрела она, куда муж прячет зеркальце, и улучив минуту, когда мужа не было дома, вынула зеркальце и заглянула в него. Что за страсти такие! Видит — женское личико, и как две капли воды похоже на нее, на жену. Вспыхнула тотчас жена.

„Ах ты, — думает, — такой-сякой, развратник! Поехал в столицу, нашел там наложницу и с нею приехал сюда. Выходит, что и на меня, как говорится, подул осенний ветер! О, жестокое сердце мужчины!“

Еле сдерживая слезы, пошла она с зеркальцем к свекрови и в сердцах рассказала ей все. Чудным показался рассказ невестки свекрови.

— А ну, — сказала свекровь, — покажи мне наложницу!

Заглянула. И вправду в зеркальце женщина, да только рябая старуха, как две капли воды похожа на нее, на свекровь. Ну, такой не под стать быть подругою сына.

— Ха-ха-ха, — расхохоталась свекровь. — Что ты увидела невестка! Какой бы ни был чудак мой сын, разве мог он привезти из столицы нарочно такую старуху в наложницы. Должно были какие-то обстоятельства, что привез с собой откуда-то старую. Нет, не поверю, чтобы мой сын был гуляка. Это все твоя бабья ревность!

А тут входит свекор; удивился, почему это невестка плачет, а свекровь улыбается. Стал разузнавать причину.

— А ну-ка, давай, — говорит, — погляжу в зеркальце сам.

Видит — в зеркале дед, и как две капли воды похож на него, на свекора.

— Нет, — говорит, — вы в чем-то ошиблись. Это не иначе как соседский дедушка.

И поднял на смех и свекровь и невестку. Но правда сильнее слов. Взглянет невестка, а из зеркальца смотрится молодая, взглянет свекровь, а из зеркальца рябая старуха глядит. Так и не могут решить своих сомнений ни свекровь, ни невестка.

Но вот однажды старший сын хозяина, лет десяти, злой и капризный мальчишка, надумал сам посмотреть в это зеркальце. Видно решил, что это забавно. Смотрит, а у самого в руке жемчужина. И видит, как в зеркале какой-то шалун, как две капли воды похожий на него, шалуна, держит в руках точь в точь такую же жемчужину.

— А-а-а, — заголосил, заплакал шалун, — этот мальчишка у меня стянул камешек!

Был тут как раз один парень, сын соседа.

— Отчего ты так плачешь? — спросил он шалуна. — Кто это и где стянул у тебя камешек?

Заглянул в зеркальце, а из него глядит рослый, сам кровь с молоком, мальчишка.

— Ах ты такой-сякой, да как ты, детина такой, смеешь обижать маленьких! — И как размахнется, да как треснет кулаком по зеркальцу; упало оно, покатилось по полу и разбилось вдребезги.

Перевод А. Холодовича

КАК ЧЕРТИ ПОТЕРЯЛИ ЗОЛОТЫЕ И СЕРЕБРЯНЫЕ ПАЛКИ

(Корейская сказка)

Не теперь, а в седой древности, в одной горной деревне жил-был бедный-пребедный, правдивый старик. Как-то раз отправился он за хворостом в лес. Видит — падает с дерева жолудь. „Это для матери“,— сказал сам себе старик и поднял его. Видит — еще падает жолудь. „Это младшему братцу“. Только поднял было, видит — еще падает жолудь. „А это жене“. Только поднял было, видит — еще падает жолудь. „А это сыну“. Поднял было его, видит — еще один падает жолудь. „А это уже мне“, сказал старик, поднимая жолудь. А солнце между тем закатилось за западную гору. Взвалив вязанку на плечи, старик поплелся домой. Пока шел, совсем стемнело. Забеспокоился. „Неужели, — думает, — придется заночевать в поле“? А тут, откуда ни возьмись, у самой дороги заброшенный дом с высокими воротами. „Вот повезло-то“, подумал старик; вошел в ворота, видит — весь двор порос густо буйной травою, громко жужжит мошкара, видно давно никто не живет в этом доме. Поднялся в дом, прошел в заднюю половину, видит пристроен одноярусный теремок, „Вот здесь будет удобно!“ — и с этими словами, взобравшись в теремок, думал было уснуть.

И вот, когда, как говорится, остыла вечерняя роса, внизу вдруг зашумело. Прислушался. Оказалось — черти: собрались со всей округи, бьют как кому вздумается

дубинками по полу, бьют, а сами кричат да повизгивают — „Явись злато, серебро! Явись, злато, серебро!“ Никак не может сомкнуть глаз старик от великого шума. А тут стал старика страх брать. „Останешься в одном доме с чертями — того и гляди стрясется беда!“ — думает он, и сам не заметил, как начали трястись колени. Тут и надумал старик провести этих чертей. Взял один жолудь, что подобрал с земли перед этим, положил себе жолудь на зуб и что есть силы надкусил его. Громкий треск раздался средь тихой ночи. Зашумели, перепугались черти.

„Ой! Старый терем летит!“ — закричали они и пустились бежать кто-куда.

„Здорово я их надул!“ — думал старик, спускаясь потихоньку вниз. Видит валяется много золотых и серебряных палок. „Повезло!“ — решил тут старик, подобрал золото, серебро, взвалил на плечи вместо хвороста. „Ну, сегодня я не дровосек, сегодня я златоруб, сребруб“, — шутит, веселится старик. Отправился он в город, сбыл золото, серебро, приобрел за него большое богатство.

Услыхал это сосед, завидущий старик. Думает: „Да тут и я смогу поживиться!“ Отправился в тот же лес, сидит себе поджидает — вот-вот упадет с дуба жолудь. И верно — падает жолудь. Торопливо поднял его. „Это мне!“ — думает про себя сам. Видит еще падает жолудь. „А это сыну!“ Только поднял было, видит еще падает жолудь. „А это жене“. Только поднял было, видит — еще падает жолудь. „А это младшему братцу“. Поднял было его, видит — еще свалился с дерева жолудь. „А это уж матери“, сказал, поднимая его, старик. Нарочно дождался, когда сядет солнце, и тихо поплелся домой. Еще было светло, а он уж взобрался наверх в теремок, сидит себе, ждет — вот-вот пожалуют черти. Наконец, наступила и полночь, снова собрались черти, стучат по полу тяжелыми палками, подняли шум, кричат: „Золото, золото, серебро,

серебро!" — „Ну, пора!", взял большущий жолудь и надкусил его, да так что раздался треск. Услышали черти, побежали, да не тут-то было. Один из них возьми да скажи: „Ого! больно чудно! Сегодня опять трещит как вчера". А другой чорт: „Человечиной пахнет, человечиной пахнет! Тут непременно должен быть человек! опять решил нас надуть. Видно снова задумал стащить наши золотые и серебряные палки. Ну, теперь мы тебя поймаем". С этими словами черти стали шарить по всему дому, все уголки осмотрели. Схватили старика, избили его золотыми палками да серебряными палками, живого места не оставили, так что старик только кряхтел да охал от боли. А тут наступило время рассвета. „Смотри, второй раз не появляйся, болван!" — пригрозили и исчезли. Еле остался в живых старик, расправил ноющую поясницу, поднялся. Видно крепко побили его, что вытянулся в добрую сажень: в два раза выше стал ростом старик. Низки стали для него ворота, еле-еле прошел он под ними. Поплелся домой. Наконец, показалась деревня. Думал проскользнуть домой незаметно, да не тут-то было. Заметили старика соседи. Видят кто-то идет и все глядит через заборы возле домов.

„Ах, негодный, — закричали они, — держите! Какой-то детина-вор заглядывает через заборы! Подожди же такой-сякой. Вот уж мы покажем тебе!"

Стали бить палками старика, избили немилосердно, чуть весь дух не вышибли палками.

Рассказал им старик все как было. Отпустили тогда, перестали бить старика.

Вот что передают и рассказывают.

Перевод А. Холодовича

РАССЕЯННЫЙ

(Японская народная сказка)

В городе Сэмбоку жил один рассеянный человек.

Вот как-то раз собрался он пойти в храм бога Инари на праздник.

И говорит жене:

— Жена, завтра я пойду в храм Инари. Приготовь мне с вечера рисовый колобок на дорогу. Мне итти далеко.

Утром он встал рано, до рассвета. Жена еще лежала в постели.

— Жена, а жена. Где колобок?

— У окна.

А ему послышалось: „У очага".

Он пошарил у очага и нашел круглый горшочек. И думает — колобок.

— Жена, а жена! Где платок — завязать колобок?

— На полочке.

А ему послышалось: „На постели".

Он поискал в постели и нашел женин пояс. А женские пояса широкие.

Он и думает — платок. Завязал в него горшочек.

— Жена, а жена! Где мой кинжал?

— В ящике комода.

Он порылся в лоханке, нашел пестик. И засунул его за пояс.

— Жена, а жена! Где моя соломенная шляпа?

— Поищи на кухне.

Он поискал, поискал на кухне и нашел соломенную корзину. И думает — шляпа. Надел себе на голову.

Потом стал обуваться. Один чулок надел на ногу, а другой на метлу. Правую ногу обул в соломенный сапог, а левую — в деревянную сандалию.

Пошел по дороге. Рассвело. Дошел до одной деревни. Люди смеются:

— Глядите! Глядите! Вон идет какой-то чудак с корзиной на голове. Вот так шляпа!

Он подумал:

— Про кого это говорят?

Оглянулся назад. Сзади никого нет.

— Неужели про меня?

Снял шляпу, взглянул — вот тебе раз! Это не шляпа, а корзина. Бросил ее прочь.

Опять деревня на дороге. Люди смеются:

— Смотрите! Смотрите! Только один чулок. Смотрите! На одной ноге сапог, а на другой сандалия.

Поглядел, — правда. Чулок-то один, и обувь разная. Отошел от деревни, разулся, и бросил в поле и чулок, и сапог, и сандалию. Пошел босиком.

Опять деревня на дороге. Люди кричат:

— Смотрите! Смотрите! У него за поясом — пестик. Берегись, заколет!

Посмотрел, — в самом деле! У него за поясом деревянный пестик. Отошел от деревни и забросил в поле.

Пришел в храм. В храме амулетами торгуют — на счастье. А у него с собой сто монов.[1] За амулет он хотел дать три мона, да опять впопыхах ошибся. Три мона оставил себе, а девяносто семь бросил в ящик для сбора денег. Вот беда: за такое счастье — дорого, а взять назад — совестно.

---

[1] Мелкая монета.

На три монеты не попируешь. Пошел он на горку позади храма, где народу не было. Снял со спины узелок, развязал — глядь! — а там, вместо колобка, пустой горшочек.

Схватил он горшочек и как швырнет его с досады — хлоп! А горшочек покатился — дзинь-дзинь-дзинь! — ударился о камень и разбился. Стал он сворачивать платок, — что это! — длинные завязки болтаются. Посмотрел, а это не платок, а женин пояс. Бросил пояс и побежал с горки.

А есть все больше хочется. Не до праздника. Повернул домой. По дороге лавка. Перед лавкой выставлен белый валун, похожий на рисовую лепешку, в знак того, что здесь лепешки продают.

Он спросил почем лепешки. Оказалось, по три мона.

— Куплю-ка одну, — думает, — у меня как раз три мона.

Положил три мона, схватил камушек и пошел.

Продавец удивился и закричал:

— Стой! Это не лепешка, а камушек! Настоящую лепешку я тебе сейчас дам.

Куда там! Он подумал, что с него еще денег требуют, крикнул:

— Я же положил тебе три мона!

И побежал со всех ног. Продавец хотел было догнать, да не смог.

— Теперь-то я поем! — подумал рассеянный, положил лепешку в рот — и крак! — сломал зуб.

Глядит, а это не лепешка, а белый камушек. Бросил его в реку и еще скорее побежал домой. А сам думает:

— Задам сейчас жене, как следует. Она во всем виновата.

Вбежал в дом и кричит!

— Ах ты, дрянная! Как ты меня сегодня осрамила.

— Ты чего ругаешься, сосед? Чем я тебя осрамила?

Глянул, а это не его жена, а соседка, и дом-то не его, а соседский.

Выскочил он оттуда как ошпаренный. Побежал в лавочку, взял в долг чаю. Думает: надо с соседкой помириться, сделать ей подарочек. Пошел к ней опять.

— Я сейчас тебе нагрубил. Прости пожалуйста.

И протягивает чай.

А она отвечает:

— Как же ты рано вернулся!

Поглядел, — жена! Делать нечего; говорит:

— Да там ничего интересного не было. Не на что глядеть. А тебе, видишь, подарочек принес. Завари-ка чаю.

Перевод В. Н. Марковой

ВОЛОПАС И ТКАЧИХА

(Японская сказка)

1

Давным-давно жил на свете богатый князь. Перед замком князя текла река. Раз служанка стирала белье в реке. Вдруг откуда-то выполз огромный змей и сказал:

— Ты сейчас сделаешь, что я тебе прикажу. А если ты меня не послушаешься, я обовьюсь вокруг тебя и задушу.

Служанка испугалась.

— Приказывай, я все исполню.

Тогда змей высунул свое длинное липкое жало. На кончике жала было приклеено письмо.

— Отдай это письмо князю! — прошипел змей.

Служанка взяла письмо и побежала в замок, а змей скрылся в воду.

Князь взял письмо, раскрыл его и прочитал. А в письме было написано так:

„Я хочу взять в жены одну из твоих дочерей. Если ты не выполнишь моего желания, я убью и твоих дочерей, и твою жену, и тебя самого. Поэтому лучше соглашайся! Когда ты решишь, какую из дочерей отдашь мне в жены, отведи ее на озеро. Выстрой на берегу четырехугольный дом в семнадцать кэн[1] по каждой стороне и оставь там свою дочь. Через три дня я за ней приду".

[1] Кэн — 1.8 м.

Когда князь и его жена прочитали это письмо, они побледнели от страха. Но делать было нечего. Князь позвал трех своих дочерей, прочел им письмо и спросил старшую:

— Хочешь пойти в жены к змею?

Старшая дочь покачала головой и ответила:

— Нет, лучше умереть!

Тогда князь спросил среднюю дочь:

— Хочешь пойти в жены к змею?

Средняя дочь заплакала и ответила:

— Нет, лучше умереть!

Тогда князь спросил младшую дочь:

— Хочешь пойти в жены к змею?

Младшая дочь, по имени Отохимэ, горячо любила родителей. Она подумала: „Если я откажусь пойти в жены к змею, он убьет не только меня, но и моих родителей и моих сестер". Поэтому она сказала:

— Хорошо, я пойду к змею в жены.

Князь и жена его опечалились, но делать было нечего. Они повели младшую дочь на берег озера и выстроили там четырехугольный дом в семнадцать кэн по каждой стороне. На третий день, когда дом был построен, девушку нарядили в красивое платье, уложили ей волосы в красивую прическу, оставили ее в новом доме и сами ушли.

А Отохимэ, оставшись одна в просторных комнатах, горько заплакала. Ей так было страшно, а тут задул ветер, зашумели деревья, и Отохимэ еще больше перепугалась. Вдруг сверкнула молния, ударил гром, вода в озере закипела, заволновалась, и из волн показался огромный змей. Он вполз в дом и растянулся вдоль стен во всю длину. Отохимэ от страха не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Но змей ласково произнес:

— Не бойся! Я не причиню тебе зла. Есть у тебя что-нибудь острое?

— Да, у меня есть ножницы, — ответила Отохимэ.

— Надрежь мне кожу на шее!

Отохимэ очень удивилась, но сделала, как ей было приказано. Она надрезала кожу на шее дракона, и что же?— Из отверстия вышел прекрасный юноша. А страшная змеиная кожа превратилась в пустой мешок.

Юноша и девушка зажили счастливо в своем дворце. Кушанья и напитки появлялись сами собой. Красивые служанки и статные слуги исполняли все их желания без всяких приказаний. С утра до вечера откуда-то издалека слышалась тихая музыка, а при каждом дуновении ветерка доносилось сладкое благоухание. Отохимэ жила счастливо, как в раю.

Но не долго тянулось это счастье. Через месяц юноша обратился к Отохимэ с такими словами:

— Ты видишь, я не простой человек. Я сын царя-дракона. Я и отец, мы живем то на дне моря, то в облаках на небе. На небе я зовусь принц Волопас. И вот я должен завтра покинуть тебя и подняться в облака. Я вернусь через семь дней. Если через семь дней меня не будет, я вернусь через четырнадцать. Если через четырнадцать дней меня не будет, я вернусь через двадцать один день. Если же и через двадцать один день меня не будет, то, вероятно, я не вернусь уже никогда.

Отохимэ испугалась и заплакала.

— Что же мне делать, если вы не вернетесь?

— Не плачь. Мы все-таки можем увидеться. Если я не вернусь через двадцать один день, пойди по берегу озера на запад. Когда ты пройдешь тридцать ри,[1] то увидишь большой дуб. Под этим дубом живет колдунья. Попроси у нее волшебный ковшик. С помощью этого ковшика ты поднимешься на небо. Там ты спросишь, где дворец принца

[1] Ри — 3.9 км.

Волопаса, и мы с тобой встретимся. Но может быть я и сам вернусь к тебе сюда. Я оставлю тебе ящичек. Что бы с тобой ни случилось, не открывай его. Если ты его откроешь, я уже никогда больше не смогу вернуться на землю.

Юноша дал Отохимэ ящичек, украшенный драгоценными каменьями, простился с ней и поднялся в небо.

2

Оставшись одна, Отохимэ заскучала. Вот, когда она сидела и плакала, к ней пришли ее сестры. Отохимэ обрадовалась и позвала слуг и служанок, угостила сестер вкусными кушаньями. Потом она повела их посмотреть дворец. Сестры удивлялись тому, что Отохимэ так хорошо живется. Они завидовали младшей сестре, и каждая втайне жалела, что отказалась стать женой змея. Они восхищались убранством дворца, и когда какая-нибудь вещь им особенно нравилась, просили ее для себя. Только и слышалось: „дай это!“, „дай то!“ Вдруг сестры увидели ящичек, украшенный драгоценными каменьями. Им захотелось знать, что лежит в этом ящичке. Но Отохимэ сказала:

— Нет, сестрицы, этот ящик я не могу открыть.

Тогда сестры рассердились:

— Вот нехорошая сестра.

Отохимэ заплакала и сказала:

— Я охотно исполнила бы ваше желание, но не могу. Мой муж запретил мне открывать этот ящичек.

Когда сестры это услышали, им еще больше захотелось узнать, что лежит в ящичке. Они так приставали с просьбами к Отохимэ, что в конце-концов она волей-неволей принесла ключ и открыла ящичек. Сестры подняли крышку, а ящичек оказался пустой. Только легкий белый дымок поднялся из-под крышки прямо кверху, к небу и исчез в вышине.

— Смотри, сестрица, ящичек пустой! Твой муж тебя просто обманывал! — засмеялись сестры. Крепко зажав в руках подарки, они простились с Отохимэ и ушли домой.

Бедной Отохимэ показалось, что белый дымок унес все ее надежды. Она помнила слова принца Волопаса: „Если ты откроешь этот ящичек, я уже никогда больше не смогу вернуться на землю". Но Отохимэ все-таки подумала: „А вдруг?" — и решила ждать семь дней. Но прошло семь дней, а принц Волопас не вернулся. Отохимэ ждала еще семь дней. Прошло четырнадцать дней, а принц Волопас не вернулся. Отохимэ ждала еще семь дней. Прошел двадцать один день, но принц Волопас не вернулся.

Тогда Отохимэ решила подняться на небо. Она пошла по берегу озера на запад, и когда прошла тридцать ри, то увидала большой дуб. А под дубом жила колдунья. Отохимэ попросила у нее волшебный ковш и с помощью этого ковша поднялась на небо.

3

Отохимэ растерянно оглянулась по сторонам. На небо она поднялась, но не знала, куда ей итти. Вдруг неподалеку она увидела красивую девушку в блестящем золотом платье. Отохимэ подошла к ней, вежливо поклонилась и спросила:

— Не знаете ли вы, где дворец принца Волопаса?

— Нет, — ответила девушка. Это была Вечерняя Звезда. — К сожалению, не знаю. Спросите вон ту женщину с длинным хвостом, что идет впереди.

Отохимэ пошла дальше и, поровнявшись с женщиной — это была Комета, — поклонилась и спросила:

— Не знаете ли вы, где дворец принца Волопаса?

— Нет, я не знаю, но спроси того юношу, что идет за мной.

Отохимэ пошла дальше и, поровнявшись с юношей, поклонилась и спросила:

— Не знаете ли вы, где дворец принца Волопаса?

— Нет, — ответил юноша. Это был Орион. — Но спроси кого-нибудь из тех, кто идет за мной.

Много еще звезд расспросила Отохимэ, но никто не мог указать ей дорогу. Грустно брела Отохимэ по облакам и вдруг услышала, как кто-то ее окликнул:

— Девушка, кого ты ищешь?

Отохимэ оглянулась и увидела важного старца в золотом паланкине. Старец ласково ей улыбнулся.

— Я ищу дворец принца Волопаса.

— А! так иди дальше вперед. Скоро ты увидишь двор, вымощенный бирюзой, а в нем дворец, крытый яшмой. Это и есть дворец принца Волопаса.

Отохимэ вежливо поблагодарила и пошла дальше. В самом деле, скоро она увидала двор, вымощенный бирюзой, а в нем дворец, крытый яшмой. Отохимэ обрадовалась и громко крикнула:

— Принц Волопас!

И сейчас же принц, улыбаясь, вышел ей навстречу. Он взял Отохимэ за руку и повел ее во дворец.

— Ты открыла ящичек, который я тебе оставил, и я не мог больше спуститься на землю. Хорошо, что ты сама пришла, — сказал принц.

Отохимэ очень обрадовалась, что принц на нее не сердится, а попрежнему ласков. Но она видела, что принц чем-то озабочен, и Отохимэ спросила, что ее тревожит.

— Видишь ли, — сказал принц, — я рад, что ты поднялась на небо, но одно плохо. Мой отец — грозный царь-дракон. Он не выносит людей. Если он тебя увидит — беда. И я думаю о том, как тебя от него спрятать.

— Я не боюсь дракона, — ответила Отохимэ. — Я поднялась к тебе на небо и не расстанусь с тобой, хотя бы мне грозила смерть.

Не успела она это сказать, как раздался страшный треск, грохот, и во дворец влетел дракон. Он издалека почуял человеческий запах и хотел съесть дерзкого человека, отважившегося подняться на небо. Но принц мигом превратил Отохимэ в подушку. Когда дракон влетел в комнату, там сидел один принц, да маленькая подушечка скатилась на пол.

Дракон оглянулся по сторонам и зарычал:

— Чую, чую, пахнет человеком!

Дракон дернул к себе подушку, лег, подложил ее под голову и заснул, а, засыпая, все приговаривал:

— Тут пахнет человеком! Тут пахнет человеком!

Дракон заснул и захрапел, а принц осторожно вытащил у него из-под головы подушку и подсунул другую, обыкновенную. Так дракон и остался ни с чем.

На другой день принц сидел с Отохимэ, как вдруг опять раздался треск и гром, и во дворец влетел дракон. Принц мигом превратил Отохимэ в веер. Дракон вошел в комнату, потянул носом и сказал:

— Чую, чую, пахнет человеком!

Но принц, обмахиваясь веером, ответил:

— Что это, папаша, вы заладили „пахнет“ да „пахнет“! Должно быть у вас нос не в порядке.

— В самом деле странно! — сказал дракон и опять ушел ни с чем.

Но дракон чуял, что здесь что-то неладно, и решил подстеречь принца. На другой день он неслышно подкрался к комнате своего сына. Принц не успел спрятать Отохимэ, и дракон ее увидел. С громким ревом бросился он на Отохимэ. Она задрожала от ужаса, а принц закричал:

— Отец, не трогайте ее! Это моя жена.

И принц рассказал, как он взял в жены Отохимэ, и стал просить отца, чтобы он ее пощадил. Тогда дракон сказал:

— Ну, раз она твоя жена, делать нечего. Я не стану ее есть. Но у меня давно уже нет служанки. Я уведу Отохимэ с собой, пусть она у меня поработает.

И дракон увел Отохимэ из дворца принца Волопаса!

4

А на самом деле дракон твердо решил убить Отохимэ. Поэтому он приказал:

— Вот что ты сделай прежде всего. У меня на пастбище пасется три тысячи волов. Когда стемнеет, сгони их в стойла, а завтра на утро выведи опять в поле. А если не справишься с этой работой, я тебя съем.

Отохимэ не знала, как ей управиться даже с тысячей волов. Она испугалась и заплакала. Но вдруг к ней тихонько подошел принц Волопас, оторвал кусок рукава своей парчевой одежды, отдал ей и сказал:

— Если тебе что-нибудь понадобится, помаши этим рукавом и скажи: „рукав Волопаса, рукав Волопаса, рукав Волопаса!“

Отохимэ так и сделала: вышла на пастбище, помахала рукавом, проговорила „рукав Волопаса, рукав Волопаса, рукав Волопаса!“ — и все три тысячи волов смирно вернулись к себе в стойла, а на другой день утром также смирно вышли в поле.

Дракон увидел это и покачал головой.

— С волами ты справилась, но на этот раз ты от меня не уйдешь! — подумал он. И сказал Отохимэ: — Теперь займись рисом. В восточном амбаре у меня тысяча коку[1] риса. Сейчас же перенеси в западный амбар. Да смотри, если пропадет хоть одно зернышко, я тебя съем.

---

[1] Коку риса — около 150 кг.

Отохимэ пошла в восточный амбар. Испуганно смотрела она на груды мешков риса — не снести ей их и за семь дней. Но тут она вспомнила про волшебный рукав. Отохимэ вынула рукав, помахала им, проговорила: „Рукав Волопаса, рукав Волопаса, рукав Волопаса!“ — и вдруг откуда ни возьмись выползли сотни тысяч муравьев. Они, зернышко по зернышку, перетащили рис в западный амбар.

Дракон пришел в западный амбар, посмотрел и заревел:

— Одного зерна не хватает!

Отохимэ испугалась и побежала в восточный амбар искать пропавшее зерно. По дороге, во дворе, она увидела отставшего муравья — у него сломалась лапка. Охотимэ подняла зернышко, которое муравей тащил, и отнесла его дракону.

Теперь дракон не мог съесть Отохимэ. Он очень досадовал, но делать было нечего. Тогда дракон притворился ласковым и сказал:

— Ты хорошо справилась с работой. Теперь отдохни.

И дракон открыл сарай, полный сороконожек, втолкнул туда Отохимэ, закрыл за ней дверь, а на дверь повесил большой замок.

Как только Отохимэ ступила в сарай, из всех углов поползли на нее длинные юркие сороконожки. Но Отохимэ помахала волшебным рукавом, проговорила: „Рукав Волопаса, рукав Волопаса, рукав Волопаса!“ — и все сороконожки исчезли.

Через семь дней дракон подумал:

— Теперь, наверно, и косточек не осталось!

Он пошел к сараю, снял замок, открыл дверь, а Отохимэ вышла из сарая живая и здоровая.

Тогда дракон увидел, что он ничего не может с ней поделать.

— Я оставлю тебя в покое, — сказал он ей. — Так и быть, иди к принцу Волопасу. Но жить с ним все время

я тебе не позволю. Довольно тебе видеться с ним раз в месяц.

Отохимэ так обрадовалась, что от радости ослышалась.

— Раз в год? — переспросила она.

А дракон и поймал ее на слове.

— Да, раз в год! — ответил он. И тут же взмахнул волшебной плетушкой. И сейчас же по небу потекла широкая серебристая река. По одну сторону ее оказалась Отохимэ, по другую — принц Волопас. И с тех пор они могут видеться только раз в год — в седьмой день седьмого месяца.

Эта река — Млечный путь. А Отохимэ — звезда Ткачиха.

Перевод Н. Конрада

КАК КОЛДУН, АКРОБАТ И ЗУБНОЙ ВРАЧ ПОБЫВАЛИ В АДУ

(Японская сказка)

Жили на свете колдун, акробат и зубной врач. Они умерли все трое в один и тот же день и попали в ад.

В аду на них набросились красные, синие и зеленые черти и поволокли их к главному чорту. Главный чорт оглядел каждого с ног до головы и спросил:

— Что делал на земле этот старик?

Один из красных чертей завизжал:

— Это обманщик! Он колдун. Он притворялся будто умеет находить пропавшие вещи и лечить от болезней, а на самом деле морочил людей и выманивал у них деньги.

— А что делал на земле вон тот худой? — спросил главный чорт.

Один из синих чертей завопил:

— Это бездельник! Он акробат. Он ходил по натянутому канату и танцовал на кончиках ножей, и за эти глупости женщины и дети давали ему деньги.

— А что делал на земле вот этот маленький толстяк? — спросил главный чорт.

Один из зеленых чертей заревел:

— Это негодяй! Он зубной врач. Он заманивал к себе людей, у которых болят зубы, и вырывал им не только больные зубы, но и здоровые, а за каждый вырванный зуб требовал большую плату.

Тогда главный чорт прорычал:

— Бросить всех троих в адский котел!

Черти завизжали, засуетились, схватили колдуна, акробата и зубного врача и бросили их в большой котел. Потом черти налили до верху воды, а под котел подложили дрова и развели большой огонь.

Акробат и зубной врач задрожали от страха. Огонь разгорался, вода становилась все горячей. Скоро вода закипит и они сварятся живьем! Только колдун ничуть не испугался. Он поднял руку, пошевелил пальцами над водой, пошептал, поколдовал, — и вот вода перестала согреваться. Как черти ни трудились, сколько дров ни подбрасывали, вода не грелась да и только. А колдун, акробат и зубной врач высунулись из котла и стали смеяться и дразнить чертей:

— Что же вы так плохо кипятите воду?

Красные, синие и зеленые черти выбились из сил, бросили разводить огонь и побежали жаловаться главному чорту:

— Мы не можем сварить этих бездельников! Колдун заколдовал воду, вода больше не греется.

Тогда главный чорт приказал:

— Проведите их на Гору Мечей.

Черти опять засуетились, вытащили колдуна, акробата и зубного врача из котла, поволокли их к Горе Мечей и поставили на самую середину.

Колдун и зубной врач задрожали от страха. Гора эта вся утыкана остриями мечей, и куда не ступишь, острие вонзается в ногу. Только акробат ничуть не испугался.

— Не бойтесь! — сказал он своим спутникам. — Теперь я вас спасу.

Он взвалил на правое плечо колдуна, а на левое плечо зубного врача, и легко взбежал по остриям на самую вершину горы. Ведь танцовать на остриях мечей он умел, — на то он был акробат.

Он бежал по остриям так ловко, что красные, синие и зеленые черти засмотрелись на него. А когда акробат добрался до вершины, черти от восторга захлопали в ладоши. Главный чорт услышал, что они хлопают, удивился и подумал:

— Что-то неладно! Надо бы узнать, что там делается.

И он послал к Горе Мечей черного чорта. Тогда красные, синие и зеленые черти опомнились, прибежали к главному чорту и говорят:

— Мы опять не смогли прикончить этих бездельников! Акробат перенес их на себе на самую вершину Горы Мечей.

Главный чорт рассердился и крикнул:

— Ну так съеште их!

Черти бросились к колдуну, акробату и зубному врачу, разинули свои пасти, защелкали зубами. Но тут зубной врач выхватил свои клещи и — крак! крак! крак! — повыдергал чертям все зубы.

Взвыли черти, разбежались во все стороны, а колдун, акробат и зубной врач выбрались из ада и пошли обратно по домам.

Перевод Н. Конрада

У ВОРОТ БЕДЫ

(Японская сказка)

В древности в некоей стране жила принцесса. И так как она была очень знатной и красоты необыкновенной, то со всех сторон сватались к ней женихи. Каждый хотел стать ее мужем, но никто ей не нравился и она всем отказывала.

Однажды, когда она смотрела на дорогу из окна своего дворца, мимо проходил с корзиной рыбы сын рыбака.

Принцесса окликнула его:

— Что это за рыба у тебя? Как она называется?

— Это тай, хирамэ, есть и тако, есть и судзуки. — И молодой рыбак показал ей всех своих рыб. Его голос, сложение и лицо очень понравились принцессе, и она обратилась к нему со словами:

— А что, не станешь ли ты моим мужем?

Сын рыбака удивился.

— Ты изволишь говорить несбыточные вещи. Ведь ты — сиятельная принцесса, а я — ничтожный рыбак; как же мы будем жить с тобой. Когда ты так изволишь шутить, я просто не знаю, что делать...

И сказав так, он собрался было уйти, но принцесса опять удержала его.

— Нет, нет. От судьбы не уйдешь. Какая бы разница ни была между нами, ты непременно станешь моим мужем.

И избрав себе мужем сына рыбака, она пышно отпраздновала свадьбу.

Однако вот что произошло на следующий день после свадьбы. Когда они пришли в столовую и сели обедать, сын рыбака, считая себя хозяином дома, хотел было первым приняться за расставленные угощения, но принцесса поспешно его остановила.

— Подожди немного. Ты же простой рыбак, не годится тебе прежде меня приниматься за еду.

И сказав так, она первая взяла палочки для еды. Тогда сын рыбака молча взглянул в лицо принцессе, встал, вышел из дому и больше не возвращался.

Вначале принцесса думала, что он пошутил, но любимый супруг ее не возвращался, и принцесса сильно затосковала.

— Не рассердился ли он в самом деле? Как ужасно я поступила. Пойду скорее и исправлю свой поступок.

И сказав так, она тотчас оставила дворец и стала повсюду искать своего суженого, но никак не могла найти.

Но вот, наконец, она набрела на завод, где среди мастеров работал и ее муж. Принцесса сразу же нашла хозяина завода и сказала ему:

— Этот мастер — мой муж; вели ему сейчас же итти за мной.

Но хозяин и слышать не хотел об этом.

— Что ты! С тех пор как он здесь, он не сказал ни слова. Он глухонемой; разве он может быть твоим мужем.

Выслушав его, принцесса покачала головой.

— Нет, этого не должно быть. Я пойду сейчас и заставлю его заговорить.

И с этими словами она подошла к мастеру.

— Послушай, я действительно совершила тогда очень скверный поступок. Больше я никогда не поступлю так. Посмотри, как униженно я прошу у тебя прощения. Пожалуйста, будь ко мне милостив.

Так она просила его, но он слушал ее так рассеянно, будто бы на него откуда-то подуло нездешним ветром, и ничего не отвечал.

— Ну, убедилась теперь, — сказал хозяин, ведь я говорил тебе, что он глухонемой.

— Нет, он не глухонемой, — отвечала принцесса. — Сейчас он непременно заговорит.

— Ну, а если не заговорит, тогда что?

— Если он не заговорит, я готова принять любое наказанье.

— Хорошо, — сказал хозяин, — в таком случае, если сегодня же он не заговорит, завтра я посажу тебя в тюрьму.

— Я согласна, — отвечала принцесса.

И тут, когда они так условились, она снова стала умолять мастера.

— Ведь я так прошу у тебя прощения и всегда буду тебя ценить, заговори же пожалуйста, если жалеешь меня; скажи хоть слово. Пожалуйста заговори.

Так просила она его, чуть не плача, но у мастера было попрежнему равнодушное лицо, и он ни разу не открыл рта. Между тем обещанный день приходил к концу и таким образом несчастная принцесса была целиком в руках хозяина завода и должна была попасть в тюрьму.

Однако она и теперь еще не гневалась на своего мужа.

— Ах, во всем виновата я одна. Я не уберегла своего любимого мужа, и только я одна виновата в этом, пусть теперь будет мне любое наказанье.

Так говорила она себе.

Услышав эти слова мастер, которого прежде считали глухонемым, поспешно подошел к ней.

— Ты сказала хорошие слова. Это действительно от самого сердца.

И так как он впервые, наконец, заговорил, принцесса радостно схватила его за руки.

— Ах, я так благодарна тебе. Ведь ты спас меня своими словами, — сказала она и заплакала от радости.

Хозяин завода очень удивился происшедшему. Он догадался теперь, что между ними произошло, отпустил сразу же мастера, и тот вместе с принцессой вернулся во дворец.

И с тех пор жили они вдвоем душа в душу и в радости проводили вместе дни и месяцы.

Перевод А. Е. Глускиной

ТРИ СЕСТРЫ

(Японская сказка)

О-Юки-Сан, О-Хана-Сан и О-Тама-Сан были родными сестрами.

Старшая из них — О-Юки-Сан — любила танцы, вторая сестра — О-Хана-Сан — была большой щеголихой, и лучшим ее удовольствием было ежедневно купаться в ванне и мыть до блеска лицо и руки. Младшая же — О-Тама-Сан — не любила танцы и щегольство, а скромно прислуживала родителям и сестрам и всем старалась угодить.

Однажды заболел их отец. С каждым днем здоровье его становилось все хуже и хуже. Наконец, врачи махнули на него рукой и признали болезнь безнадежной.

Все три дочери, горячо преданные отцу, сильно убивались и ухаживали за ним, не отходя от постели. Но ничего не помогало. Отцу становилось все хуже и хуже. Наконец, наступил день, когда врачи заявили, что больной не дотянет и до завтра. Сестры были в большой печали. Но вот, вдруг отец, лежавший все время в забытье, позвал к себе голосом совсем тоненьким, как ниточка, и взглядом, полным мольбы и надежды, окинул сестер.

— Вы здесь?

— Да, мы здесь, отец, не нужно ли тебе что-нибудь?

— Ну, хорошо, что вы здесь. Я вижу, что вы вполне доказали мне свои дочерние чувства. И если впрямь не

хотите, чтобы я умер, выслушайте сейчас мою просьбу... Не принесете ли вы мне целебной воды?

И не успел он это проговорить, как О-Юки-Сан воскликнула:

— Ах, отец, мы сделаем все, что ты скажешь. Но беда в том, что лекарства тебе не помогают.

Отец тихо промолвил:

— Но это не простое лекарство. Во сне кто-то пришел и рассказал мне, что в трех ри отсюда, у гор, среди большой рощи есть колодец, от воды которого выздоравливают. Хотя бы день попить этой воды... Хорошо, если бы одна из вас сходила в эту рощу и принесла бы этой воды, хоть это и нелегкое дело.

Когда он кончил, все три сестры приблизились к нему и сказали:

— Верно сам бог задумал помочь тебе, отец. Мы сейчас же пойдем и принесем тебе эту воду.

— Если так, я пойду, а вы, сестры, подождите меня здесь, горячо воскликнула младшая, О-Тама-Сан, и собралась было уже пойти. Но средняя сестра О-Хана-Сан ее удержала.

— Ты еще ребенок,— сказала она, — разве ты сможешь принести воду: роща дремучая, страшная и ты заблудишься. Это порученне как раз для меня.

Но только она это сказала, как вмешалась О-Юки-Сан.

— О-Хана-Сан тоже останется дома, — сказала она, — я самая старшая из сестер и поэтому должна итти я.

Сказав это, она взяла с полки серебряную фляжку, которую отец всегда бережно хранил, и сказала:

— Отец, я скоро принесу воды. Подожди же меня немного.

Сказав это, она ушла.

Поспешно прошла она дорогу в три ри и пришла в рощу. У горы, в самой глубине рощи, О-Юки-Сан оты-

скала большой колодец. Она очень обрадовалась и собралась было уже зачерпнуть воды, как вдруг кто-то закричал:

— А ну-ка, постой!

Оглянувшись, О-Юки-Сан увидела в тени дерева против колодца грязного и страшного нищего.

— Ты хочешь воды? — спросил он.

— Да, мне нужно воды!

— Ну, если хочешь, я дам, но только даром ты ее не получишь!

— Если так, — ответила О-Юки-Сан, — то я дам тебе денег сколько пожелаешь, жаль только, что я забыла их захватить с собой. Но после я принесу тебе непременно.

— Нет, деньги мне не нужны, — отвечал нищий.

— Чего же ты тогда хочешь?

— А вот, говорят, ты любишь танцовать, — заметил нищий, — давай потанцуем вместе, и тогда я дам тебе воду!

О-Юки-Сан любила танцы больше всего на свете, и она сразу же хотела согласиться. Но когда взглянула на грязного, оборванного нищего, один вид которого вызывал отвращение, то в раздумье покачала головой.

— Маа, как же я могу танцовать с таким грязным оборванцем; противно, неприлично якшаться с нищими!

Услышав это, нищий засмеялся.

— Ну, если тебе противно со мной плясать, то воды не получишь.

С этими словами он расставил руки и, встав перед колодцем, загородил дорогу. О-Юки-Сан была в большом затруднении, но танцовать с нищим она все-таки не стала.

— Ничего не поделаешь, — сказала она, — попрошу лучше сходить О-Хана-Сан.

И поспешно пошла обратно. Дома она позвала О-Хана-Сан, но решила не рассказывать правды, потому что боялась, что О-Хана-Сан рассердится.

— О-Хана-Сан! прости меня, сходи пожалуйста за водой. У меня дорогой разболелся живот и я не смогла дойти.

— Хорошо, конечно, пойду! — ответила ей О-Хана-Сан и с радостью поспешила в рощу к колодцу. Но когда она подошла к колодцу, то снова показался тот же нищий и остановил ее:

— Ну-ка, подожди! Если хочешь воды, я тебе дам, но только даром ты ее не получишь. О-Хана-Сан задумалась.

— Жаль, что я не захватила кошелек; когда я пойду домой, пойдем вместе, — сказала она, — дома я дам тебе денег.

Но нищий покачал головой.

— Нет, деньги мне не нужны. Вот, говорят, что ты любишь купаться. Давай, выкупаемся вместе, и тогда бери себе воды сколько захочешь.

Услышав о купании, которое она любила больше всего на свете, О-Хана-Сан совсем почти согласилась, но чем пристальнее вглядывалась она в нищего, тем отвратительнее он ей казался. Поэтому она нахмурилась и, отшатнувшись, сказала:

— Маа... противно! Кто будет купаться с таким грязным нищим? Мое тело, такое чистое, красивое, станет еще, пожалуй пахнуть, как его.

Услыхав это, нищий засмеялся.

— Если противно, то не надо, сказал он, но и воду ты не получишь.

И сказав так, он загородил колодец.

Тут О-Хана-Сан задумалась.

— Хорошо, — сказала она. Есть еще О-Тама-Сан, пошлю ее за водой. И вернулась прежней дорогой.

Между тем О-Юки-Сан, проводив сестру, втайне сильно беспокоилась: как она там, принесет ли воду, что ей скажет нищий? И в большой тревоге она вышла встречать сестру за калитку. И когда вернулась О-Хана-Сан, сестра окликнула:

— Ну, что, вернулась? Достала воды?

— Нет.

— Почему же? Что случилось? — спрашивала она. Но О-Хана-Сан ей тоже соврала.

— Видишь ли, я почти дошла, но по дороге оступилась и так разбила ногу, что не смогла итти.

— Маа. Ничего не поделаешь. Как же нам быть?

— Ну ладно, пошли О-Тама-Сан.

И ни слова не говоря о нищем, они передали младшей сестре серебряную фляжку.

Скромная О-Тама-Сан, не меньше сестер хотевшая помочь отцу, тотчас же взяла фляжку и поспешила в рощу. А сестры проводили ее взглядом и втайне смеялись.

Между тем О-Тама-Сан благополучно пришла к колодцу. У колодца уже стоял грязный нищий и черпал воду.

О-Тама-Сан собралась было тоже зачерпнуть воды, но нищий повернулся к ней со словами:

— Что это ты тут делаешь?

— Видишь-ли... дай мне немного воды, — попросила О-Тама-Сан.

— А, ты тоже за водой? — спросил нищий. — Хорошо. Если хочешь, могу дать. Только за это исполнишь мою просьбу?

— Хорошо, почему не исполнить, — отвечала О-Тама-Сан, — только я пришла ради отца, и если я опоздаю, он может умереть. Скажи же скорее, что тебе нужно!

— Гм, я немного отниму времени, — отвечал нищий, — помой мне спину!

Услышав это, О-Тома-Сан взглянула на его зловонную спину и готова была уже отказаться, так противно показалось ей коснуться ее руками, но вспомнила, что тогда она не получит воды и не сможет помочь отцу. Подумав об отце, О-Тама-Сан сразу же забыла, как грязна и зловонна спина нищего;

— Если хочешь, я помою тебя, — сказала она. — Но за это непременно дай воду!

— Ну, конечно, — отвечал нищий, — дам тебе сколько захочешь!

И, обрадовавшись, он подставил ей спину.

И вот, О-Тама-Сан искусно подвязала рукава, точно при ней были тасукэ,[1] не пожалела снять свою головную повязку и старательно стала мыть ему спину. И, о чудо! Грязная спина на глазах стала чистой, и тот, кого до сих пор она принимала за нищего, оказался ее собственным отцом. И отец уже не был тяжело больным, а имел и силу в руках и ногах, и блеск в лице и, как видно, стал совсем здоров.

О-Тама-Сан была совершенно как во сне. И когда она удивленно взглянула на отца, тот радостно ей сказал:

— О-Тама! — сказал он, — ты действительно изумительная дочь. Ты спасла мою жизнь. Знаешь ли, когда я попросил вас принести воды, то сразу же закрыл глаза и заснул. И когда я спал, сначала пришла твоя старшая сестра О-Юки. Я хотел взять ее руку, но она сказала, что ей противно и отвернулась от меня. Затем пришла вторая твоя сестра О-Хана и, когда я поманил ее рукой и сказал „иди сюда", она покачала головой и ушла. Но, когда пришла ты и я вскрикнул от боли, ты тотчас же подошла ко мне и потерла мне спину и поясницу, и так старательно ты ее терла, что я сразу же выздоровел. Что может быть больше этой радости?

Так сказал он.

И все это было похоже на сон. И в самом деле, не удивительно ли это?

И деревья и колодец — мигом исчезли, и то, что казалось ей рощей, стало вдруг их собственным домом.

Перевод А. Е. Глускиной

[1] Специальные завязки, подтягивающие рукава при работе.

ЗОЛОТОЕ ВЕРЕТЕНО

(Японская сказка)

Жил когда-то, давно, на берегу моря рыбак с двумя дочерьми. Старшую звали О-Юри, младшую О-Хана.

По годам разница между сестрами была небольшая, а вот по характеру одна на другую была похожа не больше, чем ворона на цаплю. Старшая сестра — О-Юри — никогда не сердилась, была очень работящей девушкой, слушалась отца и всегда помогала ему в работе. Утром выходила к морю ловить рыбу, а потом дома до позднего вечера чинила сети. Младшая же — О-Хана — только и знала, что прихорашивалась; все свободное время она вертелась перед зеркалом, красилась, белилась, да переодевала кимоно. Как-то вечером сидели они обе дома и беседовали. Отец и спрашивает:

— Если бы вы сейчас были взрослыми, как бы вы хотели жить?

Тут О-Хана ответила раньше старшей сестры:

— Ах, отец, уж известное дело, если бы я сейчас была взрослой, я хотела бы иметь много красивых кимоно и в прекрасном экипаже ездить каждый день в театр, — вот чего бы я хотела! И ты ведь также, сестрица, не правда ли?

Но О-Юри покачала головой:

— Нет, — сказала она, — не так. Я бы хотела всегда жить с отцом и ловить рыбу.

Отец слушал их посмеиваясь, а потом сказал:

— Всякому хочется того же, что и тебе, О-Хана! Носить красивые кимоно, есть вкусные вещи, каждый день ездить в прекрасном экипаже в театр и на гулянья, — кто бы отказался от этого? Но для этого нужно иметь другое положение, а для нас это невозможно, даже если каждый день выходить к морю и работать до темноты. Это неисполнимое желание. Конечно, если трудиться каждый день, не покладая рук, как говорит О-Юри, то можно зарабатывать немного денег, и тогда раз в месяц можно сходить в город, товары посмотреть, либо в храм зайти; а это тоже большое удовольствие и отдых.

Однако О-Хана видно не понимала объяснений отца; она надулась и отвернулась в сторону.

Вскоре отец внезапно заболел, не мог уже работать как раньше и скоро умер. Бедные сестры остались совсем беспомощными.

Что тут делать? И решили девушки обратиться за помощью к морскому царю — Рёдзин-Сама.

Вышли они на берег, стали лицом к широкому морю и взмолились изо всех сил:

— О Рёдзин-Сама, Рёдзин-Сама. Отец наш умер, остались мы вдвоем!.. Как нам жить — мы не знаем. Пожалуйста, помоги нам, Рёдзин-Сама. Пошли нам счастье!

Так они неустанно взывали к морскому царю, и вдруг — о чудо! — высоко всплеснулась морская волна, и из этой волны вышла красавица — принцесса. В каждой руке она держала по блестящему веретену. Красавица сказала нежным голосом:

— Я, принцесса Ото-Химэ из дворца морского царя, пришла к вам по приказу Рёдзин-Сама. Вы обратились к нему с мольбой, и он услыхал вашу мольбу. Рёдзин-Сама смилостивился над вами, он посылает вам по золотому веретену, ими вы притянете к себе счастье. Благодарите же морского царя.

С этими словами она дала сестрам по веретену и снова опустилась на дно морское.

А сестры заплакали от счастья. Когда же девушки стали рзглядывать эти прекрасные золототые изделия, то у них даже глаза заболели от блеска золота.

Это было целое богатство, и О-Хана радостно воскликнула:

— Сестрица! Сестрица! Уж раз мы получили такие хорошие вещи, пойдем скорей и кому-нибудь продадим их подороже! У нас будет много денег, и тогда мы сразу купим себе кимоно, купим украшения для волос, кольца купим, гета купим!..

Она была как в бреду, и, видя это, старшая сестра О-Юри нахмурилась:

— Хана-Тян! Что ты говоришь? Если мы продадим это, Рёдзин-Сама нас накажет. Ты помнишь, что нам сказала Ото-Химэ. Она сказала, что эти золотые веретена будут притягивать к нам счастье. Их ни в коем случае нельзя продавать.

— Да, но ведь... Если мы их сейчас продадим и получим за них много денег, то разве мы не притянем этим к себе счастье?

— Нет, так нельзя. Ведь мы можем их только один раз продать и только один раз сможем получить за них деньги. Это не называется притягивать счастье.

— Что же нам тогда нужно делать, сестрица?

— Мы возьмем веретена и будем прясть.

— Ну, эта нудная работа не по мне, противно же!

— Противно или нет, а раз Рёдзин-Сама дал нам их, то делать не то, что он велел, например продавать их, я не могу.

— Не можешь? Ну и не надо, ну и делай, пожалуйста, по-своему! А я буду по своему делать.

И не слушая больше того, что ей говорила сестра, О-Хана забрала свое золотое веретено и пошла в город.

„Ничего с Хана-Тян не поделаешь", подумала огорченная О-Юри и пошла домой, бережно неся в руках золотое веретено. Вернувшись домой, она сразу же укрепила нить и начала прясть. Куру-куру... куру-куру — поскрипывало веретено. И вдруг она к своему удивлению заметила, что нить, которую она начала прясть, не кончалась, сколько она ни пряла, и что с каждым поворотом веретена эта нить превращалась в прекраснейшее золото.

— Ах! — воскликнула пораженная О-Юри. — Вот это, наверно, и значит „притягивать счастье!" Благодарю тебя, о Рёдзин-Сама! — Потом О-Юри понесла в город продавать моток этой золотой нити и получила за него много-много денег, а вернувшись домой опять села прясть. Так она каждый раз продавала готовую пряжу, и скоро дом О-Юри стал в десять раз, а потом в сто раз богаче, чем при жизни ее отца. Но так как девушка она была простая и очень добрая, то нисколько не возгордилась, хотя и стала богатой. Много у нее было денег, но она никогда не тратила их зря. Она расходовала деньги только на хорошие дела: жертвовала в храм и на школы, подавала нищим, а сама попрежнему жила как простая дочь рыбака. Так же как и при отце работала до поздней ночи. Соседи удивлялись, глядя на нее, и все, как один, хвалили ее.

И вот однажды у ворот О-Юри остановилась грязная нищенка. О-Юри вынесла ей денег. И вдруг нищенка, смущаясь, сказала:

— Сестрица! Прости меня... и заплакала.

О-Юри, которой показался знакомым ее голос, стала рассматривать ее. И вдруг поняла, что эта жалкая нищенка — ее сестра О-Хана?.. Сердце у нее сжалось.

— Неужели это ты, О-Хана!.. Что случилось, что ты в таком виде?.. И что же ты делала до сих пор?

Но О-Хана ничего не ответила, только плакала; а потом, заливаясь слезами, опять сказала:

— Прости меня сестрица, — и заплакала еще сильнее. — Прости меня, я тогда не послушалась тебя и продала золотое веретено... Рёдзин-Сама наказал меня за это, и я стала вот такой грязной нищенкой.

— Так ты продала свое веретено?

— Да, продала, но деньги... я хотела накупить красивых кимоно... а деньги сразу же украл вор... А потом, без гроша осталась... Очень плохо было... Я уже не могла так возвратиться в твой дом. До сегодняшнего дня я бродила за подаянием с места на место, а вот сегодня... сегодня я почувствовала, что у меня нет больше сил, и я решила вернуться.

Так в слезах рассказывала О-Хана, и жалостливая О-Юри ответила:

— Забудь про все это, оставайся со мной. Я так буду рада, если ты тоже разбогатеешь!

Словом, О-Юри сразу же приняла обратно О-Хана, и они снова стали вместе жить. О-Хана сильно изменилась. Она совсем не похожа на прежнюю О-Хана. Она стала совсем другая, стала много работать и не уступала в работе старшей сестре. И дома у них становилось все лучше и лучше.

Перевод Р. Г. Карлиной

ДОЛГОДЕНСТВИЕ ЧЕРЕПАХИ

(Японская сказка)

Это было давным-давно, еще в те времена, когда только появился остров Хорай.

В то время этот остров не был еще таким счастливым, каким он стал теперь, и потому ничем не отличался от всех других островов. И вот случилось однажды так, что настал день рождения царя этого острова.

И все жители — и высшие, начиная с министров его величества, и низшие, вплоть до простых рыбаков побережья,— все по одному готовились принести ему свои поздравления.

Между тем в тени скалистых гор у моря жил юноша по имени Таро. Рано потеряв родителей, он был одиноким сиротой, но по характеру он был верным и преданным юношей, и в день рождения царя непременно хотел преподнести ему самый благожелательный подарок и пожелать ему долгой жизни.

Всячески раздумывал он над тем, что бы ему поднести царю, но с рожденья был он бедняком и роскошное подношение казалось ему не по силам. Проще всего было бы поднести рыбу, пойманную в море. И так как среди рыб рыба тай с в древних времен считалась самым благожелательным подношением, то он и решил, что если выловит ее и преподнесет царю живую тай, царь останется очень доволен. И тут же, взяв свою удочку, он пошел к морю ловить рыбу.

И когда он вышел к морю и закинул удочку, то вскоре же поймал эту рыбу. Таро обрадовался и положил ее в корзину, но увидел, что она недостаточно велика. Решив, что лучшая рыба осталась еще в море, он снова закинул удочку, и через некоторое время ему показалось, что он снова что-то поймал. Он собирался уже вытащить удочку, но добыча была что-то слишком тяжелой.

— Наверное, это очень большая рыба, — подумал он. Если я потороплюсь, то порву леску и тогда все пропало.

И он осторожно стал тащить удочку, и наконец, когда поднял ее, то увидел, что то, что он считал большой рыбой, была черепаха.

„Что же это? Эдакая дрянь попалась. Теперь понятно, почему улов был так тяжел. Не поломать ли ей лишние кости?“ — И он было уже собрался бросить ее в воду, как вдруг услыхал какой-то голос: „Таро-сан; подожди пожалуйста!“

Раздумывая, кто бы это мог быть, Таро оглянулся кругом, но вблизи никого не оказалось. „Что это, уши мои, что ли, не в порядке? Вот глупости“, — заворчал он про себя, но когда снова собрался бросить черепаху, тот же голос вновь произнес: „Таро-сан, подожди пожалуйста“. И ему показалось, что говорила черепаха.

— Черепаха, это ты говорила? — спросил он.

— Да, это я говорила, — ответила она, и этот голос был снова как прежний.

— Что же тебе нужно от меня? — снова спросил он, и черепаха ему снова ответила:

— Ты, говорят, Таро-сан, собираешься сделать подарок царю в день его рождения и пришел поэтому удить сюда?

— Да это так, — ответил Таро — потому-то я и хотел поймать рыбу тай, да ты вот помешала мне.

— Нет, я пришла не для того, чтобы мешать тебе, — ответила черепаха, — я нарочно попалась на твою удочку. Поднеси меня, пожалуйста, царю вместо рыбы тай.

Услышав это, Таро задумался:

— Так, значит, ты нарочно попалась мне? Но если я поднесу тебе вместо рыбы тай, будешь ли ты таким радостным и благожелательным подношением?

— Не беспокойся, — ответила черепаха, — говорят: „цуру-сэн-нэн; камэ-ман-нэн" — цапля — тысячу лет жить, черепаха — десять тысяч лет жить, и поэтому ничего нет благожелательнее такого подарка царю в день его рождения.

— Разве что так? — обрадовался Таро, — ты меня хорошо научила. Благодаря тебе у меня будет хороший подарок. Тогда брошу я эту пойманную рыбу тай. И сказав так, Таро хотел было отпустить в море свою трепещущую добычу, но черепаха снова промолвила:

— Таро-сан! Подожди пожалуйста! Ведь ты нарочно ловил эту рыбу, разве она ни на что не годится, кроме подношения? Ведь ее можно съесть или хотя бы продать в рыбную лавку и тем заработать денег!

— Нет, — ответил ей Таро — не стоит ее брать; сегодня я пришел ловить рыбу только для подношения.

И когда он сказал так и отпустил ее, рыба тай радостно взмахнула хвостом и плавниками и исчезла в море.

Итак наступил день рождения царя.

Пришедшие поздравить царя с утра наполняли дворец, и поздравительных подношений собрались целые горы.

Как раз в это время к царю приблизился Таро, держа в руках обыкновенную черепаху.

— Осмелюсь и я, царь, поздравляя тебя сегодня, преподнести тебе долголетнюю черепаху, — сказал он. Прошу тебя очень соизволить ее принять.

И, говоря так, он поднес царю черепаху.

— Ты преподнес самое благожелательное подношение. Большей радости не может быть, — ответил царь и неожиданно взял черепаху в свои руки и стал гладить ее по панцырю.

Но тут черепаха, точно испугалась, сжалась, ушла вся в панцырь и упала на пол. А когда на нее посмотрели, она оказалась мертвой.

Таро и свита, бывшая около царя, — все замерли.

Царь сразу же изменился в лице.

— Ай, Таро! Подарил мертвую черепаху! Что в ней за счастье, наглец?

И когда царь с угрожающим видом начал бранить Таро, министры тоже вскочили, схватились за рукоятки мечей и собрались расправиться с ним немедля. Таро весь затрепетал.

Но тут из глубины дворца показалась прекрасная принцесса.

— Постойте, постойте, не спешите! — воскликнула она. Отец, подожди пожалуйста! За что вы хотите расправиться с Таро, преподнесшим такой благожелательный подарок?

— Что тут благожелательного? — ответил царь. — Он принес черепаху с дурным предзнаменованием, — черепаху, которая сразу же умерла. Это негодяй, он посягает на мою жизнь, и мы расправимся с ним.

— Нет же, нет — воскликнула снова принцесса, — ведь то, что она умерла на твоей руке — разве это не счастливое предзнаменование?

— Почему же эта смерть — счастливое предзнаменование? — спросил царь.

— А ты подумай! — ответила принцесса, — ведь говорят „камэ-ман-нэн“ — „черепаха — десять тысяч лет жить“, и то, что она умерла на твоей руке, это и значит, что она

передала тебе свое долголетие. Вот почему и сама умерла. Не правда ли, Таро, ведь так?

Таро, сразу почувствовал, что силы вернулись к нему, и ответил: — Да, это так, — и вытер со лба пот.

Тут только понял царь смысл всего происшедшего, и тотчас же настроение его поправилось.

— О, это в самом деле счастливый знак. Такого счастья не сыщешь. Веселитесь же все. И ты, Таро, прости меня, что я бранил тебя!

Так кончилось все благополучно, и Таро с честью покинул дворец.

Однако, когда он вышел за ворота дворца, опять появилась та же принцесса.

— Таро, — сказала она, — сегодня и вправду счастливый день.

— О, принцесса, — ответил Таро, — я тебе очень благодарен. Благодаря тебе я спасся от смерти.

— Нет, нет, — воскликнула принцесса, — это я благодарна тебе. Ведь ты спас мне жизнь. И я подошла к тебе поблагодарить.

И говоря так, принцесса вдруг превратилась во вчерашнюю рыбу тай и исчезла в море.

С тех пор долголетие черепахи передалось всем жителям острова, начиная с царя, и поэтому-то этот остров — Хорай — и стал самым счастливым местом на свете.

Перевод А. Е. Глускиной

ЧЕЛОВЕК С ДЕРЕВОМ НА ЛЫСИНЕ

(Японская сказка)

Жил-был на свете один слуга. Госпожа иногда посылала его гонцом к господину самураю. А по дороге был чайный домик, куда он непременно заходил выпить вина; и каждый раз, напившись, спал там до самого вечера. Вечером хозяин и хозяйка чайного домика насильно его будили и отправляли домой.

Вот однажды, когда слуга по обыкновению спал у входа в чайный домик, туда зашли, кушая хурму, пять-шесть местных мальчиков. Увидав пьяного до бесчувствия слугу, они сказали: „Он всегда здесь напивается, бесстыдник. Вот мы ему за это!“ и каждый из них стукнул его по лысине косточкой хурмы. А слуга ничего не чуял и храпел себе во-всю. Вечером мальчики со смехом пошли во-свояси. Хозяйка, как всегда, с трудом растолкала слугу, и он впопыхах побежал домой.

Только вдруг у него на лысине выросло хурмовое дерево. Дерево расцвело, принесло плоды, а плоды осенью созрели. Слуга страшно обрадовался и опять пошел в чайный домик.

— Вот что, хозяйка. Возьми-ка себе хурму с дерева у меня на лысине, а мне дай вина.

Он снова напился и до вечера спать повалился. Тут его вновь увидала та же компания мальчиков. Они сказали: — „Он все больше наглеет! Смотрите, опять напился!“

На этот раз они принесли пилу и, пока он спал, спилили дерево у самого корня. Вечером хозяйка, как всегда, разбудила слугу и он со всех ног побежал домой, не заметив, что дерево-то у него спилено.

Вдруг на пне выросло множество грибов. Он снова страшно обрадовался, снял со лба грибы, выменял на них вина и, пьяный, завалился спать у входа в чайный домик.

Мальчики опять увидали это и рассердились: — „Ах, негодяй."

Взяли, выкопали топором пень на лысине, так что сделалась дыра. Вечером слугу разбудила хозяйка, и он, ничего не заметив, поспешно побежал домой.

А тут как раз его послали гонцом в дождливый день, и в дыре собралась целая лужица воды, а в этой лужице завелся голец. Он опять пошел в чайный домик, обменял рыбу на вино и напился.

Тут уж и мальчикам надоело, и они отступились от него.

Перевод В. Н. Марковой

МЕСТЬ ВОРОБЬЯ

(Японская сказка)

Как-то раз одна воробьиха свила гнездо в бамбуковой чаще и снесла там яйца. Только вдруг из глубины гор явилась ведьма и говорит:

— Воробьиха, воробьиха, дай мне яичко!

Воробьиха испугалась страшной ведьмы и дала ей яичко, а ведьма опять:

— Дай еще одно! Дай еще одно!

Так она похватала все яички, а под конец съела и мать воробьиху.

Но одно яичко упало в бамбуковую чащу. Из яичка вывелся воробушек, подрос и решил отомстить за свою мать. Вот он тут сорвет рисовый колосок со стебелька, там сорвет рисовый колосок со стебелька, да и сделал колобки. Взвалил их на спину, понес и кричит:

— Рисовые колобки! Хорошие колобки!

Вдруг навстречу катится конский каштан и говорит:

— Ты куда идешь, молодой воробушек?

— Я иду мстить за свою мать, а с собой несу рисовые колобки.

— Ну раз так, я помогу тебе, а ты дай мне рисовый колобок.

Получил колобок и покатился сзади.

Вдруг навстречу ковыляет иголка, она сказала то же, что и каштан, получила и на свою долю колобок и пошла

с ними. Потом встретились краб, коровий навоз и ступка, и все они точно так же стали боевыми товарищами молодого воробушка.

Весь отряд (воробушек, каштан, иголка, краб, коровий навоз и ступка) ворвался в дом ведьмы, но ведьмы к сожалению не было дома. Воспользовавшись этим, каждый занял выгодное место: каштан на очаге, иголка на цыновке, коровий навоз под входной дверью, краб в ведре с водой, а ступка на потолочной балке.

И стали с нетерпением поджидать ведьму.

Вечером ведьма вернулась откуда-то, сказала: „Ох, как холодно!" и стала греться, растопырив ноги над очагом. Увидев это, каштан вдруг подпрыгнул и забился в зад к ведьме. Ведьма завопила: „Ай, жжется!" и хлопнулась на свой зад, а иголка на цыновке только этого и ждала, и как вопьется в нее! Перепуганная ведьма с разбегу сунулась в ведро, а там сидел краб, да как схватит ее клешнею за пупок! Ведьма, не помня себя, выскочила из ведра и бросилась бежать вон из дому, да на пороге наступила на коровий навоз, поскользнулась и растянулась. А тут ступка слетела с потолочной балки — шлеп! — и задавила ведьму на-смерть.

Так воробушек достойно отомстил за смерть своей матери.

Перевод В. Н. Марковой

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие III

Соловей. Крымско-татарская сказка. Перевод О. Шацкой . . . 1

Кто хитрее? Узбекская сказка. Запись и перевод И. Алимова и О. Шацкой 3

Лев и заяц. Перевод с табасаранского. Мерген-Гулай перевод А. Генко 5

Месть воробья. Калмыцкая сказка. Перевод Г. Румянцева . . 7

Два брата. Карачаевская сказка. Перевод А. Боровкова 9

Мерген-Гулай (мудрый заяц). Монгольская сказка. Запись и перевод Л. С. Пучковского 12

Три жениха. Древне-индийская сказка. Перевод с санскрита А. Баранникова 14

Сказка о гордой красавице. Азербайджанская сказка. Запись и перевод О. Шацкой 18

Три брата. Дунганская сказка. Запись и перевод А. Драгунова. 27

Три неправды и в каждой сорок небылиц. Узбекская сказка. Перевод А. Боровкова 32

Семеро лысых. Монгольская сказка. Перевод К. Черемисова . . 40

Саранбай. Крымско-татарская сказка. Запись и перевод З. Аксакова 47

Два жулика. Азербайджанская сказка. Запись и перевод О. Шацкой 64

Два лгуна. Грузинская сказка. Перевод В. Дондуа 68

Охотник Манук. Армянская сказка. Перевод Н. Еремян 72

Хитрый дервиш. Иранская сказка. Перевод Г. А. Мирзоева . . 82

Крестьянин и ростовщик. Иранская сказка. Перевод Г. А. Мирзоева 86

Кади и муфти. Арабская сказка. Перевод Д. В. Семенова . . . 93

Мам и Зин. Курдская повесть. Запись и перевод О. Вильчевского 99

Пери Дильрюкюш. Турецкая сказка. Перевод И. Н. Леманова . 120

Стр.
Шишка. Корейская сказка. Перевод А. Холодовича 136
Китайское зеркальце. Корейская сказка. Перевод А. Холодовича 139
Как черти потеряли золотые и серебряные палки. Корейская сказка. Перевод А. Холодовича 142
Рассеянный. Японская народная сказка. Перевод В. Н. Марковой 145
Волопас и ткачиха. Японская сказка. Перевод Н. Конрада . . . 149
Как колдун, акробат и зубной врач побывали в аду. Японская сказка. Перевод Н. Конрада 159
У ворот беды. Японская сказка. Перевод А. Е. Глускиной . . . 162
Три сестры. Японская сказка. Перевод А. Е. Глускиной 166
Золотое веретено. Японская сказка. Перевод Р. Г. Карлиной . . 172
Долгоденствие черепахи. Японская сказка. Перевод А. Е. Глускиной 177
Человек с деревом на лысине. Японская сказка. Перевод В. Н. Марковой 182
Месть воробья. Японская сказка. Перевод В. Н. Марковой . . . 184

50 ~
Лавка
15 р.
3380/43
М
19

Цена 5 р. 50 к
Переплет 1 р. 50 к
К-377